

18+

Сергей Шаповалов

Дорогами илархов

Сергей Шаповалов
Дорогами илархов

«Издательские решения»

Шаповалов С.

Дорогами илархов / С. Шаповалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506549-0

Перед вами захватывающий исторический роман о великом Персидском походе Александра Великого. Но не он главный герой романа. Герои — простые воины: честные, бесстрашные, знающие цену настоящей дружбы, которую невозможно измерить золотом. Их ждут опасные приключения. Судьба порой ставит их перед жестоким выбором. Но настоящие ксаи всегда выходят из битвы победителями.

ISBN 978-5-00-506549-0

© Шаповалов С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Дорога первая «По Великой Степи»	9
Набег роксоланов	9
Дорога вторая «За Доном»	48
Курган киммеров	48
Спитамен	52
Сколоты	59
Поединок	66
Снова в пути	77
Дорога третья «Горы»	86
Встреча с Кавказом	86
Жрицы Аргинпасы	91
Томирис	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Дорогами илархов

Сергей Шаповалов

© Сергей Шаповалов, 2020

ISBN 978-5-0050-6549-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

...Я закончил успешно школу и пытался поступить в Ленинградский Государственный Университет на факультет истории. Наверное, год был неудачным. Не нравятся мне круглые года, а этот как раз оказался – восьмидесятый. В общем – баллов недобрал.

Отец сочувственно похлопал меня по плечу и успокоил:

– Не переживай. Через два года поступишь. А пока учишь сапоги чистить, да портянки наворачивать. Не хватает мозгов – значит надо Родину защищать.

Перспектива скорой армейской службы меня совсем не радовала. Сунулся на вечернее отделение. Зачем? Наверное, чтобы совсем не разувериться в себе. Поступил, чему ужасно обрадовался. Поступить-то, поступил, но повестка все же пришла. Поутру ожидала меня серой бумажкой с кривым размашистым подчерком и строгой прямоугольной печатью. Притаилась в почтовом ящике, как голодная змея.

Оценив моё тело на предмет физической мощи, меня направили в стройбат. Ну, что ж, лопата, так – лопата. Тоже – оружие.

Я попал служить на Кавказ, угодил прямо в чудное курортное местечко рядом с Кисловодском. Служил, как и все служили – разное бывало, что об этом рассказывать. Но вот какой странный случай произошёл под самый дембель.

Мы производили земляные работы вблизи небольшого карачаевского городка Учккен. В этом городке находится трикотажная фабрика. Руководство решило расширять производственные мощности. Начали со строительства нового склада. Нас пригнали расчищать площадку под фундамент. Почва скальная. Ковш экскаватора вечно натёкался на пласты песка. Приходилось местами работать отбойными молотками.

Вдруг жало моего молотка нырнуло в щель между камнями и застряло намертво. Когда мы попытались ломом освободить жало, то приподняли каменную плиту. Под плитой зияла чёрная, загадочная пустота.

– Все! Кончай работу! Не трогай! – закричал наш водитель экскаватора. Он был из местных, и объяснил нам, что мы наткнулись на старинное захоронение.

Вскоре примчался милицейский уазик. Из машины вылез начальник отдела Мусса Текевич, а с ним директор краеведческого музея Кисловодска, бородатый толстенький мужчина в очках.

Плиту очень осторожно сдвинули. Внизу оказалась неглубокая квадратная яма, наполовину засыпанная песком.

– И стоило поднимать шум? – недовольно пробурчал начальник отдела милиции. – Эй, боец, – поманил он меня. – Спустишь, посмотри, что там внизу.

Я спрыгнул в яму. Глубина небольшая, около полутора метра. Что-то ощутил под ногой. Нагнулся и извлёк из слежавшейся пыли кусок ржавого металла, длиной сантиметров шестьдесят. Подумал, что это труба старая или ещё что...

– Немедленно дай сюда! – закричал испуганно директор краеведческого музея и потянулся ко мне, чуть в яму не свалился.

Я передал ему осыпающийся кусок ржавого металла. Он схватил его, бережно уложил на камни.

– Что это? – нагнулся вместе с ним начальник отделения милиции.

– Копис, – благоговейно произнес директор музея, – как будто я нашёл давно утерянную лампу Алладина.

– И что? – не понял начальник милиции.

– Ну, как что? Как это – что? – возмутился директор музея. – Захоронение Кобанского периода. Сенсация!

Что в этом куске ржавчины было сенсационного, никто поначалу и не понял. Стройку на время прекратили, а нас заставили охранять «бесценную яму». Вскоре прибыли археологи из Черкесска. Из-под слоя земли на дне ямы они извлекли два скелета. Как объяснил старший из группы: скелеты мужчины и женщины. Но самое удивительное нашли потом: множество наконечников стрел, всевозможные украшения, небольшие керамические сосуды с ручками в виде причудливых зверей. А в ногах человеческих останков лежали кости большой собаки.

Вечером, после раскопок старший археолог, доктор наук, Аскер Ибрагимов, до сих пор его помню, рассказывал нам за чаем, о далёких временах, когда здесь на Кавказе, жили дикие, свободолюбивые горцы, предки нынешних народов. Мы слушали его, раскрыв рты, до того он захватывающе рассказывал. Да еще ночи в горах тёмные. Костер едва разгонял темноту вокруг нас. Закопчённый старый чайник шипел над углями. А чай какой вкусный с кусковым сахаром, крепкий.

Вдруг в самый интересный момент рассказа к нашему костру подошел старик, а с ним белая коза. Ничего в нем не было приметного. На вид – лет семьдесят. Годы скрючили его спину, но движения были резкими, свободными. Одет он был, как большинство местных стариков: шляпа с выцветшими полями, зелёная армейская рубаша, старенький пиджачок неопределённо-серого цвета, галифе с генеральскими лампасами и яловые сапоги. А лицо никак не разобрать: горбатый нос торчал из лохматой бороды.

– Салам, труженики, – поздоровался он.

– Здравствуйте, – ответили мы.

Старик оглядел яму, увидел кости и тяжело вздохнул:

– Эх! Вот, вы же хорошие люди. А зачем спящих тревожите?

– Как это – зачем? – удивился Аскер Ибрагимов. – Ты, садись, отец. Чайку попей. Тут склад будут строить. Понимаешь? А могилам не место.

– И куда вы их перезахороните?

– Отвезём в Черкесск, в институт. Будем изучать. Надо же узнать: кто они были.

– Люди они были, – недовольно прервал его старик. – Хорошие люди. Труженики.

– Труженики, говоришь? Почему же в погребении столько оружия?

– Время такое было, – просто объяснил карачай, присаживаясь на корточки. – Забирали бы вы все оружие, да украшения, а косточки бы не трогали.

– У нас другой порядок, – терпеливо объяснял ему Мусса Ибрагимов. – Вот, мы акинак нашли странной формы, – указал он на тот кусок истлевшего металла, который я нашёл. – Не у каждого воина такой имелся. Вывод – не простые это пастухи.

– Эх, учёный, – покачал головой старик. – Вот, ты много знаешь, книжек прочитал, целый шкаф, наверно, а акинак от кописа отличить не можешь.

Мусса Ибрагимов чуть не подавился чаем.

– Ох, отец, – с интересом взглянул он на старика. – А как ты это определил. Что еще ты можешь сказать?

– А что ты хочешь услышать? Знал бы ты, чья рука держала этот меч... Ай. Что с тобой впустую болтать, – махнул рукой старик и поднялся. – Пошли, Артемида, – позвал он свою белую козу, пожаловался ей: – До чего же люди невеждами стали...

– Странный какой-то дедок, – пожал плечами Мусса Ибрагимов, допивая чай.

Археолог ушёл, а мы остались охранять место раскопок. Дежурили по очереди. Да от кого тут охранять?

Ночью опять пришёл старик с козой. Сел молча у костра и долго глядел на кости в яме. Сидел неподвижно. Я уже начал думать, что он заснул. Но старик вдруг произнес:

– Хочешь, расскажу одну историю, солдат?

– Расскажи, – заинтересовался я. – А о чем?

– О чем все истории? О жизни. Слушай...

Наутро случилось ЧП. У нас украли останки. Унесли только два скелета людей и скелет собаки, больше ничего не тронули. Аскер Ибрагимов был вне себя от гнева. Начальник милиции его успокаивал, как мог, обещал в ближайшее время найти преступников.

– Да что их искать? – кричал старший археолог. – Дедок украл. Тот, сумасшедший, что ночью к нам приходил.

– Какой дедок?

– Обыкновенный, с козой, в сапогах, в шляпе...

– Да у нас тут все ходят в сапогах и в шляпе...

– Коза у него была белая.

– Да тут коз в каждом дворе... Как звать его?

– Уархаг, вроде, – вспомнил я.

– Вова, – позвал он своего водителя, молодого сержанта. – Ты не знаешь, у кого старик живёт по имени Уархаг?

– Не знаю, – пожал плечами Вова. – Имя не карачаевское. Может, он из Армян?

– Не беспокойся, уважаемый Аскер, найдём, – заверял Мусса Текеевич начальника археологической партии.

Но не нашли. Исчез бесследно дедок.

Я давно забыл про этот случай. Но, спустя много лет, вдруг старик приснился мне, все тот же: в шляпе, в сапогах яловых, и спрашивает:

– Ты рассказ мой помнишь, сынок?

Дорога первая «По Великой Степи»

Набег роксоланов

Репейник вскинул мохнатую морду. Настороженно принюхался. Утробно зарычал и вскочил на лапы. Грязно-коричневая шерсть на холке вздыбилась. Пес пристально уставился куда-то в темноту. Рычание его становилось все злее и громче.

Исмен очнулся от дремоты.

– Кого учуял? – спросил мальчик, прислушиваясь к тишине уходящей ночи. На востоке небо уже подкрашивалось бледной синевою. Звезды тускнели. Но земля еще лежала под покровом мрака, источая сырую прохладу сгинувшей недавней зимы.

Пес кинулся с лаем на невидимого врага и пропал за кругом света, падавшего от едва тлеющего костра.

– Репейник, стой! – крикнул Исмен вдогонку. Куда там!

Волки! – подумал мальчик. Рука сама потянулась к ножу. Пальцы ощупали деревянные ножны, привязанные к правому бедру двумя кожаными ремешками, коснулись костяной гладкой рукояти. Если стая большая, ему с Репейником вдвоем не справиться. Вчера крутились серые разбойники возле табуна. Исмен отгонял их, меча камни с пращи. Репейник сцепился с молодым волчонком, неосторожно подошедшим к лошадям, и хорошенько подрал его. Пес из потомственных волкодавов, сильный – умеет зверя одолеть. Неужели на рассвете волки решили жеребенка отбить от табуна. Но лошади почему-то не встревожились. Так же продолжали спокойно пастись. Уж лошади—то волков бы учуяли, взволновались бы. Значит, это не волки, – люди. Люди в степи бывают хуже зверей. Репейник поднял отчаянный хриплый лай.

– Пошел! – крикнул кто-то на него из темноты.

Исмен почувствовал, как земля содрогается под топотом копыт. Прямо на него вылетели пять всадников. Все на крепких взмокших конях. В руках короткие копыя. За плечами гориты полные стрел. Их возглавлял ксай в медном остроконечном шлеме и дорогих доспехах. Тело защищал кожаный панцирь с нашитыми, словно чешуя, металлическими пластинами. На широком поясе с бронзовыми птицами висел акинак в локоть длиной. Широкие медные ножны украшал тонкий чеканный узор. Длинный черный плащ укрывал спину. Под ксаем горячился рыжий молодой конь – красавец. Грудь широкая, ноги длинные, крепкие. Голову коня защищал шлем из толстой кожи с ветвистыми оленьими рогами.

Остальные четверо – слуги. Одеты попроще: в куртках без рукавов, грубо скроенных из коровьих шкур. Поверх простые нагрудники толстой кожи, украшенные круглыми медными бляхами. Вместо чепраков – козьи шкуры.

Языги, – сразу сообразил Исмен. – С ними надо держаться вежливо, – народ горячий, безжалостный.

– Мальчишка, уйми пса! – недовольно крикнул ксай.

– Репейник, прочь!

Пес поджал хвост и отбежал в сторону, но продолжал глухо рычать.

– Ты кто такой? – спросил ксай. Разгоряченный конь так и плясал под ним. Из широких ноздрей вырывался пар.

– Я из клана Луня, племени сираков. Пасу кобылиц, – ответил Исмен

– Пить дай. Что там у тебя? – потребовал ксай, заметив у костра кособокий кувшин.

Исмен схватил его и подал всаднику. В кувшине было кислое молоко. Исмен сам доил кобылиц, ждал, когда молоко скиснет в плотном кожаном мешке, затем добавлял воду и соль, долго взбивал молоко, колотя по мешку палкой. Всадник брезгливо пригубил. Распробовал.

Понравилось. Сделал несколько больших глотков и вернул кувшин Исмену. Тыльной стороной ладони стер белые капли с длинных черных усов и бороды.

– Хорошее молоко. Кто готовил?

– Я

– Молодец, хорошо взбиваешь, – похвалил его языг. – Люблю кислое молоко.

– Пей еще, – Исмен вновь протянул ему кувшин.

– Некогда. Мы спешим, – отказался всадник. – Тебе не попадался человек... Такой, в рваной одежде, грязный, но на хорошем коне?

– Нет, – мотнул головой Исмен – Я неделю здесь пасу кобылиц. Кроме волков никого в округе не видел.

– Если заметишь, зови старших. Из города Артар сбежал живой-убитый. Его надо скрутить и привести обратно. Понял?

– Да.

– За него дам хорошую награду. От меня, лично, получишь лисью шапку. – Он повернул коня. – А молоко у тебя хорошее. Мои ослепленные невольники так вкусно не умеют готовить.

Всадники умчались в степь. Исмен долго вслушивался в удаляющийся стук копыт. Ксай! Воин! Кому хорошо живется, так это – воинам, – вздохнул Исмен. Пастухи воинов уважают, делают им подарки, просят о защите... Эх, вот, если бы ему стать ксаем... Летел бы по степи на быстром коне так, что ветер свистел в ушах. Никого бы не боялся. На боку акинак, копьё у правой ноги к чепраку привязано. За спиной овальный щит из прочных переплетенных прутьев, да еще толстой кожей обтянут. Свобода, сила – что может быть лучше!

Исмен поставил кувшин на место и улегся рядом с костром, устремив мечтательный взгляд на светлеющее небо с исчезающими звездами. Нет, куда ему до воина. Конь нужен. А хороший конь дорого стоит. Доспехи... Где доспехи взять? Оружейники такую цену дерут... Вот, еще – акинак обязательно надо купить, как у дядьки. Щит плетенный из прочных прутьев и обтянутый толстой воловьей кожей. Копьё с острым железным наконечником. Обязательно – железным. К бронзовым ксаи с презрением относятся. Тугой лук из кизила с тетивой, скрученной из воловьих жил... Да мало всего этого, – кто его обучать будет воинскому искусству? Как копьём колоть, как на мечях рубиться, с кинжалом обращаться... Кому он нужен! Мальчишка—пастушок в деруге из конопли. Только и умеет, что за кобылицами смотреть, да молоко взбивать.

Исмен продрог от налетевшего утреннего ветерка. Звезд на небе все меньше и меньше. Виднокрай на востоке светлеет. Скоро солнце встанет... Надо будет кобылиц к реке отвести на водопой... Мальчик плотнее укутался в грубый шерстяной плащ, пропахший костром и конским потом.

Интересно, поймают языги этого живого-убитого? А куда он убежит? Кругом степь. Беглецы обычно к Дону пробираются. Только мало кому удается уйти от погони. А что там за Доном – кто ж его знает. Старики рассказывали, за широкой рекой лежит земля скелотов. Скелоты – жестокий народ. К ним в лапы не попадайся, – сразу в раба превратят. Глаза выжгут, и будешь всю жизнь для них молоко взбивать. Скелоты, бывало, и на этот берег переходили. Нападали на становища. Уводили всех: и животину, и людей. Кто защищаться думал – убивали без жалости.

Угли потрескивали. Ветерок слабо шелестел в высокой траве... Исмен задремал...

Репейник опять с лаем кинулся в темноту. Теперь-то он на кого? Звонкий щелчок хлыста, и пес взвыл от боли.

– Гони лошадей к реке!

Исмен очнулся и вскочил на ноги. Сон как водой смыло. Конокрады! Табун снялся с места. Кобылицы недовольно ржали. Им жалобно вторили жеребята. Хлысты щелкали, подгоняя лошадей. Исмен подобрал лук с земли, выхватил из горита стрелу с костяным наконечни-

ком. На фоне светлеющего неба он заметил всадника в высокой островерхой шапке роксолана. Шагов двадцать... Натянул лук, спустил тетиву. Всадник вскрикнул, но удержался на коне.

– Меня ранили! – крикнул конокрад подельникам. – Пастух где-то прячется.

– Вон он! – услышал Исмен справа.

Мальчик бросился бежать. Недалеко находился овраг глубиной в два роста, по дну которого бежал чистый ручей. Там кусты, он сможет спрятаться. Иначе его убьют. Петля скользнула по плечам и затянулась ниже колен. Исмен грохнулся на земле.

– Поймал! – крикнул конокрад.

– Так убей его, – потребовал раненый подельник. – Он мне плечо просадил. Ух, гад! Наконечник костяной. Теперь месяц рана гнить будет.

– Гоните лошадей. Я поспею за вами. Только вспорю ему живот. Пусть поползает, собирая собственные кишки.

Роксолан соскочил с коня и подошел к лежащему Исмену. В руке конокрада недобро сверкнул длинный нож. От ужаса перехватило дыхание. Бросило в жар.

– Давай, быстрее! – поторопил конокрада товарищ.

Он обернулся:

– Сейчас!

Рука Исмена нащупала камень размером с кулак, края острые. Он ухватил камень и кинул в разбойника. Угодил прямо в глаз. Конокрад вскрикнул, схватился за лицо. Исмен двумя ногами ударил его в колено. Разбойник ойкнул и упал на четвереньки. Мальчик рванул петлю, освободил ноги, ловко перекувыркнулся через голову и бросился наутек. Бежал, что есть сил. Спотыкался, падал, но тут же вскакивал и продолжал нестись к спасительному овражку. А за ним гнался разбойник, размахивая ножом. Он чувствовал за спиной его топот, слышал тяжелое сиплое дыхание. Пару раз огромная пятерня чуть не ухватила за край рубахи.

Наконец – овраг. Исмен сиганул вниз. Едва не подвернул ногу. Превозмогая боль в ступне, бросился к противоположному откосу. Под ногами захлюпала вода. Его преследователь оступился и мешком свалился на дно. Крякнул, неудачно растянувшись в грязи. Исмен быстро взобрался наверх, сбивая колени и расцарапав о камни ладони. Тут же налетел на широкую грудь коня. Все! Поймали!

– Ты куда так несешься? – усмехнулся всадник.

Исмену показалось, или на самом деле, всадник говорил не на наречии роксоланов: мягко, немного растягивая гласные.

– Не уйдешь! Я тебе кишки выпущу! – Из овражка выполз разбойник.

– Эй! Эй! Остынь! – крикнул ему всадник. – Чего ты на мальчишку с ножом лезешь?

– Не твое дело, – огрызнулся конокрад. – Ступай, куда шел.

Исмен сообразил, что всадник не принадлежит к шайке разбойников. Сам Папай послал ему заступника. Он заголосил:

– Это конокрады. Они лошадей моих уводят.

– Не люблю конокрадов, – сквозь зубы процедил всадник.

– Где ты там пропал? – двое роксоланов на низких лохматых конях подскакали к овражку. Завидев чужака, они насторожились и достали короткие акинаки. – Ты кто такой?

– Прохожий, – спокойно ответил всадник. – Что же вы так подло, ночью коней угоняете, да еще мальчишку хотите прирезать. Не по закону это. Нужны лошади, так отбейте табун честно, днем, скрестив оружие с хозяевами.

– Не учи, как нам поступать, – грубо оборвал его роксолан.

– Проваливай, иначе мы тебя вместе с мальчишкой шакалам скормим, – прорычал второй и тронул коня вперед.

– Попробуй, – спокойно ответил всадник, чуть пригнувшись, развернув к нападающему своего скакуна.

– Остановись, – одернул товарища более внимательный роксолан и, понизив голос, быстро сказал: – Не видишь, это же ксай.

– Какой он ксай, – намеренно громко усмехнулся конокрад. – Где его акинак? У него даже горита нет. А одежда – просто рванье.

– Одежда тебе моя не нравится? А не хочешь свою отдать? И акинак в придачу, – спокойно и холодно предложил таинственный всадник.

Может, его неустрашимый вид, а возможно, спокойный твердый тон остудил конокрада. Роксолан струхнул. Глаза испуганно забегали: то на всадника, то на мальчишку. Он быстро вложил меч в ножны и повернул коня. Недовольно буркнул товарищам:

– Уходим!

Разбойники умчались, уводя табун. На краю овражка остались только Исмен и его спаситель. Репейник прибежал и жалобно заскулил, жалуясь, что лошадей угоняют. Угоняют, а что сделаешь? Исмен перебрался обратно через овражек, побрел к своему костру, сел на землю и бессмысленно уставился на тлеющие угли. Подъехал его спаситель спешился, устроился напротив, устало вытянув ноги в потертых старых сапогах. Исмен даже не взглянул на него.

– Поблагодарил бы, что ли, – беззлобно вымолвил всадник. – Все же, от ножа уберег.

– Лучше бы мне брюхо вспороли! – горестно вздохнул Исмен. – Теперь дядька с меня живого шкуру снимет. Ладно бы, волки жеребенка загрызли. Отхлестал бы тогда плетью, да на три дня без еды оставил... А тут – весь табун... Что я ему скажу?

– Экое чудо! – безразлично хмыкнул незнакомец, почесав густую рыжую бороду. – Скот частенько воруют. Расскажи ему все, как было. Что же он не поймет?

Исмен еще раз тяжело вздохнул.

– Если хочешь, я смогу подтвердить твои слова, – предложил незнакомец. – Как бы ты смог отбить табун? Их пятеро было. Тебя самого чуть не прирезали. Что, дядька такой лютый?

Исмен промолчал. Знал бы он нрав дядьки – не спрашивал бы.

– А отец твой где?

– Нет отца. Погиб.

– А мать?

– Один я. У дядьки из милости живу. У него самого пять сыновей и три дочери. Я – так – хуже, чем восьминогий.

– Восьминогий, это кто? – не понял незнакомец и добавил: – Я не здешний, из аорсов.

– Восьминогие – бедные, – объяснил Исмен. – Их так называют, потому что у них кроме кибитки и двух волов ничего нет. У двух волов восемь ног, поэтому их так и зовут – восьминогие. А я и кибитки своей не имею.

– У тебя есть верный пес, – усмехнулся аорс и потрепал Репейника по лохматому загривку. Тот недовольно ощерился и отошел в сторону, от греха – подальше.

– Сколько лет тебе?

– Двенадцатую весну встречаю.

– Большой уже, – рассудил незнакомец. – Пора коня своего занять.

– Коня, – горько усмехнулся Исмен. – Где я коня возьму? Только, если украду.

– А от чего мать умерла?

Путник растянулся на земле, положил руки под голову и устало прикрыл, воспаленные бессонницей, веки.

– От чумы. Мать, брат младший и две сестры старшие умерли. Мы их с отцом всех в одном кургане схоронили.

– Видел я чумные города. – Аорс сглотнул комок – Страшно. Люди лежат вповалку, почерневшие, распухшие...

Исмен подбросил хворосту в костер. Тонкие веточки затрещали, нехотя вспыхнули.

– А отец как погиб? – продолжал расспрос путник.

– Убили роксоланы. У нас семья богатая была. Коров много, и все с молоком. Кони были – табун огромный. Отец даже восьминогим коров давал пасти.

– Зачем?

– Они корову пасут, молоком питаются. Если теленок рождается, то отдают нам. Хорошо мы жили.

– А что произошло?

– После зимовья пришли на свои летние пастбища, а их уже роксоланы заняли. Отец собрал всех своих работников и прогнал незваных гостей. Тогда роксоланы ночью напали и всех перерезали, скот угнали.

– А ты как уцелел?

– Папай уберег. Я в степь убежал. Маленький еще был. Пешком два дня шел к дядьке в становище. Он – младший брат отца. Рассказал ему все. Дядька родню собрал и напал на роксоланов. Становище их разорил, скот отбил.

– Так что же тогда дядька скот тебе не вернул? – удивился путник, приоткрыв один глаз.

– Почему он должен отдавать? – пожал плечами Исмен. – Теперь – это его добыча.

– Ну и законы у вас, – недовольно пробурчал аорс. – А вырастишь ты, захочешь семью завести, как тогда? Хоть часть тебе вернет?

– Часть скота? Нет, – покачал головой мальчик. – Наверное, даст мне кибитку с волами, да пару коров, – неуверенно ответил он. – Да что об этом думать, – махнул рукой. – Вот, как сейчас быть?

Путник присел, потрянул головой, прогоняя дремоту.

– Как зовут тебя?

– Исмен из клана Луны.

– А народ какой в твоём клане?

– Мы из сираков.

– Кочевники, – знающе кивнул путник. – А я из аорсов. Род наш – клан Рыси. Живем далеко в горах.

– За Доном? – удивился Исмен.

– За Доном, – кивнул аорс.

– Но там же земли сколотов.

– Вот, за их землями начинаются наши горы.

– Старики говорят, что земля сколотов последняя. Дальше – только море без конца и края.

– Где последняя земля – никто не знает. За нашими горами лежит Великая Персия. Чудесная страна с безлюдными пустынями и бескрайними полями. Там есть огромные красивые города, где живет очень много народу. Горы вздымаются к самому небу. Их склоны покрыты густым лесом. Широкие реки, по которым плавают корабли торговцев. А по берегам тех рек раскинулись фруктовые сады.

– Не верю я тебе, – с сомнением произнес Исмен. – Как будто о царстве Папая рассказываешь.

– Твое дело, – пожал плечами аорс.

– А зовут тебя как? – поинтересовался Исмен.

– Фидар. Так меня мать с отцом нарекли. У тебя есть что-нибудь попить?

Исмен протянул ему кувшин с молоком. Путник жадно выпил все до дна.

– Хорошее молоко. Сам взбивал?

– Ты спрашиваешь, как тот ксай...

Исмен осекся. Ему стало страшно. Не тот ли живой-убитый перед ним сидит? Не его ли разыскивают языги? Описание подходит: человек в рваной одежде, но на хорошем коне.

Исмен впервые внимательно оглядел своего спасителя. Серая шерстяная рубаха вся в прорехах. Штаны из дерюги, старые, с заплатами, на коленях протерлись до дыр. Сапоги истоптанные, еще чудом не развалились. А конь! Разве может такой оборванец иметь хорошего коня? Но не похож он на живого-убитого. Спину держит ровно, голова гордо приподнята. Движения неторопливые, размеренные. Рабы обычно сутулые, с затравленным взглядом. А этот, точно – настоящий ксай: взгляд гордый; глаза черные, живые. А ручища какие сильные. Шея, что у быка. Лицо круглое с большим горбатым носом. Густая рыжая борода с редкими вкрапинками седины. И в волосах на голове посеребренные нити пробиваются. Но на вид ему не дашь и двадцати пяти.

– Ты чего на меня уставился, как будто Мару увидел, – пошутил путник.

– Это тебя ищут языги? – не побоялся спросить Исмен.

– Меня, – просто ответил путник. – Да ты не дрожи. Не буду я тебе шею сворачивать. Какую награду обещали за мою голову?

– Лисью шапку.

– Всего то? – расхохотался аорс. – Ладно, пойдем к дядьке твоему. Заступлюсь за тебя, да в дорогу поесть чего-нибудь попрошу. Путь мне предстоит долгий...

Он поднялся на ноги.

– Так тебя же языги ищут! – удивился его беспечности Исмен.

– Пусть ищут.

– А если они уже в нашем становище побывали?

– Твоему дядьке сейчас не до лисьей шапки будет. У него табун угнали. Нужен я ему...

– Это точно, – грустно вздохнул Исмен, представив, что с ним дядька сделает.

– Да не переживай ты так, – успокаивал его аорс. – Я же дал слово, что заступлюсь, значит – заступлюсь.

Он запрыгнул на коня.

Исмен шел впереди, показывал дорогу.

– А если тебя все же языги поймают? – не унимался мальчик.

– Как бы им самим живыми уйти. Сколько, хоть, их было?

– Пятеро.

– Пятеро? – всадник рассмеялся. – Не видать тебе лисьей шапки.

– Но среди них был воин в доспехах. Ты не одолеешь его.

– На коне с оленьими рогами? – уточнил беглец. – Его-то я в первую очередь придушу, – со злобой процедил он. – Этот за все мои унижения ответит...

Чем ближе к становищу, тем сильнее отчаяние так и накатывало на Исмена ледяной волной. Сдавливало грудь. Ноги отказывались идти. Что он скажет дядьке? Как он скажет? А этот рядом едет и напевает беззаботно. Ну и песня глупая: о какой-то далекой возлюбленной. Она ждет воина из похода и льет горькие слезы, пытаясь заглянуть за виднокрай. Нет, не сможет аорс его защитить. Забьет дядька до смерти.

– Дым впереди от костров. И стада я вижу. Твое становище? – прервал песенку Фидар.

– Ага, – совсем понуро подтвердил Исмен.

Репейник, вильнув хвостом, бодро затрусил вперед, учуяв аппетитный дух от котлов. Пахло мясом, сваренным в молочной сыворотке. А вдруг косточка перепадет.

– Пошли, – подбадривал мальчика аорс, заметив, что Исмен весь напрягся и замер. – У всех бед конец бывает. Ну, поругают, ну, без ужина оставят, накажут... там. Да и в чем ты виноват?

– Виноват. Ты дядьку моего не знаешь. Без ужина... Как бы без головы не остаться.

Девять распряженных кибиток, стояли неровным кругом. Борта сколочены из прочных жердей. Каждая повозка имела четыре высоких сплошных колеса. Полог из толстого войлока и кожи защищал от непогоды. Для кочевника кибитка – дом родной. Во время стоянки их

ставили вокруг, на тот случай, если недруги захотят напасть, – получалось надежное укрепление. По степи всякий люд шастает. Сегодня – добрый сосед, завтра – тебе голову снесет. Внутри круга возвышался большой шатер. Шатры имели только богатые племенные вожди. Верх полотняный, а стенки подбиты войлоком – большая роскошь. Рядом над костром висел огромный медный котел. Тетка Исмена, старшая жена вождя помешивала длинным деревянным черпаком варево из кореньев с мясом. Две ее дочерей помогали готовить еду. Тут же женщины из племени перебирали ворох стриженной овечьей шерсти, шили одежду из кожи. Босоногие девчонки доили коз. Чуть поодаль паслось большое стадо коров. Собаки с лаем бросились к путникам, но, узнав Репейника, тут же затеяли с ним игру.

На шум из шатра выглянул старший сын дядьки Аусар. Новую кожаную рубаху до самых колен украшали медные бляшки. Талию перетягивал широкий матерчатый пояс с железными кольцами. На поясе акинак в деревянных ножнах. Высокие добротные сапоги на ногах.

– Отец! – крикнул Аусар, – Исмен идет.

– Что значит: идет? – раздался грубый окрик дядьки. – Зачем он кобылиц пригнал?

От его голоса тело Исмена пробила неприятная дрожь.

– Он без табуна. С ним всадник.

– Без табуна?

Полог шатра резко отлетел в сторону. Появился дядька в длинной рубахе из выбеленного холста, поверх меховая волчья жилетка. Седеющая борода лоснилась жиром, – дядьку отвлекли от еды. Широко шагая, он направился к Исмену.

– Где кобылицы? – закричал гневно он, размахивая руками с широченными мозолистыми ладонями.

– Табун увели, – еле выдавил из себя Исмен.

– Увели? Как увели? Кто увел? – лицо дядьки багровело от злости, глаза наливались гневом.

– Конокрады, – попытался объяснить Исмен, но тут же получил крепкую затрещину и полетел прямо к передним ногам коня аорса.

– Убью тебя! Как ты табун упустил? Дрых, наверное? Ах ты – никчемный. И пес твой такой же. Толку от вас обоих... Неси плеть, – приказал он сыну. – Я сейчас шкуру с него лоскутами сдеру.

– Эй, эй, хозяин, уйми гнев. Мальчишка не виноват, – вступился путник.

– А ты кто такой? – взметнул гневный взгляд на него дядька.

– Я мимо проезжал. Все видел. Твой мальчишка защищал табун, как мог. Одного разбойника подстрелил. Но и его самого чуть не прирезали.

– Лучше бы прирезали, – сплюнул дядька. – И что мне теперь делать? Я без кобылиц остался. Убью тебя! – снова набросился он на Исмена. Мальчик свернулся клубком в траве в ожидании удара.

– Эй, уймись! – настойчиво повторил аорс и двинул коня вперед, закрывая Исмена от плети разъяренного вождя. – Сам-то хорош: оставил мальчонку одного с табуном. А что он мог сделать против пятерых мужиков?

– Мне от этого не легче, – огрызнулся дядька. – Где мои кобылицы? Как я теперь без них?

– Да уж, с голода не помрешь, – усмехнулся Фидар.

– Да кто ты такой, чтобы меня упрекать?

– Ладно, остынь. Я подскажу, кто угнал твоих кобылиц. Роксоланы это. Их становище в стороне восхода отсюда. Если пешком, то день пути, верхом – за полдня достигнешь.

– Откуда ты знаешь. Случайно – не один из них? – вождь недоверчиво сверкнул глазами.

– Нет. Я мимо становища их вчера проезжал. Верь мне. Я – честный человек. Мне добра чужого не надо.

Дядька окинул его внимательным взглядом.

– Конь у тебя добрый, да ты сам весь в рвань. Не тебя ли языги разыскивают? Говорят, живой-убитый сбежал из города. Охранника убил, коня увел.

– Не знаю, о ком ты, – передернул плечами аорс. – Спасал бы свой табун. Но смотри, становище у роксоланов большое. Там народу – за сотню мужиков наберется.

– Сотня! – зло сплюнул дядька. – Всех перебью!

На крики сбежалось все становище: пастухи, женщины, босоногие дети.

– Скачите к нашим, созывайте людей, – приказал дядька сыновьям. – Ты, – подзвал он Исмена. – вместе с мальчишками ищи кустарник с ровными ветками и готовь стрелы.

– Дозволь отдохнуть в становище, – попросил Фидар. – Я посплю немного, одежонку заштопаю, и двинусь дальше. Что привез с собой, – то и заберу. А имущество мое – конь, да пустой живот.

– Отдыхай, – разрешил дядька. – Женщины тебя накормят.

На следующее утро дядька с сыновьями прирезали быка. Тушу освежевали, а мясо порубили на куски. Дядьке связали сзади руки, усадили на расстеленную шкуру. Рядом сложили гору свежего мяса. Дядька громко взывал к богу Папайу, жаловался, что его обокрали, обрekli на голодную смерть, оставили нищим. Вскоре начали подтягиваться родственники из дальних становищ. Приезжали верхом. Иные, те, кто беднее, приходили пешком. Все при оружии: у кого акинак, кто с копьём и щитом. У некоторых горит с луком за спиной, и кинжал к бедру привязан.

Расспросив у тетки, как все было, родственники брали из груды мяса кусок, одной ногой становились на шкуру и клятвенно заверяли, что отомстят за беды своего сородича. К концу дня набралось человек сорок. Кто не имел коня, тому дядька дал из своего табуна. С закатом, принесли в жертву богу Савру жеребенка, прося помочь в набеге. После воины сели вокруг. Ели печеное мясо, запивали кислым молоком. По очереди вставали и произносили гневные речи, обещая страшную мучительную смерть конокрадам и всему роду проклятых роксоланов. Исчерпав запас проклятий и, хорошенько закусив, двинулись в поход. Впереди на конях мужчины с пиками, за ними женщины с луками и ножами. Мальчишки тут же пристроились пешими к кавалькаде. У каждого праща и крепкий волосяной аркан.

Фидар все это время сладко спал под кибиткой, увернувшись в старую потертую коровью шкуру. Суэта вокруг его не интересовала. К вечеру он проснулся, вылез из своего укрытия, с удовольствием съел мяса с кореньями, запил свежим кобыльим молоком и засобирался в дорогу.

– Присоединяйся к нам, – предложил ему дядька. Горячий жеребец так и приплясывал под ним от нетерпения.

– Нет, – покачал головой аорс.

– Я дам тебе оружие. Мы добудем много скота. Ты поимеешь долю в добыче, – пообещал дядька.

– Спасибо за приглашения, но я не пойду с тобой, – твердо отказался Фидар.

– Как знаешь, – пожал плечами дядька и ускакал.

Аорс нашел в табуне своего коня и принялся крепить у него на спине красный войлочный чепрак. Надежно затянул широкие ремни с медными бляхами, накинул уздечку. Конь стоял смиренно. Хозяин иногда поглаживал его по шее, приговаривая ласковые слова.

– Ты не пойдешь с нами? – Исмен пробегал мимо с охапкой стрел. Остановился.

– И тебе бы не советовал. – Строго взглянул на него аорс.

– Почему?

– Нравится мой конь? – спросил Фидар, поглаживая стройную шею скакуна с проступающими жилками.

– Да. Красивый.

– Я зову его Уахуз – Ветер с гор. Кони – дети бога Фагимасада.

- Знаю.
- Так вот, конь мне сказал: не надо идти воевать с роксоланами.
- Я коней пасу с детства, но никогда не слышал от них ни слова, – не поверил ему Исмен. – Ты меня за маленького считаешь?
- Предчувствие у меня плохое. Остайся лучше становище охранять, – серьезно сказал Фидар.
- Нет, – покачал головой Исмен. – Весь мой род идет биться. Как я могу остаться? Меня потом трусом будут считать.
- Ну, если весь род.., – аорс вздохнул. – Жаль тебя, мальчишка.
- А ты не жалей, – зло огрызнулся Исмен. – И беду не кличь своими вздохами.
- Иди. Воюй, – махнул аорс рукой. – Только будь осторожен.
- Савр поможет мне, – храбрился Исмен. – А ты куда?
- Я? – аорс задумался. – Надо оружие себе добыть. Воин без оружия, что волк без зубов. А с оружием и одежонку новую справлю, и обувь...
- Разбоем займешься? – с нескрываемым презрением спросил Исмен.
- Ксай разбоем не занимается, – строго возразил Фидар. – Разбой, это когда тайно, ночью, или нож в спину. А я – честно: встречу такого же, как я, воина и скажу: отдай мне оружие.
- Исмен недоверчиво хмыкнул.
- И как же ты голыми руками с ним справишься?
- Не справлюсь, так костями лягу. На все воля Савра.
- Исмен махнул рукой и готов был уйти, но вдруг остановился.
- Возьми-ка. – Мальчик отвязал от бедра нож и протянул воину. – Он не новый, и точится плохо. Но все же – оружие.
- Спасибо, – не стал скрывать радости аорс. – А ты как без ножа?
- Я себе еще достану в бою, – храбро ответил Исмен и поспешил вслед за отрядом мстителей. – Прощай!
- Обереги тебя великая мать Табиты, – прошептал вслед ему Фидар и недовольно покачал головой.
- Исмен бежал вместе с другими мальчишками, вслед кавалькаде. Если попадались по дороге подходящие камни для метания с пращи, он подбирал их и клал в небольшую сумку, что висела у него через плечо. К полуночи мальчишки догнали всадников. Отряд остановился. Несколько воинов спешили и, ползая чуть ли не на четвереньках, изучали следы. Один из воинов, сорвал пучок сухой травы, скрутил его в жгут и поджег, освещая место поиска.
- Тут два табуна проходило, – наконец сделали вывод следопыты. Большой табун ушел на север. Другой, голов сорок, двинулся на восток.
- Пойдем за большим табуном, – решил дядька.
- Но, путник, тот аорс говорил, что роксоланы стоят на востоке, – напомнил ему старший сын.
- Что ж я из-за сорока кобылиц такую ораву собирал? Верну я своих лошадей, а чем расплачиваться с остальными буду, ты подумал? Как добычу делить? Кому хвост, кому ухо? Идем на север, – твердо решил вождь.
- Но, если это не наши обидчики? – все еще пытался вразумить его старший сын.
- Они тоже – роксоланы. Так какая разница, у кого отнимем табун? Роксоланы нас обидели, мы – их обидим. Если окажутся не те, – значит, так решил Папай. В степи кто сильнее – у того и правда, – рассудил дядька. Скомандовал отряду: – Идем на север!
- Шли в полной темноте, стараясь не шуметь и не переговариваться. К становищу роксоланов подошли незадолго до рассвета, когда на степь вместе с росой опускается настороженная звенящая тишина. Сизая дымка стелилась в низинах. Ни одна травинка не шелохнется. Дядька не раз участвовал в набегах на соседей, и сам частенько отбивался от разбойников, поэтому

действовал умело и осторожно. Он приказал всем затаиться недалеко в овражке. Выслал мальчишек разведать вражеские силы. Те вскоре вернулись. Доложили: пять кибиток, большой табун лошадей – не меньше сотни голов, много коров с телятами, в загоне с десятков коз.

– Пять кибиток, – прикинул дядька. – Это значит, их человек двадцать взрослых – не больше. Отлично!

В общем, долго не размышляли и решили нападать.

Всадники с воем ворвались в становище. Пока взрослые резали всех, кто попадался под руку, мальчишки вместе с Исменом занялись табуном. Женщины же ловили детей и связывали их. Все произошло быстро. Еще до восхода нападавшие с победными песнями двинулись обратно. За ними следовал огромный табун лошадей, коровы, стадо коз. Пару кибиток самых крепких решили прихватить. Остальные сожгли.

Что последнее успел увидеть Исмен: пылающий войлок повозок. Пламя озаряло вытоптанную поляну. Вповалку лежали изувеченные люди. Он вздохнул: жалко пастухов. Такие же, как и он, трудяги – кочевники. Жили, пасли коней, воспитывали детей, радовались, грустили, ухаживали за могилами предков, молились богам... И вдруг все разом оборвалось! А что вздыхать? В степи часто такое бывает, – сегодня ты победитель, завтра у тебя все отберут, даже жизнь. Утренний холодный воздух наполнился запахами сырой земли, крови и гари.

В свое становище добрались к вечеру. Все расселись большим кругом и весело отмечали победу. Ели печеное мясо, запивали взбитым кобыльим молоком. Дядька делил добычу между родственниками, щедро одаривая каждого: кому коня, кому корову, кому медный котел из захваченного скарба роксоланов. Детей не так много удалось пленить, но и их распределили среди родственников честно. Наконец дележка закончилась. Все остались довольные, только Исмена так и не назвал дядька. Мальчик подошел к нему и поклонился:

– Большой Отец, я тоже участвовал в бою, но ты мне ничего не дал.

– Тебе? – зло зыркнул дядька, даже холодок пробежался по спине. – А у кого кобылиц угнали? Поблагодари Савра, что добыча оказалась богатой, иначе я бы тебя прибил. Ничего не получишь. Иди, паси лошадей.

Исмен понуро побрел прочь. Его остановил старший сын дядьки, Асура.

– Ты пересчитал табун? – спросил он.

– Да. Четыре по две руки кобылиц. Три по две руки без мизинца коней, одна рука и два пальца жеребят, – сообщил Исмен.

– Ого! – довольно воскликнул брат. – А наших кобылиц нашел среди них?

– Нет.

– Пойди, посмотри еще раз. Проверь, что за тавр стоит.

Исмен ходил среди пригнанного табуна, но никак не мог найти знакомых кобылиц. Все лошади оказались чужие. У всех на левом бедре выжжен тавр в виде косоугольного креста с завитушками на концах. Он побежал обратно.

Веселье подходило к разгару. Воины хвастались своими подвигами, перебивая друг друга, шутили, издеваясь над поверженными врагами, громко смеялись.

– Чего тебе? – недовольно буркнул дядька. – Видишь, тут мужчины веселятся. Иди, попроси у женщин еды и отправляйся к табуну.

– Я хотел сказать, что все кони с чужим тавром, – оправдывался Исмен.

– Эка невидаль, – усмехнулся дядька. – Выжжем другой, свой. А что за тавра? – На всякий случай поинтересовался он.

– Косой крест с завитушками.

Смех оборвался. Услышав о косом кресте, все тут же притихли. Уставились настороженно на Исмена.

– Косой крест, говоришь, с завитушками, – в глазах дядьки мелькнул страх. – Пойдем, посмотрим.

Мужчины отложили не до конца обглоданные кости, оставили чаши с молоком и направились к табуну. Внимательно рассмотрели тавр.

– Ты нас повел на погибель! – воскликнул один из родственников. – Это знак клана Сокола. Клан Сокола возглавляет Скопас.

– Что с того? – возмутился дядька, но голос его дрогнул.

– Что с того! – негодовали родственники. – Да у него народу раза в три больше. Его клан огромный. Каждый пятый мужчина – ксай. Они даже от донских землепашцев подати брали.

– Чего вы разорались? Если боитесь мести Скопаса, давайте отгоним табун подальше в степь и бросим, – предложил дядька.

– Поздно! Скопас по следам к твоему становищу выйдет. Он разбираться не будет: кто виноват, кто – нет, – перережет нас всех.

– Хватит хвосты поджимать, – храбрился дядька, только говорил он как-то неуверенно. – Мы сами – воины. Если появится Скопас со своей оравой, проучим его. Я никогда не боялся роксоланов. Сираки всегда роксоланов били: и отец мой, и дед...

– Отец!

Его храбрую речь прервал крик всадника, гнавшего коня во весь опор. Он почти лежал на холке, а скакун чуть ли не стелился по земле.

– Отец! – еще издали звал всадник. Им оказался младший сын вождя, разъезжавший вокруг становища в дозоре. – Роксоланы! Их много!

– Ты погубил нас всех! – накинулись на него родственники.

– Поздно рассуждать. За оружие! – скомандовал дядька.

Роксоланы налетели со всех сторон. Больше сотни крепких, хорошо вооруженных всадников в добротных кожаных нагрудниках пронеслись по становищу, как ураган, сея смерть. Били короткими копьями с тяжелыми наконечниками. Спрыгивали с коней и отчаянно рубились короткими мечами. Прямоугольные плетеные щиты, обтянутые толстой воловьей кожей, не пробивали стрелы с костяными наконечниками.

Всадники ворвались в круг из кибиток. Смяли дядьки шатер. Копыта топтали дорогие ковры. Перевернули котел с мясом. Исмен присел, уворачиваясь от копья, нырнул под кибитку. Рядом упал роксолан с вспоротым животом. Исмен сдернул с его плеча горит с луком и стрелами. Роксолан силился подняться, но никак не мог. На него сверху упал еще кто-то с разбитым лицом.

Исмен попытался выглянуть, укрываясь за высоким сплошным колесом. Кругом кипел бой. Звенел металл, кричали воины, визжали женщины, стонали раненые. Он увидел, как один за другим гибли его родственники. Дядька верхом на высоком коне сцепился с широкоплечим воином, похожим на речной утес: большая голова в медном островерхом шлеме уверенно сидела на мощной короткой шее. Доспехи его напоминали рыбу чешую. Металлические щитки покрывали необъятную грудь. Развернувшись чуть боком на спине такого же мощного коня, он бил в щит дядьки толстым коротким копьем. Дядька даже не мог ему ответить, до того сотрясали сильные напористые тычки. Могучий всадник не имел щита. В левой руке он держал топор сагарис на длинной ручке. Выбрав удобный момент, роксолан резко взмахнул топором и рубанул дядьку по плечу. Толстый кожаный наплечник выдержал удар, но сам дядька свалился с коня. Воин кружился над ним, целясь копьем в лицо.

Глядя на могучего роксолана, крепкого, как валун, Исмен вдруг вспомнил... Не вспомнил – видение само встало перед глазами. Всплыло из памяти. Такое же побоище. Отец падает на землю, обливаясь кровью. Над ним гарцует огромный всадник и победно вскидывает окровавленный топор... Это он! Сам, того не понимая, Исмен выскочил из убежища, встал удобно на одно колено, натянул лук и послал стрелу с тяжелым трехгранным наконечником прямо роксолану в глаз. Воин вздрогнул всем могучим телом и медленно осел на круп коня, затем тяжело свалился на землю. Сразу несколько товарищей кинулись к поверженному вожаку.

Исмен сообрази, что теперь надо спасаться. Его не пощадят. Он кинулся прочь, в степь. За ним вдогонку бросились всадники. Исмен пробовал вилять, как это делают зайцы. Бесплезно! Разве от коня в степи уйдешь. Удар тупым концом копья меж лопаток, и он кубарем покатился в траву. Тут же навалилась тяжесть. Веревкой туго стянули руки. Петлей сдавили шею. Мальчик перестал сопротивляться.

Роксоланы сорвали полог с одной из кибиток. Выкинули все из нее. Дно устлали свежей травой. Сверху положили тело вожака. Стрела Исмена все еще торчала из глазницы могучего воина. Пленников, всего человек десять, заставили впрячься в повозку. Исмен оказался среди них. Тут же был и дядька. Лицо в кровоподтеках. Левая рука висела безвольно, видать топор все же сломал ключицу.

Пленники покатали телегу. Со всех сторон сыпались обжигающие удары плетками. Всадники затаили прощальную песню, прося у Савра принять воина в свою свиту, а мать Табити напоить его небесным молоком. Шли долго, весь день. Только к вечеру замученные пленники, чуть не падая, в разорванных рубахах, все в кровавых рубцах от плеток, выкатили повозку на широкую утоптанную дорогу. Впереди, по берегу небольшой спокойной реки раскинулось становище роксоланов. Заходящее солнце бросало кровавые отблески в воду, отчего река казалась кровью, вытекающей из вскрытой вены великана. Становище большое и многолюдное. Кибитки, шатры, котлы над кострами. Дети с радостными криками бросились навстречу. Женщины оторвались от дел, но, завидев траурную повозку, услышав песню смерти, завывали, словно волчицы.

Пленников заставили подкатить повозку к большому круглому шатру белого войлока и опуститься на колени. Со всех сторон полетели камни. Их пытались бить палками. Женщины набросились: рвали волосы, лупили наотмашь, царапали. Мужчины еле отогнали разъяренных баб.

Из шатра вышла старуха, совсем седая, но крепкая. Она гордо держала голову, укрытую серым пуховым платком. Черные глаза жгли, словно два уголька. Серую шерстяную рубаху, расшитую золотыми нитями, стягивал на талии широкий красный пояс. В затейливом узоре на одежде везде обязательно проступал крест с завитушками. Старуха поправила пуховой платок на голове, скрывающий седые пряди, и очень медленно, как будто чего-то опасаясь, подошла к повозке.

Она вскинула к небу костлявые кулаки и жутко, протяжно завывала. Припала к груди убитого воина, гладила шершавыми ладонями его бородатое бледное лицо, осторожно, словно перед ней лежал младенец. Затем старуха выпрямилась. Слезы мгновенно высохли на морщинистом лице. Само лицо приняло выражение каменного истукана, что охраняют дороги в степи.

– Кто? – утробно, со злобой спросила она.

– Он! – Исмен получил пинок в лицо.

Старуха пронзила мальчика огненным взглядом. Лютая ненависть сменилась недоумением.

– Мальчишка? – накинулась она на воинов. – Вы не уберегли отца, великого, бесстрашного воина от какого-то мальчишки!

Она покачала головой из стороны в стороны как бы не веря в это.

Роксоланы живо поспрыгивали с коней и грохнулись на колени, виновато склонив головы.

– Прости нас, Большая Мать, – дрожащим голосом взмолился один из воинов.

– Позор вам! – изрекла старуха с шипением гадюки. – Позор! – крикнула она так пронзительно, что все невольно вздрогнули. – Вы должны были его оберегать. Пасть первыми, но прикрыть своим телом вождя. Теперь он мертв, – и в том ваша вина. Не уберегли! Мальчишка

убил великого воина Скопаса, которому нет равных в степи от Великих гор, до самого Дона. Да как вы после этого людям в глаза смотреть будете?

– Прости нас, Большая Мать, – заскулили воины.

– Молчите! – гневно оборвала она. – Позор вам всем! Вы недостойны звания ксяя! Пока я возглавлю наш род. Как только ты, старший сына Скопаса очистишься. – Ее костлявый палец ткнул в сторону юноши лет двадцати. – Наденешь пояс вождя клана Сокола. Но только после того, как очистишься. Я спрошу у великой богини Аргинпасы, как тебе это сделать, через что пройти, сколько отрубленных голов врага принести... А теперь готовьте Вождя к встрече с Папайем и Великой матерью Табити.

– Большая Мать, разреши, я этого щенка накажу, – пылко воскликнул старший сын Скопаса. Он вскочил на ноги и схватил за шиворот Исмена. – Я закопаю его в землю по самую шею, а над головой разожгу костер. Я растяну его за руки и за ноги на кольшках, вбитых в землю, и сдеру с живого кожу. Посажу его в тесную клеть и натравлю голодных собак, чтобы они постепенно обгрызали его плоть...

– Нет, – осадил его старуха. – Теперь он принадлежит мне. Я напою его дурманом и отрежу ноги по самые колени. На шею надену веревку, и он остаток жизни будет ползать за мной и веселить народ. Когда меня призовет Великая мать Табити, заберу его с собой. Он и там будет моей игрушкой.

Пленников отвели выше по течению реки. Здесь обрывистый берег поднимался над водой. Большую поляну никогда не заливало при весенних паводках. Кругом возвышались молчаливые могильные курганы. Пленников заставили рыть глубокую яму пять на пять шагов. Стены укрепили камнями. Над ямой из толстых бревен соорудили двухскатный настил.

К вечеру, когда могила была готова, прибыла похоронная процессия. Вождя Скопаса привезли все на той же телеге, запряженной черными волами. Огромная толпа роксоланов из всех ближайших становищ сопровождала повозку. Женщины выли, рвали на себе волосы и до крови расцарапывали лица. Мужчины горестно восклицали, взывая к небу. Ножами и стрелами резали себе руки и грудь. Появились седовласые жрецы в длинных рубахах, напоминающих женскую одежду. На головах круглые шапочки с коровьими рогами.

Жрецы вынули из глазницы вождя стрелу. Покрыли лицо покойника красной краской. Начищенный до блеска медный островерхий шлем надели на голову. Помолившись, жрецы вскрыли ножом живот вождя и вынули все внутренности. Разложили по глиняным кувшинам. Тело омыли изнутри крутым соленым раствором и набили душистой травой. Живот зашили кожаным шнуром. К концу обряда облачили тело вождя в дорогие одежды из тонкой шерсти. Объявили собравшимся, что вождь готов к встрече с богами.

Под завывание женщин, сыновья переложили Скопаса на широкое холщовое покрывало и прямо на нем отнесли к могиле. Тело опустили на дно ямы. В ногах поставили напутственные дары: кувшины с кусками мяса, оружие, одежду, красивые чепраки, уздечки, украшенные золотыми бляхами.

Старуха, Большая Мать долго стояла у края могилы, шепча заклинания, затем, подала знак: пора закрывать. Все роксоланы двинулись к реке. На берегу они подбирали камни и несли их к могиле. Вскоре над погребением вырос высокий холм. Землей, вырытой из ямы, присыпали камни и утрамбовали. Получился курган. Возле кургана врыли ствол небольшой свежесрубленной березы. На макушку водрузили колесо от телеги – символ солнца. Большая Мать подвела к кургану боевого коня вождя. Обошла с ним вокруг могильника и привязала к стволу.

Один из жрецов подал ей нож. Конь захрапел, заволновался, пытался сорваться с повода. Учужал смерть. Но старуха ловко перерезала коню горло, и животное, теряя силы, разбрызгивая черную кровь, повалилось на землю. Коня отнесли в могилу.

Все это время пленники со связанными руками сидели в сторонке, в ожидании участи. Дядьку и еще двоих подняли и поволокли к священному столбу. Их поставили на колени. Стар-

ший сын Скопаса со жрецами подошли сзади. Один из жрецов запрокидывал пленнику голову назад. Старший сын Скопаса перерезал шею. Другой жрец подставил большую серебряную чашу под струю крови. Затем акинаком старший сын Скопаса отрубил уже мертвому дядьке правую руку по самое плечо. Так же поступили и с остальными двумя пленниками.

– Возьми с собой в путь этих недостойных, – воскликнула Большая Мать. – Пусть они будут твоими рабами.

Убитых отволокли в могилу вслед за конем.

На вершине кургана сложили кучу хвороста. В хворост воткнули меч вождя. Жрецы читали молитву, взывая к богам. Из серебряной чаши окропили хворост кровью пленников. Положили сверху отрубленные руки. Меч передали старшему сыну Скопаса, и тот отнес его в могилу. Хворост подожгли. Огонь на вершине кургана горел всю ночь, и всю ночь жрицы проводили службу по умершему.

Исмен безучастно наблюдал за церемонией похорон. Мысленно молился Папайю, припоминая все свои грехи. Просил у бога прощения за проступки. Постепенно страх перед ужасной неизбежностью прошел. Просто он устал бояться. На смену страха пришло тупое безразличие: на все воля Папайя. Ночью он не сомкнул глаз. Все ждал, что его поднимут и отведут к жертвенному столбу. С содроганием представил, как останется без ног, будет ползать за старухой, посаженный на поводок. Уж лучше пусть убьют. Или он сам убьет себя. Найдет способ.

Искры от погребального костра уносились в черное небо. Жрецы завывали протяжно, по волчьему. Им подвывали женщины. Пленникам не давали даже воды. Грязные босоногие дети иногда подходили и швыряли в них камни. Женщины набрасывались, впивались когтями, рвали волосы. Стражники оттаскивали женщин, детей прогоняли. Поскорее бы развязка. Поскорее бы умереть, не терпелось Исмену.

За спиной раздалось осторожное шуршанье и тихое поскуливание. Репейник! Как же мальчик обрадовался псу. Не бросил хозяина. Но что Репейник мог сделать для него? Между тем пес подполз сзади и вцепился зубами в путы на руках, пытаясь перегрызть веревку.

– Не надо, Репейник, – одними губами шептал Исмен. – Все равно не убежать. Все равно не скрыться в степи.

Но пес продолжал неистово грызть путы. Охранник заметил пса и прогнал.

С рассветом роксоланы собрались вокруг могильника на поминальную молитву. Тут же разводили костры и готовили трапезу. Люди по очереди подходили к жрецам. Те из серебряной чаши, наполненной кровью жертвенных животных, мазали им лица. Потом мужчины соревновались в борьбе. Обнаженные по пояс, они выходили в центр круга, образованного зрителями, кланялись могильному холму и приступали к схватке. Никто их не подбадривал, не хлопал в ладоши. Все стояли и молча смотрели. Победитель вновь кланялся кургану и посвящал свою победу погибшему вождю. Проигравший же бился головой о землю, пока на лице не появлялась кровь.

К кургану подъехала группа из пяти всадников. Впереди красовался воин на высоком коне с оленьими рогами. Исмен узнал того ксая, что ночью появился у костра. Роксоланы встретили незваных гостей хмурыми взглядами.

– Кого хороните? – спросил ксай.

– Сойди на землю и воздай должное великому вождю роксоланов, Скопасу, – потребовала Большая Мать.

– Скопасу? Что-то слышал о нем, – небрежно ответил всадник, продолжая сидеть на коне. – Легкого ему пути, и вечного блаженства. Он погиб в той бойне, что вы учинили сиракам?

– Мы наказали конокрадов.

– Отныне в этой степи я запрещаю самосуд, – громко объявил всадник. – Все тяжбы, все обиды решать только через меня.

– Да кто ты такой? – гневно воскликнула Большая Мать. Среди роксоланов поднялся угрожающий ропот.

– Я воин из племен языгов, – перекрыл мощным голосом их всадник. – Земли от этой реки до самого Дона принадлежат отныне городу Артару. Все кочевники, проходящие через наши степи должны платить подати.

– Ты сумасшедший? – воскликнул старший сын Скопаса. – Степь никогда никому не принадлежала. И мы пасли скот там, где хотели.

Тут же его поддержали соплеменники. Кто—то попытался схватить рогатого коня под уздцы, но тут же получил удар тупым концом копья в лицо и отлетел в сторону.

– Ты не прав, – усмехнулся всадник, когда возмущенные голоса чуть стихли. – Степь всегда принадлежала сильнейшему. До вас тут жили сколоты, до сколотов – киммеры. Теперь языги владеют степью. А времена, когда вы беспощинно пасли скот – прошли. Отныне все нам платят: и сираки, и языги, и меоты, и вы будете платить.

– Не будем! – старший сын Скопаса, схватился за меч на поясе.

– Не будем! – тут же подхватили все.

– Будете! – прорычал, словно медведь, языг. – Или убирайтесь отсюда!

– Ты нагло себя ведешь, – сказала Большая Мать. – Совсем не уважаешь наше горе. Ты приравниваешь клан Сокола великого племени роксоланов к каким-то сиракам. Я подниму против языгов весь род Сокола. Твой город Артар мы сронем с землей. Нас наберется больше тысячи мужчин. Вождь, которого мы вчера схоронили, доходил с отрядом воинов до самой Ольвии и требовал дань с этого великого города.

– Что ж, попробуй поднять свое племя, – несколько не испугался всадник. – Только ты наших воинов не знаешь. Сравнила Ольвию и Артар. В Ольвии живут одни толстобрюхие торгаши. А в нашем городе все мужчины побывали в битвах против эллинов и македонян. Я сам сражался вместе с великим правителем сколотов – Атеем.

– Но ты – не Атей, – укорила его Большая Мать, не скрывая презрение.

– Не Атей, – несколько не смутился всадник. – У меня есть свое имя – Орик из клана Оленя. Я вожу языгов в походы. А кто поведет твоё войско? У вас был один воин, достойный звания ксая, да и тот лежит в этом кургане. Ставь против меня четырех своих лучших мужчин. Если выстоят, так и быть, в это лето пользуйтесь степью беспощинно. Но если я одолею их, будь добра – заплати!

– Я ему сейчас покажу! – разошелся старший сын Скопаса. – Коня мне!

Толпа расступилась, освободив место для поединка. Всадники сошлись. Сын Скопаса бросился на языга. Замахнулся копьем. Тот легко уклонился и врезал щитом ему в лицо. Роксолан слетел на землю, чуть не свихнув шею. Второй смельчак пытался ударить копьем в живот. Языг так жестко принял удар на щит, что роксолан в кровь содрал ладонь о древко копья. Языг издевательски поддел его ногу своей и скинул с коня. Третий сблизился, размахивая топором на длинной ручке. Попытался рубануть языга по голове, но все его удары падали в пустоту. Языг даже не поднимал щит. Пока роксолан замахивался тяжелым топором, пока целился, он уже знал, в какую сторону уклониться. После нескольких взмахов роксолан выдохся, а всадник в великолепных доспехах ударил его в лицо тупым концом копья, что считалось верхом презрения. И третий противник оказался на земле со сломанным носом. Четвертый был старым опытным воином. Всадники бились долго, молотя в щиты копьями. Кони ходили по кругу, взрывая копытами землю. Наконец языг исхитрился, пропустил копье противника себе под левую руку, зажал наконечник подмышкой и без всякой жалости проткнул роксолану горло.

– Твои мужчины ни на что не способны. – Повернулся он к Большой Матери. Будешь платить, как и все племена. Иначе мы прогоним вас из этой степи. А за то, что устроили бойню с сираками, отдашь мне девять коней, девять коров и девять волов. И еще... – он внимательно оглядел всех. Его взгляд остановился на оставшихся в живых семерых пленников. – Это кто?

- Сираки, – ответила Большая Мать. – Наши пленники.
– Мальчишку того я встречал. – Языг ткнул окровавленным наконечником копья в сторону Исмена. – Его я тоже забираю.
– Возьми другого, – попросила Большая Мать.
– Нет, я хочу мальчишку, – стоял на своем воин. – Он хорошо взбивает кислое молоко. Я обожаю кислое молоко.
– Он убил нашего вождя, – сказал кто-то несмело.
– Что? – гневно воскликнул языг. – Вот этот мальчишка, похожий на воробья, в рваной рубахе? Он смог убить умелого воина в крепких доспехах, с оружием в руках? Вы издеваетесь надо мной!
– Это так, – подтвердила Большая Мать, опустив глаза от стыда. – Из уважения к мертвому, оставь мальчишку. Мы должны через год его прирезать здесь на кургане вместе с девятью жеребцами. Он пригонит этих жеребцов в степи Савра, к Скопасу.
Языг немного подумал. Все же божественные законы надо соблюдать. Согласился:
– Из уважения к вашему вождю, я через год приведу мальчишку. Обещаю!
– Но если он сбежит от тебя?
– Не сбежит. Я выжгу ему глаза, – пообещал языг. – Он и слепой сможет взбивать молоко.

Степь искрилась серебристой утренней росой. На голубом небе ни единого облачка. Жаворонки заливались трелью где-то высоко, высоко. Исмен брел, привязанный за хвост коня длинной веревкой. Языг дремал, сидя на спине скакуна, укутавшись в длинный плащ из мягкой шерстяной ткани. Шлем болтался, привязанный к поясу и бил всадника по бедру. С чепрака у правой голени свисал узкий чехол, в который было вставлено копье. Прямоугольный плетеный щит с кожаной обивкой висел за спиной. В центре круглый медный знак солнцеворота носил следы недавней стычки с роксоланами. С левого бока к чепраку был приторочен деревянный горит, украшенный шкурой рыси и медными бляхами. Конь шел медленно. Нелегко носить всадника в тяжелых доспехах, да еще оленьи рога на голове. Слуги уехали далеко вперед, гоня коров, быков и лошадей, что получили от роксоланов.

Исмен еле передвигал ноги. Бессонные ночи и пережитый ужас вытянули из него последние силы. Он спотыкался, едва не падал. Голова кружилась. Перед глазами кровавая пелена сменялась радужными пятнами. Иногда мальчик не понимал, что творится вокруг, где он, почему у него связаны руки.

Ему почудился странный звук, будто пес жалобно скулил. Нет, не почудилось. Репейник выбрался из высокой травы и кинулся к нему. Радостно залаял. Прыгал, пытаясь лизнуть шершавым языком в лицо. Всадник очнулся от дремоты, повернул голову и недовольно закричал:

– А ну, пошел прочь! Я тебя сейчас плетью отстегаю, тварь блохастая!

Репейник бросился в сторону, поджав хвост. Он некоторое время крался рядом. Скулил. Его скул переходил в жалобный вой. Но пес боялся приблизиться.

– Ох, я сейчас тебе! – пригрозил всадник, раздраженный надоедливим воем, и потянулся к гориту за луком. Репейник тут же скрылся в траве. Исмен увидел, как он помчался куда-то, задрав хвост. Мальчик совсем отчаялся. Теперь и пес бросил его. Захотелось умереть тут же на месте. Вот сейчас он упадет и больше не поднимется. Пускай всадник забьет его до смерти. Все лучше, чем целый год ждать ножа жреца, да еще с выжженными глазами.

Он почти провалился в беспамятство, когда вновь услышал лай Репейника. Но теперь пес лаял настойчиво, даже показалось, – нагло, осмелев. Исмен видел над травой загнутый лохматый хвост. Иногда пес взлетал, перепрыгивая через кочки, и тогда мелькало все его серое лохматое тело. Чему он так радуется? – Удивился Исмен. – Почему так странно прыгает? Сознание немного прояснилось. Пленник увидел, что следом за псом скачет его недавний знакомый аорс Фидар.

Языг остановил коня. Веревка ослабла, и Исмен без сил плюхнулся на землю. Тут же подбежал Репейник и принялся вылизывать лицо несчастному хозяину.

– Это ты? – гневно и немного удивленно крикнул языг Фидару.

– Хорошего утра, хозяин, – приветствовал его аорс, растянув обветренные губы в наглую улыбку. – Какая счастливая встреча.

– Я тебя ищу уже пятый день, – грозно крикнул воин. – Ты как посмел сбежать, да еще убил охранника. Быстро слезай с коня и моли о пощаде. Твое преступление тянет на мучительную казнь.

Фидар без всякого страха приблизился. Всадников теперь разделяло не больше пяти шагов. Аорс ухмыльнулся:

– Ты что, за дурака меня считаешь? Думаешь, я сам добровольно подставляю шею под петлю?

– Немедленно слезь с коня! – не на шутку разозлился языг. – Пойдешь за мной, со связанными руками.

– У меня к тебе другое предложение, – ответил аорс и поскреб рыжую бороду, как будто что-то прикидывая в уме. – Ты отдашь мне меч, копье, коня и доспехи, тогда я тебя отпущу живым. – Еще подумав, он изменил решение. – Нет, пожалуй, доспехи мне маловаты будут. И так: давай коня, меч, щит и плащ. Мальчишку я тоже заберу...

Языг посерел от гнева. Да как этот наглый раб смеет так с ним говорить! Ухмыляется прямо в лицо хозяину, на которого даже глаза не имеет права поднимать. Должен валяться в ногах и молить о быстрой смерти. А он еще дерзит... Или он сумасшедший? Одурел от свободы? Его надо наказать, а лучше всего убить на месте. Зачем нужен непокорный раб?

– Дерзишь! Мне дерзишь! Воину из клана Оленя! – Он коротко обернулся к Исмену и приказал. – Сиди здесь! – Вынул копье из чехла. Веревка, державшая Исмена, упала на землю.

Мальчик ужаснулся: Фидар и в правду – ненормальный! Куда же он с голыми руками против вооруженного воина. Даже защиты никакой нет: ни щита, ни копья. Он прекрасно помнил, как языг легко разделался с четырьмя роксоланами. Так те вооружены были, а Фидар... Даже захотел зажмуриться, чтобы не видеть, как бесславно погибнет аорс. Между тем языг уверенно направил коня на живого-убитого. Замахнулся копьем, решая одним ударом покончить дело.

Дальше произошло что-то непонятное. Аорс не стал ждать смерти, и сам ринулся навстречу. Сблизился так быстро и неожиданно, что наконечник копья ударил в пустоту. Всадники разминулись правыми боками, чуть не сбив друг друга. Фидар перемахнул через Исмена. Мальчик еле успел пригнуть голову от копыт его коня. Увидел, как над ним пронеслось широкое серое брюхо.

Языг развернулся. Глаза его горели гневом. Он хотел что-то крикнуть, но из горла послышалось бульканье, затем хлынула кровь. Исмен заметил, что в шее воина из клана Оленя, там, где заканчивается чешуйчатый панцирь, торчит рукоять ножа. Языг так и не понял, что произошло. Силы внезапно покинули его, и он сполз с коня. Левая рука, коченея, все еще удерживала узду.

Аорс подъехал к павшему воину. Спрыгнул на землю, опустился рядом с телом на колени и принялся читать какую-то молитву. Исмен с трудом поднялся. Репейник все норовил прыгнуть повыше и лизнуть в уже, и без того, обслюнявленные щеки. Мальчик медленно, шатаясь, подошел к воинам. Языг лежал навзничь, раскинув руки. Его темные остекленевшие глаза смотрели в голубое небо. В них застыло удивление. Лицо заострилось. Борода и усы перепачканы кровью. Чешуйчатые доспехи на груди тоже залила кровь.

Фидар бубнил молитву, раскачиваясь из стороны в сторону, как ковыль на ветру. Затем припал к груди убитого и три раз громко произнес:

– Прости, прости, прости!

– Ты что делаешь? – спросил Исмен.

– Прошу прощения у духа воина, – ответил аорс, пытаясь закрыть веки погибшему.

– Зачем? Он же враг.

– Он настоящий ксай. Надо уважать ксяя даже мертвого. Сейчас дух его отправится к богам. Если бы я не попросил у него прощения, он бы там всем воинам жаловался, что я нечестно его убил. Еще прогневал бы Савра.

– Как – нечестно? – не понял Исмен. – Ты же с голыми руками на копье бросился. А если бы он проткнул тебя?

Фидар поднял глаза на Исмена, пожал плечами и глухо ответил:

– Значит, сейчас я бы здесь лежал, а ты дальше шагал, привязанный к хвосту коня. – Он выдернул из шеи убитого нож. – На, твой. Выручил меня.

– Я не могу его взять, – ужаснулся Исмен, увидев почерневшее от крови лезвие. Даже почувствовал дурноту, подкатившую к горлу.

– Крови никогда не видел? Кровь, она у всех одинаковая, что у человека, что у зверя.

Аорс поднялся. Окровавленным лезвием перерезал путы на руках Исмена, вытер нож о пучок жесткой травы. Отвязал с бедра ножны, вложил в них клинок и всунул в руки Исмену.

Конь языга с оленьими рогами чего-то испугался, вырвал узду из окоченевших пальцев хозяина и бросился в степь.

– Ускачет ведь. Конь хороший, – пожалел Фидар.

Но Репейник не дремал, – метнулся наперерез. Пес резкими рывками забегал вперед и злобно клацал зубами, не давая коню уйти.

– Нет. Репейник не позволит. Он обучен, – успокоил его Исмен.

Мальчик развязал пояс, стянул с себя рубаху. Осторожно ступая, подкрался к коню, который пятился от огрызающегося пса. Исмен накиннул ему на глаза рубаху и крепко вцепился в шею. Репейник тут же примолк. Конь испуганно заржал, пытался встать на дыбы. Но Исмен крепко держал его, пока животное не присмирело. Затем осторожно разомкнул объятия, дыхнул несколько раз в ноздри коня. Тот фыркнул. Исмен снял с морды рубаху. Все! Успокоился.

– Молодец. Лихо ты, – похвалил его аорс.

– С малых лет коней пасу, – скромно ответил Исмен.

Фидар похлопал скакуна по крутой шее, потрепал коротко остриженную гриву.

– Хорош. Силен. Кастрирован правильно.

Конь тряхнул головой, так, что чуть не попал рогами в лицо Фидару.

– Да сними ты с него эти ветки, – недовольно пробурчал он. – Что за привычка у языгов коней в оленей рядить.

Исмен перерезал ремешки, крепящие шлем на голове скакуна и откинул в сторону позолоченные ветвистые рога. Объяснил:

– Поверье у них такое. Савр скачет не на коне, а на олене.

– Понятно. Тоже – возомнили себя богами. Помоги мне.

Они вдвоем взвалили тело языга на круп коня. Фидар решил сойти с дороги, чтобы ненароком не попасться языгам или еще кому-нибудь на глаза. Нашли небольшой овражек, края которого защищал густой кустарник. Мертвеца положили и укрыли его же плащом. Исмен тут же улегся на траву и от усталости провалился в черный сон. Фидар спутал коням передние ноги, чтобы не убежали, и пустил пасть. После сложил костерок из хвороста.

Исмен очнулся ближе к полудню. Солнце веселым желтым шариком повисло на небе среди пушистых молочно-белых комочков облаков. Первые мысли пришли, словно в бреду: надо гнать лошадей к реке, поить, затем надоить молока, пока жеребята все не высосут. Да, и почему он спит днем? Потому, что... Память внезапно вернулась. Горе холодной рукой сжало сердце. Нет лошадей, нет родного становища, нет никого...

– Проснулся? – окликнул его Фидар. – Вставай. Поешь.

Нос защекотал аромат печеного мяса. Фидар протянул мальчику заячью заднюю лапу. Мясо слегка подгорело, но сочилось розовым соком. Исмен оторвал кусочек и кинул перед собой, жертвуя богам. После жадно впился зубами, рвал полусырое мясо и, почти не жуя, глотал. Двое суток ничего не ел.

– Ну и пес у тебя, – довольно произнес Фидар, обсасывая ребрышки. – За такого и кинжал персидский не жалко отдать. Это он зайца поймал. Приволок его полузадушенного. Хороший пес.

– Он всегда мне зайцев ловит. – Исмен поделился с Репейником косточкой. Пес тут же деловито принялся хрустеть и чавкать.

– Почему ты оказался на привязи у этого языка? – поинтересовался Фидар.

– Забрал меня как дань у роксоланов.

– А у роксоланов ты что делал?

– Сначала мы их становище перебили, потом они на нас напали.

– А дядька твой что? Он же клялся, что всех их перережет.

– Дядька? – Слезы выступили на глазах у Исмена, но он твердо продолжил: – Дядька тебя не послушался и повел нас к другому становищу, на север.

– Я же ему сказал: к восходу, – удивился Фидар. – И что? Вы не на тех напали?

– Оказались пастухи из племени Скопаса.

– Знал я когда-то роксолана Скопаса. Хороший воин. Вместе с ним в коннице служили у персидского правителя. Но как вас угораздило его стадо угнать?

– Дядька... Из жадности... Позарился на богатую добычу. Тавр клана Сокола только потом разглядели, когда табун в свое становище привели.

– Да расскажи ты по порядку, – попросил Фидар.

Исмен выложил все, как было.

– Постой, постой, – встрепенулся Фидар, когда Исмен дошел до того места, как он попал вождю в глаз стрелой. – Из твоих слов я понял, что ты убил главу клана роксоланов. Не врешь?

– Не вру.

– Да, уж, пометила тебя Мара.

– Я узнал его. Это Скопас убил моего отца. Я отомстил. Как будто сам Савр меня из-под повозки вытолкнул и помог лук натянуть.

– Согласен, без помощи Савра ты бы не смог его убить, – мрачно сказал Фидар. – Мечь за отца – дело благородное, конечно... Но теперь тебе не выжить в степи. У Скопаса восемь сыновей, насколько я помню, и каждый обязан по законам мести выпустить тебе кишки.

– Знаю, – горестно согласился Исмен.

– И еще я одного не понял. Ты же мне раньше рассказывал, что дядька твой тогда отомстил за отца. Вроде бы перебил обидчиков и скот отнял.

– Значит, он и в тот раз не на тех напал, – решил Исмен.

Они доели кролика и сложили кости в костер. Как-то непривычно было сидеть и есть рядом с покойником. Фидар снял с убитого перевязь с мечом, вынул из изящных чеканных ножен меч в локоть длинной. Лезвие чуть изогнуто и заточено с одной стороны. У основания клинок узкий, а к середине расширился в виде листа. Меч аорсу не понравился. Он неодобрительно покачал головой.

– Какой странный акинак, – удивился Исмен. – Я таких коротких и широких не видел.

– Не акинак это, – тоном знатока ответил Фидар. – Эллинский копис.

– Эллины? Не тот ли это народ, что живет в городах на побережье моря.

– Они самые. – Фидар помахал клинком, примеряясь. – Не люблю я кописы. Короткие и тяжелые. Я обычно так меч выбираю: кладу его на руку, чтобы острое уперлось в сгиб локтя, – продемонстрировал, как он это делает. – Пальцы вытянутой ладони должны касаться основания клинка у рукояти. А этот, видишь: на половину ладони короче.

Исмен взглянул на убитого воина, зачем-то потянулся и поправил край плаща, укрывавший лицо.

– Его дух слышит нас?

– Слышит.

– Сильный был воин.

– Да уж, – кивнул Фидар, вкладывая копий обратно в ножны.

– Я видел, как он с четырьмя роксоланами разделался.

– Языги – хорошие воины, – согласился Фидар. – Только есть у них дурная черта: перенимать все эллинское. Вот, ты думаешь, откуда они придумали город построить? Все у Эллинов подглядели. Раньше языги были так же, как и сераки, и роксоланы – кочевники. Гоняли скот от кочевья к кочевью, с соседями ссорились, в походы ходили. А теперь решили, что они особенные. Поставили каменные стены, настроили себе домов. Зачем пасти скот, сеять ячмень, надрываться каждый день с рассвета до заката? Проще объявить себя главным в степи и собирать дань. Нет, долго они не протянут, – сделал вывод Фидар. – Рано или поздно разрушат их город, да и самих всех поубивают.

– А как ты попал к ним в плен? – поинтересовался Исмен.

– Это длинная история. – Фидар отложил меч в сторону, задумчиво почесал бороду. – Я в Персии служил наемником. Страна большая, богатая, но беспокойная. Сегодня один правитель, завтра его убили, и убийца уже на троне... Я попал туда как раз во время восстания сатрапов.

– Это кто такие?

– Сатрапы – наместники в дальних областях. В Персии жизнь протекает не как в степи. Есть большие города, где живут ремесленники, торговцы, земледельцы. Над ними властвует знать – особая каста воинов. Все эти воины – крупные землевладельцы. Старший в этой касте – сатрап. Но сатрапы подчиняются верховному правителю, кшатре. Нынешний правитель Дарий был сатрапом Армении. Так вот, восстали западные сатрапы и решили создать свое отдельное государство. Правитель Артаксеркс, его еще Охом звали, разбил сатрапов. Одних зачинщиков казнил, другие сбежали в далекие страны. А над успокоенными западными областями поставил старшего евнуха. Багой его имя.

– Что такое евнух?

– Даже не знаю, как тебе объяснить, – задумался Фидар. – Евнух, вроде бы – мужчина, но в то же время – и нет. Так – что-то среднее...

– А разве такие бывают.

– Их такими делают.

– Как энареи?

– Энареи могут иметь детей, а эти – нет. Потом энареи – жрецы и прорицатели. Евнухи же к касте служителей богов не относятся. Но суть не в том. Этот Багой – человек с повадками шакала: хитрый, жестокий, мстительный. Для него младенца зарезать – так, развлечение. Эта змея убил правителя Оха и отравил всех его сыновей. В живых оставил только Арсеса, младшего сына кшатры от наложницы. Решил посадить его на трон, как послушного ягненка, а самому править страной. Ягненок оказался строптивый. Арсес поднял восстание. Среди повстанцев оказался и я. Нас разбили. Бедняга Арсес лишился головы. Многих заговорщиков казнили. Наемников и простых воинов обратили в рабов. Меня продали эллинам на галеры.

– Это...

– Корабли такие, что по морю плавают. На них сидят гребцы с длинными веслами.

– А-а. Понятно.

– Вот. Приковали меня к скамье, вручили весло и угощали каждый день плетью. Доплыл наш корабль до Ольвии. Я по-хорошему попросил надсмотрщика отпустить меня. Он же, гад, посмеялся и отстегал плетью. Тогда я накинул на его шею цепь, которой был прикован к скамье

и придушил. Меня хотели убить на месте за это. Хозяин корабля вмешался. Из жадности оставил мне жизнь. Прежде всего, я освободил его от платы, что он должен был отдать придушенному надсмотрщику. А оптом, зачем убивать такой хороший товар. На корабле меня держать, посчитал, опасно, и продал языгам. Те как раз нанимали в Ольвии мастеров для строительства укреплений и закупали рабов, чтобы те таскали камни.

Почти год я провел в рабстве у языгов. Много нас там было – несчастных, лишенных свободы. Поднимали нас до восхода и гнали в каменоломни. Обратное привели только к ночи. Кормили сывороткой молочной с какими-то кореньями. Многие надрывались и умирали. Иные от болезней скончались. Мне неволею стало. Тоска душила. Почувствовал: еще немного – или свихнусь, или надорвусь. Попросил сторожа отпустить меня. Честно попросил: отпусти, говорю, иначе убью тебя. Разве тебе хочется умирать? Тот только посмеялся надо мной и избил палкой. Той же ночью я куском песчаника подпилил кандалы. Оковы из мягкой меди были, легко поддались. На следующий день нас, как обычно, пригнали в каменоломню. Я высвободился из оков, подобрал булыжник и проломил сторожу голову. Забрал его коня и ушел в степь.

– Но тебя любой кочевник обязан поймать и сдать языгам живым или мертвым.

– Это, пока я здесь. А как только перемахну через Дон, – вновь свободный. Не забывай, ты тоже на положении живого-убитого.

– Я помню, – горестно согласился Исмен.

– Из твоего рода кто остался?

– Мужчин всех: кого перебили, кого обратили в живых-убитых.

– Выходит, ты теперь – глава клана.

– Глава. Только клан истребили, – вздохнул Исмен.

– Ох, уж дело к вечеру, – взглянул на небо аорс. – Мне пора ехать. – Поднялся. – Ты, я вижу, отошел немного. Выживешь?

– Постараюсь.

– Помоги мне.

Они вновь взвалили тело языга на круп коня и надежно привязали.

– Почему ты его не бросишь? – спросил Исмен.

– Воин должен быть погребен по всем правилам, – сухо объяснил Фидар. – Попадется по пути становище, попрошу захоронить. Нехорошо оставлять его шакалам. Что потом скажет Савр, когда отправлюсь к нему?

Аорс запрыгнул на своего коня.

– Ну, бывай, – попрощался он с Исменом. – Пусть Папай подарит тебе счастье, а Великая мать Табити убережет от беды.

– И тебе того же, – упавшим голосом ответил Исмен.

Мальчик вдруг остро ощутил щемящее чувство одиночества. Он сейчас останется один в этой степи. До него никому нет дела, кроме врагов. А враги кругом: роксоланы, языги, волки, голод. Куда бы он ни пошел, везде его ждет смерть, все равно какая: голодная или от меча мстителей, а может от зубов хищников.

Фидар как будто услышал его мысли, остановил коня, оглянулся:

– А ты куда поправишься?

Исмен пожал плечами.

– Родственники у тебя остались? Может, в других кланах?

– Может, и остались... Да кто меня примет. Я убил Скопаса. Кто захочет навести гнев на свое становище.

– Да! – протянул Фидар и надолго задумался.

Вдруг конь с убитым языгом на спине стал вырываться, норовил укусить, ударить передним копытом. Фидара не смог удержать узду. Конь подбежал к Исмену и уткнулся влажным носом в шею мальчика. Исмен погладил его.

- Чего это с ним? – удивился Фидар.
- Не знаю. Может от меня кобылицами пахнет. – Исмен сам не мог понять.
- Покойника боишься? – спросил аорс после недолгого раздумья.
- А чего его бояться?
- Залезай на коня. Мы оба в этой степи – изгои. Раз Фагимасад, отец всех коней желает нам одной участи, будем держаться вместе. Вдвоем и помирать веселее.
- А куда мы направимся? – уже приподнятым голосом спросил Исмен.
- Попробуем проскочить за Дон.
- Но там же земли сколотов, – ужаснулся Исмен.
- Тебе-то какая разница, кто прибьет: роксоланы или сколоты? У роксоланов ты уже, считай, – мертвец. А со сколотами, возможно, договоримся. Не такие уж они страшные и кроважденные.
- А потом куда? К морю в эллинские города?
- Нет. В горы. В мои родные горы, – мечтательно вздохнул Фидар. – Ну, что, ты едешь или будешь ждать, пока тебя роксоланы перед жертвенником горло перережут?
- Языг широко лежал на спине коня. Исмен еле уместился. Пришлось сесть чуть ли не на холку. Они тронулись.
- А какие они – горы? – спросил Исмен.
- Словами описать не просто – увидеть надо. Степь, конечно, красивая... Но Горы! Представляешь, выезжаешь утром на откос. Кругом синие вершины, окутанные туманом. Седой Отец Эльбрус сияет над облаками. А под тобой далеко внизу в ущелье река струится, как зеленая змейка. Орлы парят – стрелой достать можно. Тучки пушистые проплывают мимо... Эх!
- Кони бодро бежали по утоптанной стежке. Солнце краснело и падало к западному виднокраю. Потянуло вечерней прохладой. Высокий ковыль слегка колыхался и мягко шуршал под напором настойчивого западного ветра.
- А как ты стал ксаем? У тебя в роду все воины? – спросил Исмен.
- Нет. В моем роду одни пастухи. Дед мой коров пас. Отец – тоже. Но, конечно, если враг приходил, они тут же за оружие брались. Дрались отчаянно, как рыси, но никогда не кормились войной. У меня братьев восемь и сестер пять. Представляешь, семья, какая большая. А еще дядьки, тетки... Клан Рыси огромный. Сестры – красавицы. Женихи так и обивали порог нашего дома. Мои братья все с руками, с головой. А я самый младший и самый беспутный – ничего делать не умел. За что не возьмусь – все из рук валится. Сначала меня отец отправлял коров пасти. Не нравилось мне это. Да еще бык наш меня невзлюбил, все кидался. Я ему даже кнутом глаз выбил. Отдал меня тогда отец к гончару, дядьке Уаре в обучение. Ничего не получалось. Глина вечно липла к рукам. Кувшины выходили кособокие. Выгнал меня дядька. Отец отвел к кузнецу. Барана отдал, чтобы меня, второго барана, обучили искусствуковки. Кузнецы в цене в горах. Когда враг разоряет селенье, никогда дом кузнеца не трогает. Кузнецы, они с богами не меньше жрецов знают. В первый же день поколотил меня мастер за криворукость и выпер вместе с бараном. Сказал, что лучше возьмется настоящего барана учить, нежели меня. В общем, ничего я не умел. Зато драчуном был... Все мальчишки меня боялись. Сил, что у быка. Дед так и сказал: ксаем тебе надо стать. Когда шестнадцатый год наступил, через наше селение проходили аланы. Племена у нас такие живут высоко в горах. Бедные, но благородные. На горных пастбищах сильно не разжиреешь. Горы – не степь. Среди камней трава плохо растет. Вот, они частенько собираются в отряды, спускаются с гор и делают набег на Персию. Но в этот раз аланы шли наниматься в персидскую конницу. Дед мой, глава старейшин был. У него аланы потребовали себе оруженосцев. Отец, недолго думая, меня и сунул им. Повздыхал, погоревал, дал топор бронзовый и свои сапоги новые. Мать плакала. Собрала лепешки, сыр в узелок, благословила и отпустила, – Фидар грустно покачал головой, вспоминая тот далекий день, но тут же улыбнулся: – А братья завидовали мне. Вдруг воином стану,

таким же, как эти аланы: сильным, бесстрашным. Конь свой будет, меч острый... Да я и сам хотел уйти. Обузой стал отцу. Братьям мешал. Соседи на меня косо смотрели. Старики ругали за безделье. С легким сердцем бы ушел, если только не Дидинег.

– Фиалка? – не понял Исмен.

– Девушку так зовут. Живет она в соседнем селении, там, где Кольцо-гора. Отец у нее сыродел. Братьев старших трое и семь сестер. Она самая младшая.

– Красивая?

– Как заря в морозное ясное утро. Как расцветающая веточка сирени.

Взор рассказчика затуманился, а на губах заиграла неземная улыбка.

– Так, что дальше было? – вернул его на землю Исмен. – Ты стал ксаем?

Фидар косо взглянул на мальчика.

– Чтобы стать воином, надо хорошенько в грязи поваляться. Сначала я разжигал костры и готовил еду для аланов. Чистил коней. Когда они по горным тропам ехали верхом, мы, оруженосцы на своих двоих несли за ними их копыя, щиты, всякую поклажу.

– А почему у вас не было вьючных ослов?

– Мы сами были ослами. Где ты видел конное войско с ослами? Засмеяли бы. Конечно, нас обучали бою на мечах и на копьях. Оруженосец должен уберечь своего господина, если его ранят или собьют с коня. У знатных воинов бывало по пять, а то и по десять оруженосцев. Когда мы прибыли в Персию, я уже хорошо владел оружием. Помню, осень была поздняя. В горах снег выпал. Наш отряд направили на запад к проливу Геллеспонт. Наглые македоняне переправились на персидский берег и осадили прибрежные города. Нам поставили задачу: сбросить их обратно в море. Македонянами командовал хитрый опытный полководец Парменион. Устроил западню, в которую мы и угодили.

– Страшно было в первый раз?

– Конечно. Кто говорит, что ничего не боится – лгун. Даже на самого опытного воина перед битвой накатывает страх. Надо уметь его побороть, задавить и держать внутри, пока он сам не утихнет.

– И как проходила твоя первая битва?

– На холме появился небольшой вражеский отряд всадников. Увидев нас, они поспешили удрасть. Горячие аланы бросились за ними в погоню. А за холмом мы напоролась на флангу. Представь плотно сомкнутый строй пешеходов с длинными сариссами. Да тут еще с флангов лучники атаковали. Аланы бились отчаянно. Да толку с копьем коротким лезть на частокол сарисс, а справа и слева в тебя стрелы летят. Пешеходный отряд персов отстал. Как только кардаки подоспели к нам на помощь, откуда ни возьмись, их атаковала конница македонян. Персы побежали, оставив нас на растерзание врагу. Почти все аланы там и полегли. Воин, у которого я служил оруженосцем, сам еще юношей был. Он кинулся отчаянно на строй гоплитов. Его подняли на копыя. Чтобы спастись, я запрыгнул на его коня, подобрал его копыя, щит и продолжал сражаться. Немногим удалось вырваться из той бойни. Когда остатки нашего отряда вернулись в Сузы, меня приписали к коннице массагетов не как оруженосца, а уже – как воина. Язык у нас похожий, да и одним богам молимся. Так я стал всадником – скифом.

– А что это за всадники-скифы?

– Персы и эллины называют нас скифами, всех, кто пришел с севера.

– Но ты – отличный воин, – с уважением произнес Исмен. – Ты одолел языга. Я видел, как он разделался с четырьмя роксоланами. А роксоланы драться умеют. Тебе, наверное, нет равных.

– Несмышленный ты еще. Даже для самого сильного воина всегда найдется достойный противник. Я поведаю тебе одну древнюю легенду, что веками пересказывают старики в наших горах. Жили в одном горном селении три брата, – начал он. – Они до того были сильными, что, когда пастухи собирались на праздниках и затевали борьбу в честь бога Савра, никто не мог

их одолеть. Местные юноши даже не вызывали их на поединок. Что толку, все равно на спине окажешься, а то и шею свернут. Возгордились братья. Старший и говорит младшим: «Что мы друг с другом вечно силой меряемся? В округе нет никого сильнее нас. Давайте перейдем через перевал и поищем достойного противника». «Давай поищем, – согласились младшие братья. – Все равно не найдем никого сильнее». Поутру братья собрали котомки с сыром и лепешками. Закинули котомки за плечи и пошли к перевалу. Попали они в другую страну. Кругом деревья небо подпирают. Трава выше головы, а пчелы величиной с ворону. Удивлялись братья. И вдруг видят, навстречу им идут три великана. Братья им по пояс. «Что надо вам тут, карлики?» – спросили великаны, да так, что братья чуть не оглохли. Ответил старший: «Мы самые сильные в наших горах. Нет нам равных в борьбе. Вот, пошли искать людей сильнее». Рассмеялись великаны, да так, что горы задрожали. «Мы самые сильные», – сказали они. – А вы теперь будете невольниками служить. Пасты наших овец и делать нам сыр». Схватили братьев и связали. Идут великаны, радуются неожиданной добыче. Как вдруг перед ними выросли два толстых высоких столба. Подумали, что это стволы столетних кедров. Но это оказались ноги огромного человека. Был он выше великанов на сто локтей. В его густой бороде птицы вили гнезда. Глаз у него один, второй выбит. И рука только одна. «Зачем карликов мучаете?» – грозно проревел он и уцелевшей рукой схватил за шиворот всех трех великанов, вышвырнул их в пропасть. «Кто вы такие?» – спросил он у братьев, когда те освободились от пут. Братья ему рассказали, кто они, и поведали, что отправились по свету искать самого сильного человека. Видать, уже нашли, потому как сильнее их спасителя никого нет. «Эх вы! – посмеялся гигант. – Не найдете вы самого сильного. И я не самый сильный». «Почему?» – удивились братья. «Видите, у меня глаз выбит, и рука оторвана? – спросил великан. – Однажды я еще с двумя своими братьями, как и вы, ходил в горах. Заблудились мы и попали в странное место: все нам показалось огромное. Застала нас гроза. Спрятались в пещере. А когда гроза прошла, выглянули, и увидели: это вовсе не пещера, а глазница черепа горного барана. Слышим, земля сотрясается так, что с вершин камни срываются. И тут к нам подходит пастух. Огромный. Голова его в облаках прячется. Камни под его ногами в песок рассыпаются. Заметил он нас и решил изловить. Мы обратно в череп попрятались. Тогда он пальцем нас пытался выковырнуть. Вот тогда мне руку оторвал и глаз выколол. А ту кто-то как закричит на него, да так, что горы ходуном заходили: «Опять озорничаете? – гремит голос. – Вот поймаю тебя и на солнышко закину». Испугался пастух и убежал в страхе. Кто нас избавил от смерти, мы так и не разглядели, потому, как он до того огромен был, что стоял за горами, а тело его скрыли облака. Так, что идите домой и не ищите больше самого сильного», – закончил рассказ Фидар. – Вот так, Исмен, никогда не хвастайся силой, но и на других силачей не смотри, как на непобедимых.

Половина багрового шара осталось торчать над виднокраем. Редкие облака оранжевыми пятнами застыли на небе. Холодный ветер усиливался.

– Впереди кочевники идут, – заметил Исмен.

Фидар взгляделся.

– Похоже на то. Только скота не видно – одни телеги. Это не кочевники. Торговый караван.

Они подъехали ближе. Длинная вереница тяжелых повозок медленно ползла по дороге. В повозки были впряжены по паре сильных волов. Колеса высокие, но не сплошные, как у кибиток, а с толстыми спицами. Исмен удивился, когда заметил медью оббитые обода. Роскошь!

Караван возглавляли двое кочевников на низких коренастых лошадках. Кочевники и сами были под стать своим скакунам: невысокого роста, но широкоплечие. Острроверхие шапки из овчины на головах. Кожаные грубые куртки. Мягкие кожаные сапоги, перетянутые крест-накрест шнуром. Анаксириды, вытертые на коленях. За спинами торчали гориты, в руках короткие копыя.

Заметив путников, кочевники двинулись к ним. Два крепких охранника в длинных персидских рубахах тонкого льна, с короткими копьями и круглыми деревянными щитами отделились от каравана и поспешили следом.

– Вы из какого племени? – крикнул один из кочевников.

– Мы не из этой степи, – ответил Фидар. – Идем к Дону. Я из аорсов.

– Из аорсов? – удивился кочевник. – Далек же тебя занесло. Эти степи теперь принадлежат языгам. Мы из клана Белых Зайцев. Сопровождаем караван персидских торговцев.

– Что надо аорсам в нашей степи? – спросил второй кочевник.

– Мы с миром, – успокоил их Фидар.

– Коли с миром, проезжайте дальше. Вон там, возле реки становище роксоланов.

– Я так и сделаю, но прежде хотел бы переговорить со старшим караванщиком.

– Зачем тебе старший? – К охранникам подошел высокий мужчина в длинной одежде, расшитой пурпурными нитями. Раньше Исмен никогда не видел рубахи из такой тонкой ткани с красивым узором по краю. Матерчатый широкий кушак украшали кисточки. Сапоги кожаные, высокие с острыми загнутыми носами. Лицо светлое, с большим горбатым носом, в обрамлении густой, аккуратно подстриженной бороды.

– Дело есть к нему.

– Я веду караван.

– Вы же идете в город Танаис, – догадался Фидар.

– Возможно, – уклончиво ответил старший.

– Будете проходить через город Артар.

– Это надо у наших провожатых осведомиться, – Он вопросительно взглянул на кочевников.

– Завтра к вечеру, если ничего не случится, попадем в Артар, – доложил кочевник. – Город языгов. Владеет им клан Оленя.

– Я хочу попросить, чтобы вы доставили тело воина в Артар, – сказал аорс.

Один из кочевников приблизился к Исмену, внимательно оглядел тело, лежащее поперек коня, откинул край плаща, закрывавшего голову, и посмотрел в лицо убитого.

– Это же..., – отшатнулся он. – О, Савр побеждающий!

– Кто там? – второй кочевник подъехал к нему. – Орик из клана Оленя, – узнал он. О, Боги! Кто его убил?

– Я, – просто ответил Фидар. – Да не гляди на меня, как волк на быка. Мы бились честно. Беру Савра в свидетели.

– Нам то что, – глухо ответил один из кочевников. – Мы из другого клана.

– За что ты его? – спросил старший торговец.

– Наше с ним дело, – нехотя ответил Фидар. – Не дрожи. Я не разбойник.

– А чем докажешь? – не поверил ему караванщик.

Фидар протянул ему маленький мешочек из тонкой кожи.

Торговец взял мешочек, распустил шнурок и высыпал содержимое на ладонь. Глаза его вспыхнули.

– Ого! Золотые монеты. Из Ольвии. На это можно купить не меньше ста амфор зерна.

– Они твои, – сказал Фидар. – Были его, теперь твои. Я ни одной не взял.

– За что платишь? – не очень охотно согласился торговец, пересыпав монеты обратно в мешочек.

– Доставь тело в город Артар.

– А меня там не порубят на куски?

– Нет. Скажи, что Фидар-ксай убил Орика в честном бою. Да вот, твои провожатые подтвердят: я поклялся Савром.

Торговец колебался, но золото так и жгло руку.

– Хорошо, – наконец согласился он.

Тело языга перегрузили на одну из телег с товаром. Краем глаза Фидар заметил, как кочевники, отдалившись, о чем-то горячо спорят. Потом один из них подъехал к старшему торговцу и что-то ему шепнул.

– Ну, что ж, храни вас Папай, – пожелал Фидар и повернул коня.

– погоди, – остановил его торговец, изобразив на лице фальшивую улыбку гостеприимного хозяина. – Куда ты собрался на ночь глядя. Слезайте с коня. Мы, как раз, становимся на ночлег. Угощу вас мясом и пивом.

Фидар хотел отказаться, но заметил, как провожатые кочевники пристально следили за ним. Наверняка решили выследить и напасть в темноте. По повадкам видно – им не впервой разбоем заниматься. Да и степь они знают – каждую травинку.

– Спасибо, добрый человек, – улыбнулся в ответ аорс. – Я приму приглашение.

Караванщики сгоняли телеги с дороги, распрягли волов, разворачивали пестрые полотняные шатры. Возле повозок с товаром выставили охрану. Запылали костры. Котлы весело забурлили.

Купол неба совсем потемнел и вспыхнул разноцветными звездами. Фидар и Исмен расположились возле огня. Прямо из кипящего котла, повар навалил им в глиняные миски мяса. Рядом присел старший над караваном и предложил Фидару глиняную баклажку в виде барана с пивом.

– Откуда идете? – спросил у торговца аорс.

– Из Персии. Прокладываем новый путь через Аланские ворота.

– Постой, – аорс отставил миску, напряженно наморщил лоб. – Вы шли мимо двуглавого седого Эльбруса?

– Да. А тебе знакомы те места?

– Я родом из долины с тремя реками. Там плоская гора святой Румы, а рядом есть скала, подобна кольцу...

– Местные жрецы прощаются с солнцем у этой скалы, а утром встречают его там же, – подтвердил торговец.

– Ты был там? – встрепенулся Фидар.

– Мы не останавливались в долине трех рек. Но могу уверить тебя, там царит мир и счастье. Я видел кругом тучные стада и возделанные поля. Люди приветливые: никто нам не угрожал и лишнего не требовал.

– Ох, торговец, если бы ты знал, как долго я не был на родине!

– Мне ли не знать! – хмыкнул торговец. – Я всю жизнь провожу в дорогах. Но самая лучшая та, которая ведет к родному дому.

Исмен улегся под одной из повозок. Подтянул колени к груди, а руки положил под щеку. Тут же к спине привалился теплый Репейник. Как только мальчик оказался один, так сразу тяжелые мысли одолели его. Что с ним теперь будет? Куда он идет? Зачем? Стоит ли доверять этому аорсу? Даже если они доберутся к Дону, что его ждет на том берегу? Плен, рабство, смерть? Хоть бы Папай дал ответ... Сон оборвал мысли. Ему показалось: он только прилег, но его уже кто-то тряс.

– Вставай. Нам пора.

Исмен с трудом разлепил глаза. Кругом темень. Небо на востоке даже еще не светлело. Холод пробирал до костей. Только спина теплая, где прижимался Репейник.

– Поднимайся же, – торопил Фидар. – Приведи коней. Только тихо, чтобы ни одна душа тебя не заметила.

Мальчик встал, размял затекшие ноги. Коней нашел в загоне. Фидар ожидал его у крайней повозки, на которой лежало тело языга. Он уже приготовил небольшие кожаные мешки с припасами, что выменял у торговцев. Фидар надел себе через плечо пеструю перевязь с копи-

сом. Приладил за спину прямоугольный щит языга. На чепрак впереди прицепил длинный чехол и вставил в него копье.

– Умеешь обращаться с луком? – тихо спросил он, протягивая Исмену горит Орика, обтянутый шкурой рыси.

– Я стрелял лучше всех мальчишек в нашем становище, – похвастался Исмен.

Горит был тяжелый, наполненный стрелами. Исмен погладил пушистую шерстку горита, ощупал металлические бляхи. Дорогая вещь, красивая.

– А этот лук сможешь натянуть?

Исмен вынул небольшой лук. Отличное оружие для наездника. Сделан из крепкого кизилового дерева и укреплен проточенными рогами горного козла. Тетива, крученная из жил. Тугая. Исмен попробовал натянуть. Трудно.

– Кольцо надо на большой палец, – сообразил Фидар. – Сними с языга.

Исмен нашел ледяную руку убитого. Превозмогая ужас и отвращение, попытался стянуть широкое бронзовое кольцо. Но пальцы у покойного уже начали распухать, и кольцо не поддавалось.

– Дай попробую. – Фидар ножом отрезал фалангу, снял кольцо, а палец засунул покойному за пазуху. – Прости, – извинился он перед языгом и протянул кольцо Исмену. – Оно ему не понадобится. Я бы и панцирь его взял. Хороший, крепкий, но на груди мне узковат будет. Пусть его в нем и похоронят.

– А шлем себе не возьмешь? – спросил мальчик.

– Нет. Он мне не подойдет. Посмотри, какой у него череп вытянутый. Языги мальчикам в младенчестве голову туго перебинтовывают. Поэтому у них у всех затылки вытянутые.

– Зачем они так делают?

– Чтобы отличаться от остальных, наверное, – пожал плечами Фидар. – Давай поторопимся. Я заметил, как один из провожатых куда-то ускакал. Наверное, спешит в Артар обменять нас на лисью шапку.

Путники покинули спящий лагерь и выехали на дорогу. Впереди чернота. Народившийся месяц висел тонкой полоской в окружении сияющих звезд. Вдруг впереди вспыхнули огни факелов и метнулись к ним наперерез. Путь преградили стражники из охраны каравана с копьями в руках.

– Пропустите нас, – потребовал Фидар. – Мы ничего у вас не украли.

– Куда же ты так спешишь? Даже не попрощался.

Вперед вышел старший торговец.

– Не хотел будить. А дорога мне предстоит долгая, поэтому и собрался затемно, – ответил Фидар.

– Я, вот, что подумал: может, вместе с нами отправишься в город языгов? Сам расскажешь: кто ты, как убил ксяя, и за что, – угрожающим тоном предложил старший торговец. Сзади тихо подъехал один из кочевников-проводников.

– Я тебе заплатил, – напомнил ему Фидар. – Что еще нужно?

– Заплатил, – согласился торговец. – Да только, думаю, мне еще больше дадут за твою голову.

– Лучше отпусти меня, – холодно произнес Фидар. – Убью, ведь.

– Испугал, – ухмыльнулся торговец и крикнул охранникам: – Стащите его с коня и свяжите. Мальчишку – тоже.

Пять наконечников уперлись аорсу в грудь.

– Сдаюсь!

Он медленно развел руки в стороны, показывая, что не намерен сопротивляться. Старший торговец подошел ближе и потянулся за его мечом. Но Фидар вдруг сгреб все пять копий в охапку, ударил пятками в бока коню. Животное рванулось вперед. Копьеносцы от толчка

попадали на землю, а Фидар выхватил копис, развернулся, подлетел к старшему торговцу и рубанул его по голове. Один из охранников подкрался сзади, готовый вонзить копьё в спину аорса. Исмен не дремал. Он уже держал лук в руках. Стрела насквозь пронзила шею охранника. Кочевник бросился на Исмена. Но тут Репейник вынырнул из травы и вцепился в ляжку коню. Скакун кочевника рванул в сторону. Проводник слетел на землю. Стражники разбежались, побросав оружие.

– Уходим, – коротко бросил Фидар.

Кругом простиралась необъятная степь без конца и без края. В низинах над речушками стелился белесый туман. Солнце медленно выкатывалось на небо. Позолотило ковыль оранжевыми лучами. Роса вспыхнула алмазами.

Кони шли быстро. Репейник трусил сзади, высунув розовый язык. Иногда останавливался, оборачивался и внимательно нюхал воздух, после вновь пускался вдогонку за всадниками.

– Фидар, – окликнул Исмен.

– Чего?

– Как ты смог отбиться от пятерых?

– Схитрил. Если были бы настоящими воинами – нам не уйти. Караванчики из жадности набрали всякий сброд для охраны. Но и ты молодец – не оплошал. И пес твой похвалы заслуживает.

Фидар попридержал коня, подождал, пока его догонит Исмен, как-то странно посмотрел на мальчика и глухо произнес:

– Давай повернем на запад.

– Зачем? – не понял Исмен.

– Там живут по берегу Днепра мирные племена охотников и землепашцев. Они примут тебя.

Исмен помрачнел.

– Хочешь избавиться от меня?

– Не в этом дело. Пропадешь ты со мной. Вот, погляди. – Он закатал рукав льняной грязной рубахи. На плече чернела татуировка в виде толстой вертикальной черты, а от нее наискось вправо и вниз отходит короткая черта. – Знаешь, что это?

– Нежить, – ужаснулся Исмен.

– В том-то и дело. У языгов жрец меня пометил знаком богини смерти и заклинание наложил. Теперь я Маре принадлежу. Я – мертвец.

– Зачем они это сделали?

– Чтобы не сбежал. Всех плененных воинов так метят. У них недалеко от города алтарь Мары есть. Пока я находился недалеко от алтаря – Мара меня не трогала. Но коль я вырвался, волком идет по следу, птицей наблюдает за мной с небес. Поймает, и тебе не уйти. Так что, поворачиваем.

– Нет! – упрямо мотнул головой Исмен. – Ты меня спас, я теперь с тобой – до конца. Суждено попасть в лапы Мары, значит – такова воля Папайя.

– Зачем тебе умирать? Ты еще совсем юн.

– А что я буду делать в чужом племени? Стану нищим пастухом? Я там всю жизнь проживу чужаком. Ладно, у дядьки жил, думал: он мне чем-нибудь одарит, когда вырасту. А от чужих людей чего мне ждать? Нет! Возьми меня в оруженосцы. Я хочу стать воином, – в конце потребовал Исмен.

– Не возьму, – отрезал аорс. – Мал ты еще.

– Но ты же сам говорил, что мне пора своего коня иметь.

– Говорил, – согласился Фидар.

– Так почему теперь меня гонишь?

– Понимаешь, – замялся Фидар, – мы из разных народов. Ты из сираков, я из аорсов...

– Но у нас даже язык похож. И боги у нас одни.

Исмен чувствовал, что дело совсем не в его возрасте и не в принадлежности к иному племени. Фидара смущает что-то другое. Аорс тронул коня. Долго ехал молча, наконец, сказал:

– Как бы это лучше объяснить? Я плохо знаю тебя. Когда воин берет на обучение юношу, он должен знать все его достоинства и слабости, чтобы правильно преподнести науку. Обычно, отцы обучают сыновей. Представь: я назову тебя своим учеником и перед богом Савром дам клятву вырастить из тебя ксяя. Завтра на пути попадетс какой-нибудь воин, который захочет помериться с тобой силой. Он одолеет тебя, а потом всем будет хвастаться, что победил ученика Фидара.

– Я понял, – буркнул обиженно Исмен.

– Прости, – сказал аорс. – А теперь, давай поторопимся. Солнце уже высоко. Наверняка кочевник уже прискакал в Артар. По нашему следу отправят погоню.

Они вышли к реке. Течение не сильное, но русло широкое. Берега густо поросли камышом.

– Ты знаешь эти места? – спросил Фидар.

– Знаю.

– Где брод?

– Возле становища роксоланов.

– Нам нельзя там показываться, – покачал головой Фидар.

– Тогда придется поворачивать на север, выше по течению.

– Далеко?

– К закату успеем.

В верховьях реки степь прерывалась жидкими рошицами. Местами в оврагах попадались непроходимые заросли кустарника. Молодые деревца кучками теснились на возвышенностях. Живность так и сновала под ногами. Репейник рыскал то справа, то слева. Щелкал зубами, пытаясь поймать зайца. Лоси пугливо тарасились из зарослей. Один раз в густом малиннике заметили медведя. Спугнули небольшое стадо оленей.

Наткнулись на овражек, густо поросший боярышником. По дну бежал ручей. Спешились. Напоили коней. Перекусили лепешками с сыром. Немного отдохнули, лежа на сырой земле, и переводя дух от долгой скачки. Но Фидар торопил. Нельзя задерживаться. И без того крюк сделали. Он с удивлением заметил, как Исмен размотал с пояса длинный кожаный ремень, сделал на обоих концах небольшие петли и перекинул ремень через спину коня.

– Это зачем? – спросил он.

– Ноги ставить, – ответил мальчик. – Мы всегда так делали, когда совершали длинные переходы. Ночью приходилось верхом спать. Если ногам есть опора, то не свалишься во сне.

– А не мешает лошадыю управлять?

– Нет. Наоборот, задницу меньше отбиваешь. А когда из табуна коней отлавливаешь, намного удобней метать аркан. Чуть привстаешь и кидаешь.

– Надо же, – удивился Фидар. – никогда такого не видел. Дай-ка я тоже так сделаю. Посмотрим.

Он отцепил от меча перевязь. Ножны кожаным шнуром привязал к поясу. Из перевязи попробовал сделать петли.

– Нет, – посоветовал Исмен. – Надо выше петли делать, чтобы опора лучше была.

– Вот так?

– Так – высоко. Колени будут уставать.

Вскоре приладили ремень. Фидар влез на коня, сунул ноги в петли, попробовал привстать. Покрутился. Наклонился в одну сторону, в другую...

– Удобно, – признал он.

Как и говорил Исмен, к закату они подъехали к месту, где речка заметно мелела, обнажая каменистое дно. Путники направили коней к броду. В воздухе послышался запах дыма.

– Чувствуешь? – насторожился Фидар.

– Кости жгут. Наверное, становище рядом, – предположил Исмен.

Вдруг впереди сверкнул костер. Человек пять охотников сидели вокруг огня. Их кони паслись рядом. Тут же лежала туша подстреленного оленя. Охотники заметили путников.

– Роксоланы, – Исмен повернул назад.

– Ну, вот, нарвались, – посетовал Фидар, но остался на месте. Он и не думал удирать.

Между тем охотники бросились к своим коням, надеясь отрезать беглецам путь к броду. Исмен с тревогой взглянул на Фидара:

– Их пятеро. Скорее уходим?

– Куда? Не успеем, – остановил его аорс. Неторопливо выдернул из чехла копье, перекинул щит со спины на левую руку. Сам не отрывал взгляда от роксоланов, оценивая силы противника. – Слушай внимательно: держись сзади и чуть правее меня, – сказа он, не оборачиваясь. Слова прозвучали твердо, словно били камнем о камень. – Если за тобой погонятся, падай на холку и скачи во весь опор. Конь быстрый, ты легкий – один уйдешь.

– Понял. А как же...

– Ничего ты не понял, – жестко прервал его Фидар. – Удирать будешь, если меня собьют с коня. Сейчас доставай лук, да целься лучше. Смотри, чтобы руки не дрожали. Вон, видишь того, самого крайнего справа? Он сидит немного боком. Это значит – стрелок. Точно! К гориту потянулся. Его ты должен снять до того, как он тетиву натянет. Слева крайний. Заметил? У него копье легкое. Попробует метнуть в меня. И его ты должен сбить. На все у тебя – два взмаха крыла утки. Не успеешь – мы убиты.

– Я постараюсь, – пообещал Исмен, дрожащим от волнения голосом, выхватил лук и поправил на большом пальце широкое кольцо с канавкой посередине.

– Уж постарайся, – процедил Фидар сквозь сжатые зубы и тронул коня смело вперед.

Охотники двинулись им навстречу широкой дугой. Трое всадников, те, что в середине выставили вперед копья.

– А щитов то у них нет, – заметил Фидар. – Они охотились, а не нас ждали.

Всадник справа достал из горита стрелу. Левый взвешивал на руке легкое копье, примеряясь метнуть его.

Между беглецами и роксоланами оставалось шагов двадцать, когда Фидар неожиданно рванул вперед, низко пригнувшись к холке коня. Враги не ожидали такого стремительного натиска. Даже Исмен растерялся, но тут же опомнился и рванул следом. Он быстро вложил стрелу. Не целясь, спустил тетиву. Лучник свалился с пробитым плечом. Левый всадник уже готов был бросить копье в летевшего навстречу Фидара. И на этот раз Исмен опередил его. Тяжелая стрела с трехгранным наконечником прошла горло роксолану.

Фидар наскочил на первого всадника. Тот оробел, попытался отвернуть, неуклюже замахнулся копьем, но ударить не успел. Фидар вогнал наконечник в живот. А конь аорса грудью налетел на коня противника и свалил его вместе с всадником. Древяк громко треснуло. Аорс тут же отбросил обломок и выхватил копье. Второй всадник метил копьем ему в лицо, но Фидар ловко увернулся и рассек голову роксолану. Тут же получил от третьего сильный удар в щит. Резко развернул коня и оказался за спиной у нападавшего. Роксолан испугался, попытался ускакать в степь. Фидар догнал его и рубанул наотмашь.

– Узнаешь? – спросил аорс у подскакавшего Исмена.

На земле лежал юноша лет двадцати в добротной кожаной одежде. На широком боевом поясе медные бляхи. На бляхах кресты с завитушками.

– Старший сын Скопаса.

– Ну, мы дел натворили, – мрачно вздохнул Фидар. – Теперь роксоланы нам будут слать самые страшные проклятия. Посмотрим того, что ты первого подстрелил. Кажется, он еще жив.

Лучник роксоланов лежал на земле без памяти. Стрела вошла под правую ключицу, пробила грудную мышцу и, скользя по ребрам, вышла из спины. Когда Фидар осматривал рану, роксолан очнулся и застонал.

– Мальчишка еще, – пожалел его аорс. – Только усы прорезались. – Обратился к Исмену: – Можешь перерезать ему горло или оставить в живых – выбирай.

– Я не буду раненому резать горло, – возмутился Исмен.

– Ты же хотел стать ксаем. Ксай не должен жалеть врага, – упрекнул его Фидар.

– Разве ксай может убить беззащитного? Пусть живет.

– Ты его подстрелил, – тебе решать, – пожал плечами Фидар. – Но учти: оставив врага в живых, рискуешь, когда—нибудь с ним встретиться вновь. Если окажешься в его нынешнем положении, а он сверху с ножом в руках – пожалеет ли он тебя?

Исмен потянулся к правому бедру, достал нож. Нагнулся над пленником и приставил острие к шее, там, где билась жилка. Мягкая плоть податливо прогнулась под острием. Фидар внимательно наблюдал за ним. Рука дрогнула. Исмен резко встал.

– Не могу я его убить, – упавшим голосом произнес он.

Они отнесли раненого к костру, обломили наконечник стрелы и выдернули древко. Юный роксолан вскрикнул, выгнулся, но тут же затих, провалившись в беспамятство. Фидар аккуратно прижег рану раскаленным ножом, наложил повязку с листьями какой-то травы и оставил беднягу в покое.

– Едем, – поторопил он Исмена. – Этот очухается к утру и доберется до своих. Возле костра звери его не тронут.

– Ты не будешь просить у убитых прощения? – поинтересовался мальчик.

– Надо бы, – кивнул аорс.

Но на этот раз Фидар не читал молитвы, а просто обмакивал палец в кровь и на лбу каждому убитому выводил знак богини смерти – нежить. Покончив, он вскочил на коня. На боку у него красовался акинак старшего сына Скопаса.

– Хороший меч, – похвалил Фидар. – Клинок тонкий и длинный. Рукоять точно под мою ладонь.

– Разреши, я тоже возьму себе меч, – попросил Исмен.

– Выбери, – согласился Фидар.

Но клинки были только у двоих. Исмен подобрал их и принес Фидару оценить: какой из них взять. Аорс осмотрел мечи, недовольно покачал головой:

– Не под твою руку, да и сделаны плохо. Я бы кузнеца, что ковал их, хорошенько отстегал плетью. Только у сына Скопаса акинак хороший был, – он похлопал по ножнам на боку. – По виду – меч скелотов. А эти... Оставь их. Возьми лучше мой копис. И коня одного поймай. На него поклажу навьючим. Так быстрее пойдем. Копье себе возьми, вон то – полегче.

Перешли брод быстро, хотя и течение в середине русла оказалось сильное. Выскочили на противоположный берег и пустили коней рысью. Впереди ехал Фидар. Сзади – Исмен. Вьючную лошадь он привязал длинным поводом к чепраку.

– Ты хорошо придумал с этим ремешком, – оглянулся Фидар и указал на ноги, что опирались в петли ремня, перекинутого через чепрак.

– Это не я, – ответил Исмен. – Сираки давно так делают.

– Все равно – удобно.

– Как тебе удалось свалить всадника вместе с конем? – спросил Исмен, вспомнив натиск аорса.

– В Персии научился. Тут главное – не струсить, переть до конца. Роксолан в последний миг орбел и попытался отклониться в сторону. Дернул коня, конь оказался в неустойчивом

положении, вот я его и сшиб. Если бы на его месте был перс, он ни за что бы не отвернул. Кинулся бы навстречу. Персы – бесстрашные воины.

Вечерело. Сумерки сгущались. Еще и небо вдобавок затянуло пеленой серых низких облаков. Кони притомились, то и дело спотыкались.

– Остановимся, – решил Фидар. – Темнеет: с пути собьемся. Да и скакунам надо отдохнуть.

Коням спутали передние ноги и отпустили пастись под охраной Репейника. Сами перекусили лепешками с сыром. Ножами нарезали охапки травы, соорудили нехитрое ложе. Улеглись и тут же заснули.

Чуть занялся восток, Фидар растолкал Исмена. Стелился низкий туман. Солнечный свет едва пробивал белесую завесу. Воздух казался липким, неприятно обволакивал лицо. Одежда пропиталась влагой. Беглецы вновь продолжили путь. От росы ноги всадников тут же намokли по колено.

Вдруг Фидар резко осадил Уахуза, схватился за копье и перекинул щит со спины на левую руку. Исмен тут же потянулся к гориту.

– Ничего не пойму. – Фидар пытался разглядеть что-то в тумане. Дымка неохотно рассеивалась, и впереди показались неясные очертания всадников. Сначала один, потом еще трое, потом еще... Девять! Они стояли неподвижно, тихо, как будто поджидали их – Поворачиваем! – Крикнул аорс.

– Стой! – успокоил его Исмен. – Это не люди.

– Кто же тогда?

– Хранители покоя. Мы выехали к похоронным курганам.

Исмен смело направился вперед. Из тумана выплыл высокий курган, сложенный из камней и земли. Верхушка его чернела от углей погребального костра. По кругу курган охраняли девять всадников. Когда Фидар подъехал ближе, то увидел коней, сделанных из жердей и соломы, а сверху обмазанных глиной. Всадники тоже из соломы и глины.

– Могильник свежий. Кого охраняют эти чучела? – поинтересовался аорс.

– Скопаса, – узнал Исмен место, где недавно сидел со связанными руками. – Живым за этот круг заходить нельзя. Там – правит Мара. Кто переступит черту, того ждут страшные беды, а в конце – мучительная смерть.

– Неужели? – усомнился Фидар.

– Большая Мать роксоланов совершила страшные заклинания. Видишь, куски серы валяются кругом.

– Нам можно, – беззаботно махнул рукой аорс. – Мы уже убитые. Хотя, что нам нужно от мертвого Скопаса? Поехали дальше.

– Погоди.

Исмен соскочил с коня и решительно направился к кургану. Вход в могильник преграждал большой плоский камень. Исмен схватился за верхний его край и попытался отвалить.

– Не тревожил бы ты мертвого. Мстить надо живым, – посоветовал Фидар, неодобрительно глядя на потуги мальчика.

Но Исмен продолжал пытаться, настойчиво пытаясь сдвинуть камень. Фидар недовольно покачал головой, вздохнул, спрыгнул на землю. Вдвоем они уронили глыбу. Открылся узкий темный лаз. Фидар отпрянул, с отвращением зажав нос, до того несносно пахло смрадом. Но Исмен, казалось, не замечал вони. Бесстрашно перешагнул запретный порог могилы. Вскоре он появился вновь, волоча за ноги тело человека.

– Да что же ты делаешь! – возмутился аорс.

– Это дядька мой, – объяснил мальчик. – Я не хочу, чтобы он на том свете прислуживал роксоланам.

– И куда ты его собрался отнести?

– Чуть поодаль находится курган моего отца. Надо его туда положить. И еще троих из моего рода.

– Тогда... – Фидар огляделся, подошел к одному из соломенных всадников и свалил его. Из внутренностей он извлек жерди, соорудил волокуши. Укрепил их на спине выючной лошади. На волокуши сложили трупы сераков. Тела распухли и страшно смердели. Хорошо хоть, что их увязали в грубую холстину. После возрождения рабы сами не имели права вставать. Только воскресший хозяин мог разрезать холстину и выпустить их.

Исмен долго стоял на коленях перед курганом отца и молился. Фидар все хотел поторопить мальчика, но не решался: пусть попросается. Кто знает, как сложится их судьба. Может, Исмену больше никогда не придется увидеть эту степь. Курган совсем зарос высоченной травой. Камень, что запирает вход, пришлось откапывать. Убитых закинули в лаз. Камень приваляли обратно и закидали землей.

Продолжили путь. Проезжая опять мимо кургана вождя роксоланов, Фидар сказал, укаывая на черневшую дыру лаза:

– Вход бы надо прикрыть.

Они спешили. Но Исмен вновь полез в могильник. Через некоторое время показался из дыры, неся в руках длинный акинак в великолепных деревянных ножнах, украшенных чеканкой и овальный щит, плетенный из прочных прутьев, обтянутый толстой воловьей кожей. За спиной горит с тугим луком и связкой стрел. Горит он передал Фидару:

– Возьми. Лук высокий. Мне неудобно из него стрелять. Тем более у меня уже есть.

– Спасибо, – кивнул Фидар, осматривая гнущее прочное дерево и тугую тетиву из скрученных жил. – Неплохой.

– Хочешь, поменяемся мечами? – предложил Исмен. – Этот акинак легкий.

– Нет, – покачал головой аорс. – Ты его нашел, им и пользуйся. Только не хорошо у мертвого воина отбирать оружие. Как же он явится к Савру без меча?

– Я ему копий оставил, – успокоил его Исмен.

Они вновь сели на коней. Исмен вынул меч, размахнулся и рубанул по шее соломенного всадника. Голова отлетела далеко в сторону, а сам всадник рухнул и рассыпался.

– Фидар! – крикнул Исмен. Глаза его горели безумием. – Ты сделаешь из меня воина?

– Я же тебе объяснил уже, что не могу. Мы из разных племен. Я тебя совсем не знаю...

– Тогда езжай один к себе в горы.

– А ты куда?

– Поеду в становище роксоланов. Пусть меня порубят на куски, но перед этим я им покажу, кто такие сираки...

Он решительно повернул коня.

– Остановись. Что ты этим докажешь? – крикнул Фидар.

– Что я не трус. И не уговаривай меня. Я не буду жить у землепашцев. Лучше погибнуть с мечом в руках, на коне, чем в обносках от голода.

– Да постой же ты! – сердито крикнул Фидар. – Хорошо, – сдался он. – Я сделаю из тебя воина. Но впредь ты должен во всем мне слушаться.

Исмен вложил акинак в ножны. С готовностью сказал:

– Я буду тебя слушаться.

– И не смей ныть, если будет трудно.

– А ты клянешься?

– Клянусь мечом, – Фидар вынул клинок и поднял его острием к небу. – А теперь, давай поспешим. И без того много времени потеряли. Как бы нам путь не отсекли.

Исмен подъехал вплотную к аорсу:

– Ты злишься на меня за то, что я проявил малодушие и не прирезал раненого роксолана?

– Нет. Ты все сделал правильно, – успокоил его Фидар. – Иногда надо вспоминать, что мы – люди, а не голодные звери. Поехали... Но еще помни о метке на моем плече. Я принадлежу Маре. Теперь и ты в ее власти. Готовься в любой момент умереть.

– Даже не дрогну, – клятвенно заверил мальчик.

Весь день провели верхом. Шли быстро. Всю поклажу: мешки с провизией, щиты и оружие несла выючная лошадь. У всадников остались только гориты за спиной, да кинжалы на бедре. К вечеру лошади выдохлись. Остановились возле небольшого спокойного озера, грозившего через несколько лет стать болотом. По берегу рос густой камыш. Стоячая вода источала вонь. Черную гладь озера почти полностью затянуло зеленой ряской. Громко квакали лягушки. Где-то кричали утки. Нашли небольшой бугорок, где теснились молодые березки и невысокие кусты барбариса.

– До полуночи сиди и слушай. Но не вздумай уснуть. Взойдет месяц, буди меня, – распорядился Фидар и лег прямо на землю, тут же уснул.

Ночь опустилась быстро, укрывая все чернотой. Темень такая, что собственных рук не разглядишь. Небо вспыхнуло яркими звездами. Исмен устал, но держался. Тер щеки, чтобы не провалиться в дремоту. Внимательно прислушивался к каждому подозрительному звуку. Кони фыркали. Фидар похрапывал. Лягушки, казалось, передразнивали храп аорса. Рядом свернулся калачиком Репейник. Иногда он почесывал ухо задней лапой, рычал и поскуливал во сне. В степи плакали шакалы. Протопало стадо оленей, уходя от хищника. Камыши зашуршали. Послышалось сердитое хрюканье.

Вынырнул месяц, похожий на надкусанный круг сыра. Стало чуть уютней от его холодного света. Исмен разбудил Фидара, а сам улегся рядом с Репейником.

Сквозь сон он почувствовал, как тело Репейника напряглось. Пес зарычал, угрожающе щелкнул зубами. В ответ раздалось недовольное фыркание. Что-то влажное, теплое и шершавое коснулось щеки. Репейник зарычал до того злобно, что Исмену пришлось с усилием воли открыть глаза. Над ним склонился его конь и попытался лизнуть щеку, но Репейник отгонял его.

– Твои друзья тебя разбудили, – усмехнулся Фидар, роясь в дорожном кожаном мешке. Извлек из его недр припасы: кусок копченого мяса и остатки сыра. – Сходи коней напои. Обойди болото, там есть речка. Я пока приготовлю завтрак.

Небо начинало светлеть. Исмен ежился от утреннего холодка. Он обогнул озеро. Под ногами хлюпала грязь. Копыта коней проваливались. Наконец вышли на сухое место. Неглубокая речушка впадала в озеро. Кони жадно припали к чистой воде. Исмен сполоснул лицо, чтобы окончательно избавиться от остатков сна. Его конь подошел и стал тыкать мокрой мордой между лопаток. Мальчик поднялся, обнял его за шею.

– Ты хочешь, чтобы я тебя погладил.

Конь ластился к нему. Большие черные глаза, обрамленные длинными ресничками, смотрели доверчиво. Исмен ласково провел ладонью по шее, потрепал гриву, приговаривая: «Хороший конь, красивый. Я назову тебя Цырда, Быстрый». Животному нравилось. Казалось, он понимал человеческий язык. Даже Репейник жалобно проскулил, выказывая ревность. А Исмен все ласкал коня. Надо же. У него никогда не было, да и не могло быть такого красивого коня. Он ни за что с ним не расстанется. «Цырда! Мой Цырда!»

Вдруг Исмен уловил запах дыма. Почудилось? Нет, точно пахнет дымом и печеным мясом. Наверное, Фидар развел костер, – подумал он, но тут же осекся, – Фидар разводить огня не будет. Опасно. Возможно, рядом становище кочевников, но не слышно ржания лошадей или криков пастухов. Собаки бы лаяли. Волы мычали. Репейник тоже насторожился, внимательно потягивая воздух влажным носом.

Вдруг выючная лошадь задрала вверх морду и громко, протяжно заржала. Где-то вдалеке ей откликнулась другая. Не раздумывая, лошадь роксоланов перемахнула через речушку и умчалась на зов. Репейник было кинулся за ней.

– Назад, – одернул его Исмен. Сомнений быть не может: выючная лошадь учуяла своих. Погоня! Преследователи совсем рядом. Дым не от костра становища. Это роксоланы, идущие по их следу, расположились на ночлег.

Исмен скорее повел Цырда и Уахуза назад.

– Ты чего такой напуганный? – удивился Фидар. Он сидел на земле и спокойно уплетал сыр.

– Роксоланы, – выпалил Исмен.

Фидар тут же вскочил на ноги.

– Тебя заметили?

– Нет, но выючная лошадь сбежала.

– Уходим.

Они гнали коней по колышущейся степи. Поднялся сильный ветер. По небу неслись рваные облака, похожие на клочья шерсти после драки собак. Порой облака скрывали солнце. Всадники мчались без усталости. Почти лежали на холмах коней. Щиты висели за спиной. Мечи с правого боку. Слева к чепраку приторочен горит так, чтобы можно было быстро достать лук и стрелы. Копья в чехлах у правой ноги.

Иногда оборачивались и бросали быстрый взгляд назад. Исмен заметил почти у виднок-рая серые точки, словно мушки. Цепочка всадников неотрывно шла по их следу. К полудню погоня пропала. Путники перевели дух. Неужели оторвались? Перешли на шаг, дав коням чуть отдышаться. Местность пошла неровная: кругом холмы. Ветер, не переставая, гнал облака, пригибал траву к земле. Небо обещало вскоре разразиться весенней грозой.

– Отдохнем? – предложил Исмен.

– Нет. – Фидар покачал головой. – Гляди в оба глаза. Они от нас не отстанут.

Фидар спрыгнул с коня. Покопался в дорожном мешке, вытащил два камня для высека-ния искры. Начал собирать сухую траву.

– Что ты хочешь делать? – спросил Исмен.

– Поджечь степь. Ветер нам в лицо. Мы от огня уйдем, а погоня отстанет.

– Не делай этого! – ужаснулся Исмен.

– Почему?

– Ты не знаешь, что такое пылающая степь. При таком ветре, на несколько дней пути все вокруг выгорит.

– Ну и пусть.

– А если где-то рядом становища? Скот погибнет, люди сгорят. Нельзя поджигать степь.

– Но иначе нам не уйти, – настаивал Фидар.

– Степь живая, она нам потом отомстит. Лучше не гневить ее. Убери камни! – твердо попросил Исмен.

– Как знаешь, – сдался Фидар.

Обогнув невысокий холм, они нос к носу столкнулись с роксоланами. Развернулись и погнали коней прочь. Роксоланы следовали по пятам. Фидар скакал впереди. Он вытащил лук и выстрелил. Стрела прошуршала над головой Исмена. Один из преследователей вскрикнул.

Исмена ощутил сильный толчок в спину. Еще толчок. Чуть не свалился. Кинул быстрый взгляд назад. Его настигал всадник и пытался достать пикой, но попадал в щит. Исмен отпустил вожжи, выхватил лук со стрелой, обернулся, натягивая тетиву. Всадник заметил угрозу и вильнул в сторону. Но Исмен сумел послать стрелу ему в бедро.

Следом за Фидаром мальчик нырнул в густой низкий лесок. Ветви хлестали по лицу, цеплялись за одежду. Наконец впереди открылось ровное поле с высокой травой. Исмен подстегнул коня, выскочил на простор, но Фидара нигде не увидел. Только что скакал перед ним и вдруг, как сквозь землю провалился. Цырда взвился в прыжке. Исмен на короткий миг заметил в густой траве аорса. Хитрый воин уложил коня на землю и закрыл ему рукой глаза. Исмен

все понял. Взял немного вправо, отвлекая погоню. Пятеро всадников вылетели следом из леса и бросились за ним. А сзади тут же пристроился Фидар с копьем в руке. Один из преследователей вскрикнул, свалился. Погоня пришла в замешательство, сбавила ход. Фидар настиг второго роксолана и ударил его в голову. Исмен смело развернул коня, Стрела уже лежала на тетиве. Выстрел! Роксолан с пробитой грудью упал на холку и пытался удержаться. Конь понес его в степь.

Оставшиеся двое преследователей бежали.

– Упустили, – посетовал Фидар. – Наверняка, они не одни. Рыскают небольшими отрядами по степи. Теперь нас выследили. Надо гнать коней, не жалеть, иначе – не уйти.

Только сейчас Исмен заметил, что нигде нет Репейника.

– Репейник отстал, – встревожился он.

– Ничего с твоим псом не будет. Догонит, – успокоил его Фидар. – самого не задели?

– Нет, – мотнул головой Исмен.

Опять неслись по бескрайней степи. Куда не глянешь – везде один и тот же травяной ковер. Изредка попадались холмы или овражки. Цырда под Исменом начинал храпеть и сбиваться с шага.

– Фидар, – крикнул мальчик, – кони устали. Загоним. Надо передохнуть.

– Надо, – нехотя согласился аорс.

Они спешили.

– Местность какая неудобная, – огляделся Фидар. – Степь ровная. Нас отовсюду видно. Хорошо, хоть трава по грудь. Надо бы лесок найти или холмик.

– Нет тут ничего, – разочаровал его Исмен. – Равнина тянется до самого Дона.

– Откуда ты знаешь?

– Это наши зимние пастбища.

– Тогда жди, что нас поймают. Да еще небо какое мрачное. Как бы гроза нас не накрыла.

– Накроет, – уверенно сказал Исмен, заметив, что ветер стихает, а воздух становится тяжелым, душным.

– Промокнем же.

– Надо коней укрыть.

– Как?

Исмен вынул нож и принялся срезать охапками высокие стебли травы. Фидар тоже взялся за дело. Снопы плотно связывали с одного края и, распушив, одевали на круп коней. Когда кони полностью, кроме головы были укрыты вязанками из травы, каждый из путников надел на голову такой же сноп. Все тело оказалось укрыто, только голени оставались наружу.

– На кого я похож? – усмехнулся Фидар.

– Зато не сразу промокнем.

Как будто в ответ яркая молния змеей вонзилась в землю. Степь содрогнулась от раската грома. Крупные капли с шелестом упали в траву.

– Теперь молись, чтобы копыте громовержца Савра не сразило нас, – сказал Фидар.

Дождь лил весь остаток дня и всю ночь. Порой струи налетали плотными волнами. Земля раскисла. Копыта скользили. От грома закладывало уши. Молнии слепили. Только к утру гроза отступила. Дождь прекратился так же неожиданно, как и начался.

Измученные, промокшие и продрогшие путники встретили рассвет на берегу широкой реки. В серых предрассветных сумерках слышался плеск воды. Высокие заросли камыша затянули прибрежную полосу. Темная гладь реки казалась неподвижной, мертвой. Вдалеке неявно проявлялся высокий противоположный берег.

– Дон! Дон! – как заклинание произнес Фидар. – его усталое лицо, просияло. Он расправил плечи и подбодрил Исмена: – Там нас ждет свобода.

Они скинули с себя и с лошадей охапки промокшей травы. Тут же холодный ветер пробрал до костей.

– Но как мы переправимся? – ужаснулся мальчик. – Река широкая.

– Поищем брод. Савр – громовержец нас выручил. Хоть и самих намочил, но помог от погони оторваться. Теперь у нас есть время поискать переправу. Ты когда-нибудь был на той стороне?

– Нет. Тот берег – чужой. Земля принадлежит сколотам. Они не любят чужаков. – В голосе прорезался страх. – Когда здесь пасли скот зимой, то даже спали с оружием. Ожидали в любой момент нападения. Сколотов все боятся.

– Ерунда, – махнул рукой аорс. – Сколоты – такие же люди, как и мы.

Они проехали вдоль берега, высматривая брод. Откуда-то наплыл влажными клочьями низкий туман. Вдруг кони наострили уши. Послышалось тихое ржание.

– Быстро! – шепнул Фидар. – В камыши!

Но было поздно. Навстречу выехали двое всадников в чешуйчатых доспехах. На конских головах шлемы с оленьими рогами. С гиканьем всадники бросились к путникам. С другой стороны, по берегу мчались роксоланы.

– В воду! – скомандовал Фидар. – Слезай и плыви перед конем. Если он будет уставать, поднимай ему морду.

Холодная вода обожгла как огнем. Все как будто онемело, но Исмен греб из последних сил. Со всех сторон булькали стрелы, падая в воду. Над стремниной гулял ветер, налетая резкими порывами. Благодаря этому, стрелки никак не могли попасть. Беглецам повезло: на середине русла оказалась отмель. Кони доставали копытами до дна, поднимая рыжую муть. Вскоре опять попали в глубокое место. Но берег уже недалеко, хотя течение становилось сильным. Конь Исмена начинал храпеть. Его движения становились слабее.

– Давай, Цыр! Давай! – подбадривал его мальчик, сам уже не чувствовал ни рук, ни ног.

Сил совсем не осталось. Намокшая одежда тянула вниз. Его удерживал на поверхности только деревянный щит, закинутый за спину. А сам он наглотался воды и потерял последние остатки воли. Исмен совсем перестал бороться, когда конь сильным рывком выдернул его на крутой берег.

Фидар уже взобрался по откосу и оглянулся.

– Выплыл?

– Да, – прохрипел Исмен, еле разжимая посиневшие губы.

– Тогда готовь стрелы. За нами следом роксоланы кинулись. Чудаки. Неужели так торопятся умереть.

Наконец Исмен вскарабкался на откос. Копье он потерял. Течением унесло. Акинак на месте, надежно пристегнут к поясу. Исмен вылил из горита воду. Оперенье на стрелах намокло и разлохматилось. Этот берег возвышался над рекой, обрываясь в воду крутым склоном. Человек десять роксоланов пытались переправиться через реку. Плыли рядом со своими конями. Уже подбирались к отмели. Языги не последовали за ними. Тяжелые доспехи их утянули бы на дно. Они остались на берегу и наблюдали.

Исмен с Фидаром выпустили по стреле. От усталости и холода пальцы не слушались. В преследователей не попали, но напугали. Роксоланы постояли немного на отмели и поплыли назад.

– Трусливые шакалы, – громко засмеялся Фидар.

Языги повернули коней и двинулись вверх по течению.

– Куда они? – удивился Фидар.

– К переправе, – объяснил Исмен. – Есть мелкое место, где торговцы переходят реку. Но ты не беспокойся, они только к полудню туда попадут. А мы в это время уже далеко будем. Вдруг с того берега раздался отчаянный вой, переходивший в жалобный лай.

– Репейник! – встрепенулся Исмен.

Пес метался в камышах, высоко подпрыгивал, подбегал к воде, вновь взбирался на берег.

– Репейник, я здесь! – крикнул Исмен.

Пес бухнулся в воду и поплыл на зов хозяина. На поверхности виднелась только его серая лохматая голова.

Исмен бросился вниз.

– Куда ты? – испугался Фидар. – Потонешь.

Но мальчик уже барахтался в воде, спеша на помощь другу. За спиной заржал конь, громко, призывно.

– Эй! Эй! – кричал Фидар.

Что-то тяжелое плюхнулось в воду, поднимая тучу брызг. Исмен оглянулся. Цырда плыл следом. Они все втроем встретились на отмели. Конь смог достать ногами дна. Замер, тяжело дыша. Исмен одной рукой схватился за его широкую гладкую шею, другой удерживал барахтающегося Репейника. Сил плыть обратно совсем не осталось. От холодной воды ноги начинала скручивать судорога. Фидар громко закричал с берега, размахивал руками, показывая куда-то. Исмен обернулся. Его заметили роксоланы и вновь спешили к воде.

Нет, лучше утонуть, чем попасть к ним в руки, – решил Исмен. После всего, что он натворил, особенно за разграбление могильника, его ждет страшная смерть через пытки.

Он подтолкнул коня, и они втроем вновь поплыли. По щиту на спине стукнула стрела. Только бы в Цырда не попали, – отчаянно молился Исмен. Еще одна оцарапала плечо, едва Репейника не задела.

До берега чуть-чуть! Все! Воля угасала, как последний уголек в затухающем костре. Туман застилал глаза. Кто-то пел ласково и нудно над самым ухом. Чудная песня без слов, словно мать склонилась над колыбелью и убаюкивает малыша. Становилось легко и хорошо. Где он? Лежит на облаке? Какое чудесное состояние!

Сильный рывок! Холод. Фидар тащил его на берег. Больно хлопнул широкой ладонью по щеке.

– Очнулся?

Сильно надавил на грудь. Легкие чуть не разорвались. Из рта, из носа, даже, казалось, из ушей хлынула вода. Кашель душил. Исмен не сразу понял, кто перед ним, и что он говорит. Но через мгновение сознание вернулось. Фидар поставил его на ноги. Исмен едва опять не упал. Икры скрутило судорогой.

– Отогреться где-то надо. – Фидар на руках его поднял по откос и усадил на Цырда. – Поищем жильё. Чувствую, дымом тянет. Где-то становище. – Ну, отошел? Чуть за пса блохастого жизнь не отдал.

– Я не мог его бросить, – оправдывался Исмен, дрожа всем телом, щелкая зубами.

– Понимаю...

– Где он? – спохватился Исмен, не увидев рядом Репейника.

– Здесь.

Пес стоял у самого края откоса. Мокрая шерсть свисала с боков. Стекали струйки воды. Хвост намок и стал похож на тонкую загнутую палку. Он тоскливо глядел на противоположный берег.

– Репейник, – окликнул его Исмен.

В ответ пес жалобно завыл, задрал кверху морду.

– Что с ним? – удивился Фидар.

– Прощается со степью. Мы родились на той стороне. Там могилы наших предков. Там осталась часть нас самих. Мы больше не вернемся.

– Что делать, – сочувственно потрепал его по плечу аорс. – Человек своей судьбой не управляет.

– Репейник, – позвал его еще раз Исмен.

Пес взвыл еще громче и жалобней.

– Догонит, – решил Фидар. – Поплачет, успокоится и догонит.

Они тронулись.

– А конь каков! – вдруг оживился Фидар. – Такого я еще не видел. Кинулся за тобой в воду. Чем ты его околдовал? Знаешь заговор? Поделись. Или это – клановая тайна?

– Не знаю я никакого заговора, – пожал плечами Исмен. – Просто, он ко мне привязался, и я его полюбил.

– Удивительно, – усмехнулся аорс. – Много видел коней: у персов, у эллинов, у кочевников... Но, чтобы такого преданного... Да ты же его недавно приручил. Неужели – такое возможно.

– Фидар, – серьезно сказал Исмен, стараясь унять дрожь. – Подари мне коня. Понимаю, что он очень дорогой. На него можно девять коров выменять – не меньше, или хорошую кибитку с войлочным верхом... Я тебе потом отплачу.

– Нет, – твердо ответил Фидар. – Конь мой.

Исмен помрачнел. А аорс объяснил:

– Я не жадный. Пойми сам: мальчишка, один, в чужой земле, да еще на таком дорогом коне. Любой встречный захочет отнять.

– У меня оружие, – напомнил ему Исмен, щелкнув мечом Скопаса.

– Оружием еще надо уметь пользоваться, – остудил его Фидар. – По эту сторону Дона знаешь, как? Сначала голову снесут, а потом уж будут разбираться: какого ты племени, и что тебе надо.

Дорога вторая «За Доном»

Курган киммеров

Они ехали на запах дыма голодные, уставшие, продрогшие до костей. Этот противный горьковатый запах горевшего хвороста, коровьего помета и костей животных сулил отдых, тепло и пищу. Кони тоже устали, шли вяло, то и дело останавливались, упрямылись и недовольно фыркали, скалили зубы, когда их понукали.

Из последних сил преодолели небольшую возвышенность. Перед путниками открылась все та же бескрайняя степь: зелено-желтая равнина – глазу не за что зацепиться. Где-то далеко ее край смыкался с небом ровной полосой.

Обогнув холм, увидели в двух полетах стрелы несколько кособоких кибиток с войлочным верхом. Рядом паслось стадо низкорослых лошадок и с десятков рыжих коров. К путникам бросились с лаем две большие лохматые собаки. Репейник бесстрашно кинулся навстречу и подмял под себя самого злого пса. Второй, помоложе и трусливей, не решался ввязываться в драку, а только прыгал вокруг, и лаял.

– Репейник, оставь его, – крикнул Исмен.

Псы разошлись, все еще огрызаясь.

Становище зашевелилось. Человек десять мужчин с копьями преградили дорогу. Кочевники приземистые, коренастые, в длинных кожаных куртках. На головах островерхие шапки из овчины, шерстью внутрь. На ногах высокая мягкая обувь. Голенища перетянуты крест-накрест тонкими ремешками. Из кибиток выглядывали женщины. В руках они держали луки.

– Сколоты? – с едва скрываемым страхом спросил Исмен.

– Они, – спокойно кивнул Фидар. – Да ты не бойся. Видишь, обыкновенные кочевники. – Развел в сторону руки с открытыми ладонями и громко крикнул: – Мы с миром!

Один из кочевников, крепкий старик с косматыми седыми бровями и такой же белесой бородой вышел вперед. Оглядел путников с ног до головы. Особенно внимательно зацепился взглядом за дорогое оружие. На его суровом обветренном лице отразилось сомнение: сразу и не понять – что за люди. Если по одежде судить – голь восьминогая. А кони породистые, дорогие. Оружие – не у каждого ксяя такое имеется.

– Коль с миром, то располагайтесь у костра, – наконец пригласил он путников.

Мужчины сразу же разошлись, выполнять свои повседневные дела. Мальчишки, выскочив из кибиток, принялись у путников коней и отвели пастись в поле. Фидар и Исмен устало опустились перед жарким костром. В огне не дрова горели, а кости. В центре лежали камни. На камнях покоился желудок барана, внутри которого томилось мясо.

Старик присел рядом. Его острые глаза еще раз пристально оглядели путников. Низкорослая пухлая женщина подала глиняные миски с вареным мясом и кувшин кислого кобыльего молока. Старик неотрывно наблюдал, как путники жадно ели, но не мешал. Как только с едой покончили, он спросил:

– Еще?

– Нет. Да воздаст тебе Папай за гостеприимство, – поблагодарил его Фидар.

– Не пойму: ты ксай? – решился спросить старик. – Одежда на тебе совсем плохенькая, а оружие – что у главы рода.

– Так получилось, – попытался вывернуться Фидар. – Не здешние мы. Путь долгий проделали. С того берега Дона идем. Да мы никого не грабили, Савром клянусь!

Услышав клятву Савром, старик успокоился. Никто не посмеет во лжи упоминать имя грозного бога воинов.

- Куда же направляетесь, добрые люди?
- К седому отцу-Эльбрусу, – ответил Фидар.
- Далеко! – понимающе кивнул старик, теребя седую бороду.
- У подножья пяти гор есть долина с тремя реками, там мой дом.
- А я думал, вы в Персию собрались.
- Почему, в Персию? – удивился Фидар.
- Так сейчас все воины в Персию потянулись.
- Вот как! – глаза Фидара на миг вспыхнули. – Служил я в Персии. Платят там хорошо.
- Говорят, нынче кшатра Дараявуш набирает вольников. Не скупится на содержание.

Вот, многие кочевники и засобирались в дорогу. Я подумал, и вы туда же.

– Возможно, и до Персии доедем, – согласился Фидар. – Но надо сначала домой заглянуть. Давненько я мать не видел, с отцом не говорил, с братьями не пировал.

– Правильно! – согласился старик. – Отца надо уважать.

– Да еще у меня там невеста живет. Девушка, краше которой нет на свете. Она стройная, что горная козочка, а голос у нее, как журчанье ручейка. Личико круглое и белое, что луна в ясном небе.

– Тогда, тем более тебе надо домой спешить. Нельзя заставлять сердце красавицы страдать.

Немного отдохнув и обсохнув, путники заплатили старику пять стрел за гостеприимство, и отправились дальше.

– Почему мы не остались в становище на ночь? – недовольно спросил Исмен. Он измотался вконец. Его клонило в сон, а все тело ломило, словно долго били палками.

– Не забывай, что нас еще могут языги преследовать, – напомнил Фидар. – В открытой степи они нас вряд ли сыщут, а если найдут в становище, то всех перережут, и пастухов не пожалеют. Зачем мирных людей обрекать на беды? Потерпи немного. Сейчас найдем укромную ложбинку и отдохнем.

Несколько дней ехали по степи. Останавливались на ночевках возле ручейков или небольших речушек. Чтобы добыть пищу – охотились. Дичи кругом предостаточно: олени, зайцы, дикие козы, кабаны. В камышах по берегам рек водились птицы. Перелетные стаи, как и положено весной, потянулись на север. Репейник легко находил добычу и вел охотников по следу.

Изредка попадались становища кочевников: кибитки, шатры, тучные стада. Пару раз набредали на небольшие селения земледельцев с низкими глинобитными домиками. Народности разные, но преимущественно – меоты. Реже встречались кочевники-сколоты. Путников везде принимали радушно: кормили, поили, предоставляли ночлег. Беглецы так же не оставались в долгу: помогали управиться со скотом, перегоня стада со скудных пастбищ на новые. Участвовали в охоте, прогоня волков, медведей.

Исмен все удивлялся. Ему раньше рассказывали, что за Доном живут жестокие дикари, которые пьют человеческую кровь и даже не брезгают человечиною. На самом деле оказалось все иначе: сколоты и меоты – такие же простые кочевники и земледельцы. Молятся тем же богам. И язык у них похожий. Даже одежда, как и у него, из конопляной дерюги или из кожи. Не едят они человечину. Молоко всегда сквашенное есть и сыр соленый. И к чужеземным путникам относятся дружелюбно: не бросаются с ножами, чтобы горло тут же перерезать. Если видят, что ты с миром, всегда накормят, помогут, позволят выспаться в уютной кибитке, еще в дорогу припасов дадут. И за конем твоим присмотрят: ноги ему смажут, стружья промоют, зерна не пожалеют.

Как-то вечером попали в поселение меотов. Внимание путников привлек одинокий курган, возвышался среди ровных лугов.

– Наверное, могильник, – предположил Исмен. – Только очень большой.

– Да в таком кургане не одну сотню человек можно схоронить, – согласился Фидар. – Странный холм. Но видно, что люди его насыпали.

Сделав большой крюк, чтобы не топтать возделанные поля, путники остановились возле крайнего покосившегося домика. Строение было сооружено из плетеных прутьев и обмазано глиной. Островерхую крышу устилала почерневшая от времени солома. Перед домом на плоском камне сидел древний старик в безрукавке из овечьей шкуры. На ногах мягкая войлочная обувь.

– Пусть мать Табити дарует тебе здоровье и спокойные дни, – поздоровался Фидар.

– Савр, да придаст тебе силы, – ответил старец скрипучим голосом. – Слезайте с коней и отдохните. Сейчас старуха моя вас накормит сыром с лепешками.

Лепешки оказались вкусные и нежные. Путники обмакивали хлеб в миску со свежей сметаной и отправляли в рот. Белый овечий сыр запивали свежим подсоленным молоком.

– Скажи, отец, а что это за холм посреди степи? – поинтересовался Фидар.

– Каждый ксай в наших краях знает этот курган, – сердито насупил седые брови старик. – На его вершине находится жертвенник Савру.

– Прости, отец, я впервые в этой степи, – оправдывался Фидар.

– Пойдемте, я вас отведу на вершину. Если вы настоящие воины, то обязаны помолиться перед жертвенником.

Старик, опираясь на кривой сучковатый посох, повел их по узкой тропке. Вершина оказалась пологой. Отсюда открывался вид на зеленые бескрайние просторы. Посредине находилась гранитная глыба, основанием вросшая в землю. Поверхность у глыбы была плоская. В центре вырезан круг. В кругу крест с загнутыми лучами против солнцеворота.

Фидар, а за ним Исмен, вынули акинаки и воткнули в землю перед священным камнем. Прочитали молитву.

– Кто же насыпал этот курган? И кто нашел покой в его недрах? – спросил Фидар, закончив обращение к богу.

– Садитесь, – предложил старик. – Я расскажу вам историю этого могильника.

Фидар с Исменом опустились напротив старика, прямо возле алтаря и приготовились слушать.

– Этой землей раньше владели киммеры – трудолюбивый и бесстрашный народ. Были у них земледельцы, как мы – меоты, были кочевники, были и ксаи. Они мирно пасли скот, возделывали поля, иногда собирались в отряды и делали набеги на чужие земли. Но однажды пришла весть, что многочисленные племена скотов идут с севера и с востока. В прежних землях скотам стало тесно, и они двинулись на поиски новых пастбищ. Собрались вожди киммеров и стали держать совет. Ксаи предлагали стать грудью на защиту своей земли, погибнуть, но не пустить скотов. Но вожди кочевников были против. Они говорили: «Сойдемся мы со скотами, перебьем друг друга, а кто после защитит наших женщин и детей, наши стада? Узнают другие племена, что мы ослабли в войне, придут и присвоят все себе. Не лучше ли оставить эту степь скотам и уйти на юг. Там тоже есть просторные степи, там теплее. Племена, что обитают в южных краях слабые, сопротивляться не будут. А скоты пусть пасут скот на наших бывших пастбищах. Даже сытый лев оставляет добычу голодным шакалам». Но ксаи упрекали их: «А как же наши традиции: хранить верность земле? А могилы наших предков? Вы готовы все это бросить?» «Лучше сохранить род и уйти на южные пастбища, чем с героизмом погибнуть и не оставить потомков», – отвечали простые кочевники. Собрались киммеры и ушли на юг, гоня свои бесчисленные стада. Немного осталось ксаев. Что делать им? Раньше они защищали эту степь, людей, что в ней жили. А теперь кого им защищать? Да и кто их кормить будет? Самые смелые предлагали идти навстречу скотам и сразиться. Но старший ксай по имени Уыг рассудил: «Зачем мы будем проливать чужую кровь за пустую степь. Киммеры ушли. Так пусть скоты приходят и пользуются ей». «А нам как быть?» – вопрошали ксаи.

«Мы принесем себя в жертву Богу Савру, – решил Уыг. – Коль не нужны мы ему на земле, пусть берет нас к себе в небесное войско». На том и порешили. Вот, прямо на этом месте они разделились на два отряда и кинулись в бой, убивая друг друга. Когда пришли сколоты, то нашли всех мертвыми. Один лишь Уыг еще дышал. Он и поведал эту историю, а вскоре и сам отошел в небесное войско. Так, как погибшие ксаи стали теперь святыми воинами Савра, сколоты похоронили их со всеми почестями и насыпали этот курган.

– Интересная история, – задумчиво произнес Фидар. – Неужели все так и произошло?

– Не сомневайся, – заверил его старик. – Мой дед собственноручно хоронил этих киммеров и насыпал курган. И этот камень, из которого сделали алтарь, он с братьями нашел, когда копал могилы для воинов.

Спитамен

Однажды утром, как обычно Исмен и Фидар закрепили чепраки на спинах коней, проверили оружие, напоили скакунов перед долгим переходом. Как вдруг Фидар уловил едва различимый противный запах паленой шерсти.

– Ты чуешь? – спросил он.

Исмен принюхался

– Кости жгут или шерсть. Кочевье рядом.

– Нет, это не дым кочевья, – забеспокоился аорс. – Жгут оленью шерсть с дурманящими травами. Мне хорошо знаком этот запах. Так языги совершают жертвоприношение богу Савру. – Он запрыгнул на коня, тревожно и внимательно окинул взглядом степь. – Никого не вижу. Откуда ветер?

– С севера, – сообразил Исмен.

– Значит, и запах с севера. Языги идут по нашему следу.

Они гнали коней, совершив по степи огромный круг. К полудню вышли к месту своего ночлега. На небольшой полянке возле их ночного кострища остались четкие следы копыт чужих коней. Фидар спешил и внимательно осмотрел отпечатки.

– Тяжелые всадники, – сделал он вывод. – Но их всего двое.

– Еще пятеро и две вьючные лошади, – поправил Исмен, указывая на другие следы чуть поодаль. Подобрал оброненную стрелу. – Роксоланы.

Фидар осмотрел оперенье, затем нагнулся над следами. Призадумался.

– Их семеро, а может и больше. Нам с семерыми не справиться. Да еще двое из них при полном вооружении, возможно – языги. Они так и будут по нашему следу идти, пока не достигнут.

– Что будем делать?

– Как не противно мне это говорить, но придется удирать. В степи от них не скрыться. Нужно дотянуть до гор. В горах затеряться проще. Да и языги – равнинные всадники, – в горы не сунутся.

Два дня пытались запутать след, меняя направление, кружили на месте. Становища обходили стороной. На ночлег останавливались поздно, поднимались до восхода и вновь пускались в путь. Но, не смотря на все хитрости, каждое утро их подгонял противный запах паленой оленьей шерсти.

На рассвете третьего дня увидели впереди множество шатров из белого войлока.

– Это не становище кочевников. Нигде не видно кибиток, – удивился Исмен.

Фидар долго всматривался, недоуменно пожал плечами:

– Похоже на военный лагерь персов. Шатры ровными рядами. В центре самый большой – военачальника. Только откуда им тут взяться?

– Объедем стороной? – предложил Исмен.

– Объедем, – согласился Фидар и первым стал поворачивать коня, но вдруг замер. – Постой. Ты видишь перед шатрами длинные шесты?

– Вижу.

– На них лошадиные черепа и синие ленты?

– Похоже на то.

– Массагеты! – пришел в удивление Фидар.

– Что это за народ?

– Южные кочевники. Живут далеко отсюда, по ту сторону Кавказских гор. Точно, это они. Но что привело их сюда?

Фидар решительно направил коня к лагерю.

Подъехав ближе, они увидели множество мужчин. Одни сидели вокруг костров и хрипылыми голосами распевали песни, иные беседовали, громко спорили. Где-то даже затеяли борьбу. Вокруг собрались зеваки и подбадривали полунагих, потных борцов. Одни щеголяли в пестром иноземном одеянии, посверкивая перстнями, поглаживая богато украшенные рукояти мечей и кинжалов. Другие – в грубой кожаной одежде кочевников с горитами за спиной.

На путников никто не обратил внимание. Они проехали к центру лагеря, спешились и передали коней круглолицему конюху в персидской тонкой одежде.

– Ты из какого племени? – спросил у него Фидар.

– Я согд.

– А кому служишь?

– Своему господину, – прозвучал уклончивый ответ.

– Что здесь происходит? – спросил Фидар у одного из воинов, по всей видимости, из местных сколотов.

– Массагеты, – ответил он, поправляя на голове островерхую кожаную шапку. – Нанимают воинов в персидскую армию.

– А где главный?

– Так вон он, возле самого большого шатра стоит. С золотой цепью на груди.

Фидар протиснулся сквозь толпу воинов к высокому крепкому человеку в длинной персидской одежде из дорогой шерстяной ткани. Лицо слегка вытянутое, с черными живыми глазами. Густые брови нависали ровными щеточками. Под большим горбатым носом топорщились жесткие черные усы. Борода выкрашена темной охрой и аккуратно завита. Из-под круглой невысокой шапочки, падали кудри до самых плеч. Широкий кожаный пояс, с подвешенными золотыми фигурками лошадок, стягивал белую рубаху с широченными рукавами. По краю шел узор, вышитый золотыми и пурпурными нитями. Дорогой меч висел справа на поясе. Ножны сплошь покрывала тонкая чеканка. Рукоять в виде сокола со сложенными крыльями. Глаза сокола сверкали рубинами.

– Посмотрите на меня, – говорил он собравшимся вокруг него коренастым сколотам. – Я был бедным пастухом. Порой у меня даже обуви не было. Отец мой надрывался, братья с восхода и до заката пасли чужой скот, а на ужин – только сыр да молочная сыворотка. Но я пошел служить в персидскую армию. Теперь – я богат. Братья мои разъезжают на дорогих конях и пьют из золотых кубков. Отец встретил достойную старость в белом шатре, в окружении заботливых слуг.

– Да! – сказал Фидар. – Ну и рожу ты себе отожрал. – А помню, когда начинал служить всадником у персов, шея была тонкая, что бычий хвост.

Оратор метнул недобрый взгляд в сторону аорса, но вдруг его грозное бородатое лицо засияло радостью и удивлением:

– О, Великая мать Табити! Фидар! – воскликнул он. – Ты ли это, друг? Да откуда же?

Он бросился к аорсу, раскрыв объятия. Воины обнялись так крепко, что кости затрещали. Перс схватил Фидара за руку и повел в шатер, на ходу всем объясняя:

– Это мой товарищ. Мы вместе с ним в таких переделках побывали... Он один из лучших воинов Персии...

В шатре царил уют и роскошь. Пол устлала пестрые шерстяные ковры. Кругом лежали пухлые подушки с затейливой вышивкой. Низенькие столики на точеных ножках ломились от яств в золотой посуде.

– Садись! Садись вот сюда, – тянул Фидара за руку перс. Крикнул слуге: – Вина подай неразбавленного, да в золотых кубках. – Вновь обратил радостный взор к аорсу. – Сколько же мы с тобой не виделись, брат!

– погоди братом меня называть, Спитамен, – остудил его Фидар.

– Обидные слова говоришь, – насупился хозяин. – Чем я тебя так прогневал?

– Ничем, – ответил Фидар, принимая из рук слуги золотой кубок в виде головы барана.
– Почему холод в речах твоих? А в глазах не вижу радости при встрече с тем, с кем бился плечом к плечу, – не мог понять воин в дорогой персидской одежде.

– Помню: воевали мы вместе, – согласился Фидар. – Да только в последней битве на разных сторонах оказались. Ты отстаивал подлеца – Багойя, а я защищал законного наследника Персии, Арса.

– Ты странно рассуждаешь, – глухо сказал Спитамен, потупив взор. – Как будто мы из касты всадников Персеполя. Мы с тобой были всего лишь – наемники. Защищали чужую землю, чужие интересы... Пока идет война – наемники в почете, но в мирное время к ним относятся хуже, чем к собакам. Не моя вина, что в тот роковой день ты оказался в одном отряде, а я в другом.

Фидар ничего не ответил. Пригубил из кубка.

– Хорошее вино, – оценил он. – И как здоровье всеславного Багойя?

– Никак, – Спитамен сделал большой глоток. – Помер он в страшных мучениях.

– Обрадовал ты меня, – оживился Фидар. – И что же с ним приключилось?

– Отравили его, как и он отравил кшатра Оха и его сыновей. Собака сдохла собачьей смертью.

– Кто же оказался тем благородным смельчаком?

– Дараявуш его сам и отравил. Багой думал, что посадил на трон кроткого ягненка, а у того оказались змеиные зубы.

– Вот как? – Фидар окинул взглядом Спитамена и усмехнулся. – Ну и одежонка у тебя, как у сатрапа. Только бороду сколько не крась, рожа-то – массагета.

– Мир? – расплылся в улыбке грозный Спитамен.

– Конечно, брат.

Они поменялись кубками и выпили их до дна.

– Где судьба тебя носила? – поинтересовался массагет. – Что за наряд на тебе? Рванье какое-то. А меч славный. Пахнешь ты, как будто в навозе извальялся.

– Разве не знаешь, что сделали с теми, кто посмел встать на защиту наследника Арса?

– Слышал что-то, – пожал плечами Спитамен. – Меня, когда мы штурмовали дворец наследника, по голове шарахнули так, что я две недели без памяти провалялся. Еле отошел. Потом месяц встать не мог. До сих пор голова иногда раскалывается от боли.

Он снял круглую шапочку, посверкивающую бисером, раздвинул выше лба густые жесткие локоны, показывая розовый шрам.

– Крепкая у тебя голова. А меня сначала хотели четвертовать, – рассказал Фидар. – Но потом из жадности продали в гребцы. После к языгам попал. Вот, – Фидар обнажил плечо, на котором чернела татуировка.

– О, Боги! – ужаснулся массагет. Кубок чуть не выпал из его рук. – Это же метка смерти. Ты что, живой-убитый?

– Да, – мрачно подтвердил Фидар и опустил рукав.

– Давай немедленно выжжем ее, – предложил Спитамен, вскакивая на ноги. – Я жреца позову. Он попробует снять проклятье.

– Тебе что, страшно сидеть рядом с живым мертвецом? – усмехнулся Фидар. – Успокойся, мне сделали ее на той стороне Дона. Я переплыл реку, но Мара меня пока не тронула.

Массагет немного успокоился и вновь опустился на место.

– Но как тебе удалось убежать от языгов?

– Долго рассказывать. Поведай, лучше: кто ты сейчас и что делаешь в этой степи?

– Я набираю конницу. Ты же ничего не знаешь, – спохватился Спитамен. – Помнишь грозного Филиппа из Македонии?

– Как не помнить, – горько усмехнулся Фидар. – Многих товарищей мы оставили в сражениях с этим одноглазым коротышкой.

– Филиппа убили.

– Вот это новость! – то ли обрадовался, то ли огорчился Фидар.

– Да! Прямо на виду у телохранителей. Представляешь? Филипп собрал крепкую армию. Думал выступить против Персии. Чтобы обезопасить тыл, решил заключить союз с правителем Эпира. В городе Эги готовилась великолепная свадьба. Филипп отдавал в жены за эпирского властителя Александра Молосского свою дочь Клеопатру. Множество гостей съехались на праздник. После обильного застолья все направились в эллинский театр на представление. Как только Филипп переступил порог театра, один из его приближенных, командир гипаспистов Павсаний ударил правителя кинжалом. Убийца пытался бежать, но его остановили и прибили на месте.

– Заговор? – удивленно покачал головой Фидар. – Против Филиппа? Возможно ли это? Его окружение – все преданные люди. Один Парменион чего стоит! Антипатр. Аттал, тот, говорят, не задумываясь, закрывал его от стрел фиссалийцев собственным телом...

– Как видишь, заговор состоялся, – развел руками Спитамен. – И Дарий приложил к этому свое золото.

– Подло!

– Согласен. Но это – не наше дело. Теперь кшатра Персии желает окончательно разорить осиное гнездо македонских правителей. Вообще вырезать весь этот горный народ. Да и сам род Аргеадов ему, как кость в горле.

– Кто нынче возглавил Македонию?

– Мальчишка. Ему едва исполнилось двадцать. Некий Искандер.

– Некий? – негодуяще воскликнул Фидар. – Мальчишка? Я его на всю жизнь запомнил.

– Откуда ты его знаешь?

– Знаю. Встречался лицом к лицу.

– Так расскажи!

– Тебя тогда в Вавилон отправили подавлять бунт касситов. А наш отряд в две сотни голов стоял в Газе. Пришел приказ: срочно грузиться на корабли. Нас перевезли в Элладу. Только сойдя на берег, мы узнали, против кого выступаем. Филипп Македонский вторгся, угрожая Фивам и Афинам. Их правители срочно стали собирать войска. Жители городов отдавали последние украшения, чтобы оплатить наемников. В Персию отправили вестника просить о помощи. Что успел сделать тогда еще живой кшатра Ох, так это – выслать наш отряд в две сотни всадников. Пешие войска по суше не подспели бы вовремя.

– Ты говоришь о сражении при Херонее? – сообразил Спитамен.

– Да. Если бы не горячность афинян, мы бы разбили Филиппа. Силы были примерно равные: что у него около тридцати тысяч пехотинцев, что у фиванцев с афинянами. У нас даже всадников было больше. День стоял жаркий. Лето в самом разгаре. Наше войско выстроилось двумя фалангами. Левое крыло заняли афиняне. Их возглавляли знаменитые воины Лисикл и Херос. На правом – фиванцы. Наш отряд вместе с фиванской конницей прикрывал фланг. И место оказалось удобным. По правую руку нас защищала река. Впереди встали воины из священного фиванского отряда. Если бы ты их видел! Высокие, мощные, в белых священных туниках. На медных шлемах красные гребни конских волос. На круглых белых щитах золотые морды львов. Отвага так и плескалась через край. Не воины – гранитные глыбы! Филипп – хитрец выстроил воинов тоже двумя фалангами. Одну большую поставил против афинян и прикрыл ее с фланга небольшим отрядом всадников. Против фиванцев же поставил меньше воинов, а почти всю конницу спрятал сзади: приказал всадникам спешиться. Эллинские полководцы не уловили его коварный замысел.

– Так в чем он заключался?

– Когда два войска встретились, началась страшная кровавая битва. Длилась она довольно-таки долго. Вдруг большая фаланга Филиппа, что сражалась с афинянами, стала отступать. Причем делали они это быстро, но, не нарушая строй. Лисикл и Херос, воодушевленные успехом, увлекли воинов преследовать отступающих македонян. Образовалась большая брешь между строем афинян и фиванцев. Мгновенно в эту брешь ринулась неудержимая конница, что пряталась за фалангой. Ударил в незащищенный фланг фиванцев. Весь священный отряд пал на месте. А в это время Филипп остановил отступление и сам пошел в атаку. Тогда афиняне поняли, что погорячились, но было уже поздно. Полный разгром!

– Так расскажи об Искандере.

– Вот как раз этот юный Искандер, ему тогда едва минуло восемнадцать, и командовал конницей, смявшей фиванцев.

– Постой. Неужели Филипп доверил главную ударную силу неопытному юнцу?

– Как видишь, – и не ошибся. Его натиск решил исход битвы.

– Но ты-то где с ним столкнулся?

– Когда в нас врзалась македонская конница, тогда и встретил. У эллинских всадников своя тактика боя. Они прыгивают с коней и отдают вожжи оруженосцам, а сами рубятся на мечах. Как только противник отступает, или самим им надо отступить, они вновь садятся на коней и совершают маневр. Но македоняне не спешили. Всадники Филиппа орудовали копьями длиной в три человеческих роста. Попробуй к ним подобраться.

– Ну, про Искандера – что? – не терпелось Спитамену.

– Вижу, на меня летит всадник с длиннющей пикой. Целит прямо в лицо. Мое копьё бесполезно против его сариссы. Я метнул копьё ему в голову. Никогда не промахивался, а тут на два пальца в сторону отклонилось. У меня все тело до самых пяток похолодело. Думаю, если он меня насадит на сариссу, как на вертел, вид будет неприглядный. Как сейчас помню: глаза горят углями в прорезях шлема, зубы оскалил, конь у него мощный, с большой головой, и наконечник в локоть длинной летит прямо в лицо.

– И как тебе удалось уцелеть?

– Сам не пойму. Чудом. Изогнулся так, что чуть с коня не слетел. Наконечник над ухом скользнул. Ухватился я за древко, думал, скину всадника. Но он хорошо держался. Копьё переломилась. Тогда мой противник откинул в сторону обломанное древко и на меня с мечом кинулся. Я свой акинак достал. Он рубанул сверху. Все силы в удар вложил. Но я его жестко встретил. Руку ему отсушило, а кисть не удержала копис. Остался он без меча, и щита у него не было. Он передо мной был, как ты сейчас. Один удар, короткий тычок острием меча в горло – и все!

– И ты...

– Не смог. Не знаю, почему. Волю, как будто сковали. Рука не слушалась.

– А он?

– Он снял шлем. Спокойно так снял, как будто не в битве участвует, а на веселой прогулке. Снял шлем и небрежно отшвырнул его назад, не глядя. Я смотрю – совсем мальчишка. Кудри светлые до плеч. Лицо едва пушком поросло. Глаза ясные, помню: один серый с голубым отливом, а другой чуть зеленый, – глаза у него разные. Смотрит на меня холодно, безразлично, как будто знает, что не пришел его смертный час. Такого презрения к опасности я еще не видел. Всего пару мгновений мы смотрели друг другу в глаза, а мне показалось – вечность. Ничего с собой поделатать не мог. А он мне говорит с наглой ухмылкой: – Твои, бегут, и ты спасайся. Я дарю тебе свободу.

– Ты не врешь?

– Когда я тебе врал?

– Прости. И что дальше?

– Дальше, – горько усмехнулся Фидар. – Дальше налетели гитайры Филиппа. Еле ушел. Убегал так, что чуть коня не загнал. Помнишь, у меня тогда Сарыстыр был? Быстрый конь. Он меня спас. Мне весь плащ копьями изодрали, – стыдно вспоминать. Потом мы просили у македонян забрать тела убитых воинов. Из двух сотен нашего отряда пятьдесят человек полегло.

– Да, я помню, доходили вести, – кивнул Спитамен.

– На переговорах встретил я тогда македонянина, старого воина. Парменион его звали. Спросил, что за мальчишка в их отряде? Он ответил, что это сын Филиппа. И не мальчишка вовсе – конницей командует. Так чего он в самую гущу боя лезет? Я же мог его убить. Парменион только рассмеялся. Говорит: «Ты же его не убил. Да и не смог бы. Ахилла убить смог только сам Аполлон, а этот мальчишка – потомок Ахилла. Сейчас он смеется над тобой, хватаясь гетайрам, как одним взглядом остановил здорового перса».

– Про него много чудес рассказывают, – безразлично махнул рукой Спитамен. – Но его правлению скоро придет конец. Дараявуш соберет огромную армию. Мне приказано не жалеть золота. Скоро сюда придут сколоты. Потом я переберусь через Дон, буду просить воинов у роксоланов. Помнишь бесстрашного воина Скопаса?

– На Скопаса не рассчитывай.

– Почему?

– Он пал в бою.

– Могучий непобедимый Скопас? – не поверил Спитамен. – Хотел бы я посмотреть на того смелого ксяя, что смог одолеть этого быка. Наверное – великий воин? – Он отпил вина. – А что за мальчишка с тобой?

– Был рабом у языгов.

– Но он же с оружием? Разве рабам разрешают носить оружие?

– Я освободил его.

– Ты не можешь так поступать, – недовольно покачал головой Спитамен. – По законам степи – это неслыханное преступление. Ладно бы ты его увел, отбил и заставил служить себе... Но позволять невольнику носить оружие – это неправильно.

– Я сам был рабом. Я – живой-убитый, – мне все можно. Мара разрешила мне его освободить.

Спитамен схватился за амулет, висевший на шее.

– Не упоминай так часто имя ее. Накличешь беду. Если Черная Мать разрешила – спорить не буду. Но зачем ты его теперь таскаешь с собой?

– Хочу воина из него сделать. Я клятву дал перед Савром.

– Из этого худющего ягненка сделать воина? – усмехнулся Спитамен. – И чем невольник-мальчишка заслужил такую честь?

– Это он убил Скопаса.

Спитамен долго молчал, удивленно уставившись на Фидара.

– Смеешься надо мной, – фыркнул недоверчиво он. – Скопас копьем пробивал эллинский гоплон. Топором мог голову расколоть на две части...

– Исмен! – громко позвал Фидар

Мальчик в это время, раскрыв рот, слушал воинов. Смелчаки собрались в круг и хвастались боевыми подвигами, показывали шрамы, сравнивали длину клинков, чеканные узоры на ножнах. Услышав зов, он вошел в шатер. Спитамен окинул его пристальным взглядом.

– Исмен, покажи ему свой меч, – попросил Фидар.

Мальчик снял с пояса акинак и протянул Спитамену. Тот отставил чашу и обеими руками, выказывая большое уважение к оружию, взял клинок. Оглядел со всех сторон узор на ножнах. Крылатые грифоны с головами хищных птиц когтями и клювами терзали лошадей. Олени убегали от волков. Гуси летели, расправив крылья. И каждую картинку отделял косой

крест с завитками на концах. Спитамен вынул на два пальца острый клинок, затем отдал меч обратно Исмену.

– Убедился? – спросил его Фидар.

– Ты знаешь, чей это меч? – спросил Спитамен, в упор, глядя в глаза Исмену.

– Вождя роксоланов Скопаса, – не смутился мальчик.

– Ты честно присвоил его себе?

– Да! – твердо ответил Исмен.

– Где прежний хозяин этого клинка?

– Тело его спит в кургане. А душа пирует вместе с Папайем.

– Ты ему помог увидеться с богом?

– Я. Савр – свидетель, – честно признался Исмен.

– Садись, – решительно сказал массажет мальчику, указывая место рядом. Приказал слуге: – Еще одну чашу для юного воина.

– Ему рано пить вино, и он еще не посвящен в ксаи, – напомнил Фидар.

– Если у него в руках акинак, обогранный кровью сотен славных воинов, он – ксай.

– Не ксай он. Савр еще его не признал.

– Откуда ты знаешь? Любой воин из моего окружения, если бы принес этот меч – стал бы сразу моим товарищем.

Исмен, ничего не понимая, взял из рук слуги золотую чашу с темно-красным терпким напитком.

– Расскажи, как ты убил Скопаса, – попросил Спитамен.

– Попал стрелой ему в глаз, – просто ответил Исмен.

– Слышал? Он не бился с ним на мечах и на копьях, – встрял Фидар.

– Все равно! – упрямо стоял на своем Спитамен. – Часть силы Скопаса перешла к нему.

Ты же не можешь этого отрицать!

Снаружи послышались крики, шум. В шатер заглянул слуга и сообщил, что идут сколоты. Воины поднялись, вышли наружу. Исмен пригубил вино и скривился: ну и кислятина. Отставил чашу, последовал за Спитаменом и Фидаром.

СКОЛОТЫ

На западе степь посерела от клубов пыли. Вскоре можно было разобрать всадников, скакавших на низкорослых крутобоких лошадках. Все бородатые, в островерхих шапках. У правой ноги копьё привязано к чепраку. За спиной гориты с тугими луками и стрелами. Одеты всадники в грубые кожаные куртки, расшитые зверями и птицами. Анаксириды с потертыми коленями. Прочные сапоги, крест-накрест перехваченные шнуром. Вся эта лавина издавала ужасный шум: ржала, гикала, улюлюкала. Впереди всех ехал старый воин, обвешанный золотыми побрякушками: широкое ожерелье с фигурками животных, браслеты на руках в виде змеек, тяжелые серьги в ушах, височные золотые украшения. На холке его коня лежала убитая лань. Он скинул тушу на землю и закричал:

– Разделайте ее. Пусть женщины приготовят мое любимое кушанье из ее печени с молоком.

Воин лихо спрыгнул с коня, разминая затекшие кривые ноги. Слуги тут же подхватили узду.

– Отважный Заратат-ксай, – воскликнул Спитамен. – Пусть Гайтасир всегда скачет с тобой рядом.

– Савр пусть оберегает тебя, – приветливо ответил воин. – Ты ждал вождя сколотов, я прибыл на твой зов.

– Приглашаю тебя в мой шатер.

– Спасибо за приглашение Спитамен-ксай, но я не люблю шатры, – вежливо отказался Заратат. – Вот, мой шатер, – он поднял руки, указывая на небосвод. – Лучше я тебя приглашу в свой.

Слуги расстелили на небольшом бугре множество ковров и подушек. На них уселся вождь, скрестив ноги, указал справа от себя место Спитамену. Около сотни приближенных к вождю воинов расселись кругом: кто постарше – ближе, на ковры, помладше – дальше, на подстилки из шкур. Перед вождем поставили низкий изящный столик с резными ножками ассирийской работы. На столик выставили три глубокие чаши. На первый взгляд, даже не понятно, из чего сделаны чаши, белые и гладкие, отделанные золотом.

– Прошу на праздник, братья мои, – вежливо произнес вождь сколотов, обращаясь к чашам, и объяснил Спитамену. – Это мои злейшие враги. Ох, и славные были воины! Но я их одолел. В знак глубочайшего уважения, я сделал из их черепов чаши, и теперь духи этих славных воинов присутствуют на каждом моем застолье.

– Хороший обычай, – вынужден был признать Спитамен, сглотнув комок.

– Да, – довольно протянул вождь. – Вот, если бы ты был моим врагом... Я много слышал о твоих подвигах: бесстрашный воин, тяжелая рука, меткий глаз... Вот, если бы ты был моим врагом, и я тебя убил – тоже бы сделал кубок из твоего черепа.

– Спасибо за честь, – поблагодарил Спитамен.

В становище въехала длинная вереница кибиток. У каждой высокий войлочный верх и пара быков в упряжи.

– А вот и мой дом, – довольно воскликнул вождь.

Из одной кибитки вылез сутулый старик. На его сморщенном лице почти не росли волосы. Да и одет он был в длинную женскую одежду со множеством стеклянных и золотых украшений.

– Испакай, – окликнул его вождь. – Это мой прорицатель и врачеватель, – объяснил он Спитамену. – Я люблю его как брата. Нет, – подумав, сказал он. – Люблю, как сестру. Он – энарей, жрец Великой Матери Аргинпасы. Поэтому и носит женскую одежду.

Старик подошел к кругу воинов. Все тут же потеснились, освобождая место слева от вождя. Жрец молча уселся, скрестив ноги в остроносых высоких сапогах, и погрузился в какие-то свои думы, казалось, совсем ни на кого не обращая внимание, никого не приветствуя. Узловатыми тонкими пальцами он перебирал ивовые прутьики, что-то шептал, закатывая глаза.

– Думаешь, он ненормальный? – спросил вождь у Спитамена. – Он нормальнее всех нас, и знает о чем я думаю, о чем ты думаешь, они..., – он рукой обвел круг воинов. – Великая Мать Табити наделила его страшной силой проникать в головы других. А Аргинпаса разговаривает только с ним.

– Пусть боги будут благосклонны к тебе, – вежливо поздоровался Спитамен со жрецом. Тот только быстро взглянул на него и чуть заметно кивнул.

– Прости ему неуважение к тебе, Спитамен-ксай, – извинился вождь за жреца. – Уж он у нас такой...

– Я хотел поговорить с тобой о деле, Заратат-ксай, – начал Спитамен.

– Какие дела! – возмущенно воскликнул вождь. – Ко мне в гости приехал посланник из самой Персии – и сразу за дела! Сначала я угощу тебя свежим мясом. Что, я зря гонялся за косулей полдня? Забьем быка. Нажремся до отвала. Вина попьем. У меня вино выдержанное, из самой Ольвии. Я с эллинами торгую: поставляю им рабов, а они мне вино, оружие и драгоценности. Потом устроим состязание в скачках, борьбе. Повеселимся! Мы, сколоты, прежде чем решать дела, сначала веселимся. И чем важнее дело, тем длиннее праздник.

– Это точно, – вдруг подал голос жрец, подняв глаза к небу. – Из всего делаем праздник: даже из войны, даже из смерти.

– А потом ты должен выпить за мое счастье. Я взял вчера себе новую супругу. Эй, – крикнул вождь слугам, – пусть гость увидит мою Гугучь.

Из кибитки выглянула девочка, совсем еще ребенок, укутанная с головы до ног в роскошную пеструю ткань. Большие черные глаза глядели испуганно. На круглом нежном личике лежал толстый слой румян. В ушах огромные золотые сережки, височные украшения, вплетенные в волосы, каскадом спадали до самых плеч. Она показалась лишь на миг, и тут же вновь скрылась за белым войлочным пологом.

– Дочь одного из восьминогих пастухов. Всемиловитый Папай разгневался на него за что-то – рождаются одни девочки. Он совсем обнищал: семья большая, а кормить нечем. Дошло до того, что павших лошадей ели, прямо, как шакалы. Я дал ему двух коров, с условием, что он будет мне каждый год отдавать по теленку. Опять беда – коров волки загрызли. Но не могу же я соплеменника вместе с семьей обрекать на голодную смерть. Взял я у него одну из дочерей, взамен отдал трех дойных кобылиц.

– Справедлив наш Заратат. Благороден Заратат. Всемиловит Заратат, – закивали воины.

Старик – жрец ухмыльнулся:

– И блудлив.

– Да что ж ты такое наговариваешь, – обиделся вождь. – Я даже не прикоснусь к ней два года. Не хочу, чтобы Аргинпаса меня таким же, как тебя, сделала.

Слуги забили годовалого бычка, промыли желудок, сложили в него лучшие куски мяса и плотно завязали. Выкопали яму. Развели в ней костер. Когда остались одни жаркие угли, побросали в яму камни, сверху на камни опустили желудок с мясом и плотно прикрыли хвостом. Пока готовилось угощение, воины пили вино, закусывая сыром, пели песни.

– Иди-ка сюда, – заметил кого-то вождь среди снующих слуг. – Элин прибил к нам, представляешь, ученый. Такое знает... Такое рассказывает... Когда вечером у костра садимся, он нас забавляет. Про Афины рассказывает, про Карфаген, про Египет. Еще ...эта... как же ее... Атлантида.

– Неужели он везде побывал? – усомнился Спитамен.

- Нет. Ему какой-то Геродот об этом рассказал.
- Сам Геродот из Галикарнаса? – удивился массагет.
- Да. А ты тоже знаешь Геродота? – в свою очередь удивился вождь.
- Знаю. Только он умер сто лет назад.
- Выходит, этот эллин врет мне? – гневно вскинул брови Заратата.
- Не вру я, – обиженно произнес эллин. – Геродот оставил после себя множество книг.

Я долго и прилежно изучал его труды, а теперь, решил проверить на деле. Вот, путешествую, изучаю загадочные земли.

– Он любознательный, – согласился вождь. – Стариков расспрашивает, чертит что-то, записывает. Траву всякую собирает...

Одежда скотов как-то неуклюже сидела на высоком тощем эллине. Высоколобый, рыжебородый с ясным взглядом – он ничем не напоминал жителя степи. Походка у него была уверенная, не то, что у кочевников. Те ходят вразвалочку, потому, как много времени проводят верхом.

– Ну, расскажи нам, умник, откуда произошло наше племя. А мы послушаем.

Вождь предложил ему присесть напротив. Эллин опустился на овечью шкуру, поджав под себя длинные худые ноги. Глаза его вспыхнули. Ему очень нравилось рассказывать. Воины отставили чаши и приготовились слушать.

– Раньше эти степи были безлюдны. Только дикие стада быков паслись здесь, да рыскали хищники. Однажды сюда забрел великий Геракл...

– О, слышал? – толкнул Спитамена вождь. – Какой-то Геракл.

– ... Послал его Еврисфей, у которого он служил тогда, угнать быков страшного и могучего пастуха Гериона. Геракл убил пастуха и его пса. Нашел красных быков. А быки не простые: у каждого по три туловища, по три головы и по шесть ног...

– Нет, ты слышал? Что это за быки, – усмехнулся вождь. – Ты давай про нас рассказывай. Какие бывают быки – мы сами знаем.

– ...Когда Геракл проходил через эти степи, налетела снежная буря. Дорогу засыпало снегом. От мороза птицы падали с неба мертвыми. Решил Геракл остановиться, завернулся в шкуру Немейского льва и уснул...

– Не человек – медведь. Тот тоже, как снег выпадет – сразу спать ложится.

– ...А проснулся Геракл весной и не нашел коней из своей колесницы. Отправился он на поиски и набрел в земле Гилее на глубокую пещеру. В той пещере он встретил существо божественного происхождения – Ехидну: наполовину женщина, наполовину – змея. Спросил Геракл: где его кони? «У меня», – ответила ехидна. «Отдай мне их». «Заберешь своих коней, коли станешь моим мужем», – потребовала хитрая Ехидна. Без коней Гераклу – никак. Остался он в ее пещере. Долго прожил с Ехидной. Родила она от него трех сыновей. Геракл вновь потребовал своих коней, сказав, что должен выполнить приказ Еврисфея. Не может он послушаться Громовержца. Ведь он служит у Еврисфея по велению Зевса. Отпустила его Ехидна, но спросила, как поступить с сыновьями, когда они вырастут. Оставил Геракл ей один из своих луков и сказал: «Когда они вырастут, ты увидишь. Дай им попробовать натянуть мой лук. Кто сможет это сделать, пусть останется в этой земле, остальных отсылай ко мне»...

– Ты скажи, как детей звали твоего Геракла.

– ...Звали их Агафирс, Гелон и Скиф.

– Слышал? – опять толкнул вождь Спитамена. – Это он нас скифами называет.

– ...Подросли сыновья, возмужали. Приказала им мать натянуть лук. Старший Агафирс и средний Гелон не смогли этого сделать, и прогнала их Ехидна. А младший Скиф натянул лук. Он остался в земле Гилее, и от него произошло племя скифов.

– Ну, – опять Спитамен получил дружеский толчок. – Ты ему веришь?

– Врет он все, – безразлично произнес энарей.

– Но эти слова не мои, – попытался оправдаться эллин-рассказчик. – Данную историю описал Геродот.

– Врет твой Геродот, – тем же тоном отозвался жрец. – И лучше не рассказывай то, в чем сам не убедился, тем более людям, про их же предков.

– Правильно! – подхватил вождь. – Поведай ему и всем нам, как все на самом деле было. Давай!

Энарей выпрямил спину, обвел воинов холодным взглядом и начал:

– Правит миром Великая мать Табити. Кто-нибудь сомневается в этом?

– Нет. Никто. Разве можно в этом сомневаться, – тут же ответили собравшиеся сколоты.

– Великая мать Табити породила богов: Папайя, Гайтасира, Фагимасада и богинь Апи, Аргинпасу. Или я не прав?

– Прав! Именно так все и было. Твои слова – истина.

– У божественных супругов Папайя и Апи появился сын, великий Таргитай. Разве не так?

– Все правильно! Да! Таргитай появился!

– Подрос он, и наскучили ему небеса. Отпросился он на землю поохотиться. Бил зверей, бил птиц. Устал и решил отдохнуть на берегу Дона. И вдруг увидел он, как из воды вышла прекрасная дочь Бога Фагимасада Дидинаг. Она до того была прекрасна, что отец Фагимасад опасался за нее и прятал глубоко на дне реки. Ей прислуживали рыбы и раки, веселили существа полулюди-полущуки. Она носилась на морских конях – волнах. И только ночью ей дозволялось выходить на сушу. Распускала Дидинаг золотые волосы и водила хоровод со степными девушками, которые днем вновь превращались в косуль. Полюбил ее с первого взгляда Таргитай и решил овладеть. Не пустил он ее обратно в воду. Стал на пути. Плакала Дидинаг, умоляла, но Таргитай ничего не мог поделать со своим сердцем. Вскоре у них родились три сына: старший Липа-ксай, средний Арпа-ксай и младший Кала-ксай. Росли они одни, так, как Таргитая наказали боги. Приковали цепями в глубокой пещере до времени. Разве можно девушку принуждать без согласия ее отца?

– Нельзя! – единодушно заорали сколоты.

– Вот так воспитывали трех братьев волки и дикие быки. Выросли они, возмужали. Но нельзя человеку уподобляться зверю. Человек – есть человек. Человек выше зверей. Волки живут с волками, шакалы – с шакалами, олени – с оленями. Но человек приручил лошадь, коров, собак... – и над всеми властвует. Скинули с неба боги золотой плуг с ярмом, секиру и чашу. И сказали братьям боги: «Кто сможет овладеть этими предметами, тот и будет править степью». Старший решил, что он сможет поднять золотые предметы. «Я самый сильный, самый смелый. Я буду править степью. Заставлю быков пахать землю. Всех врагов порублю секирой. А чашу наполню их кровью». Попытался он взять дары, но они вспыхнули ярким пламенем и обожгли ему руки. Не правильные слова сказал Липа-ксай. Тогда средний сказал: «Я буду править степью. Возьму секиру, пойду в далекие земли и приведу рабов. Они будут пахать мою землю и наполнять чашу молоком». Хотел он взять дары, но и ему они не дались. И слова Арпа-ксай не понравились Богам. Тогда младший Кала-ксай сказал: «Степью буду править я. Тебе, Липа-ксай, я дам ярмо и плуг. Паши землю и выращивай хлеб. Тебе Арпа-ксай, я передам чашу. Будешь врачевать и говорить с богами. Себе же я оставлю секиру, и буду охранять землю нашу от врагов». Подошел Кала-ксай к дарам и поднял их. Раздал он дары небесные братьям, и на том они сошлись. От Липа-ксай пошел род авхатов, те что живут по берегам рек и занимаются земледелием. От Арпа-ксай пошли жрецы и прорицатели. А от Кала-ксай произошли сколоты, воины-кочевники.

– Ясно тебе, эллин? – ухмыльнулся вождь. – А то все – Геродот... У нас своих Геродотов хватает.

Перед бугром, где сидел вождь со своим окружением, устроили состязание в борьбе. Обнаженные по пояс борцы, кидали друг друга на землю, катались в пыли, душили, заламы-

вали руки – в общем – было весело. Зрители сомкнулись плотным кругом, кричали, хлопали в ладоши, иногда подбадривали борцов пинками.

– Где мой будин? – забеспокоился вождь. – Ведите его сюда.

Появился высокий здоровенный силач. Рыжая копна взъерошенных волос напоминала стог сена. Такая же рыжая борода обрамляла веснушчатое скуластое лицо с тяжелым подбородком и большим мясистым носом.

– Смотри, каков! – хвастался вождь перед Спитаменом. – Знаешь, где его добыл? Ходил в набег на северные земли. Туда, где деревья растут так густо, что ни проехать, ни пройти, и снежный пух вечно валит с неба. Эллинам в Ольвии понадобились рабы. Я дошел до лесных дебрей, там наткнулся на племя будинов. Представляешь, они живут в шатрах, сложенных из бревен и носят медвежьи шкуры. Все здоровые, высокие. Вот этого еле скрутили. Он выскочил на нас с дубиной. С одного удара валил всадника вместе с конем. Мне жалко было его продавать эллинам. Хотел сначала ослепить и оставить взбивать кобылье молоко. Потом передумал. Зачем такому силачу взбивать молоко? Дай, думаю, сделаю из него живого-убитого, поставлю на плече метку богини Мары, будет быков моих пасти. Так жрец Испакай наотрез отказался клеймить его. – Вождь недовольно покосился на невозмутимого энарея. – Почему – не говорит. Тогда я стал будина выставлять на праздниках бороться. Он мне уже пять кобылиц выиграл и две коровы. Никто его одолеть не может. Хорош! Подумываю отдать ему в жены одну из своих дочерей. Пусть живет свободным, нарожает мне крепких внуков. А? Лошадь ему дам, пару коров...

– Силен, – согласился Спитамен, оценивая бугристые плечи и мощные ноги борца.

– А у тебя есть достойный противник моему будину? – неожиданно спросил вождь. – Давай, выставляй своих массагетов, Спитамен-ксай.

– Уважаемый вождь, – растерялся Спитамен. – У меня только всадники. Они не умеют бороться.

– Не выкручивайся, как уж, – напирал сколот. – Воины должны быть сильными. Выставляй против будина любого. Я ставлю коня, самого лучшего из моего табуна. Давай!

Фидар, сидевший неподалеку, заметил полную растерянность на лице Спитамена, поднялся.

– Дозволь мне, уважаемый посланник из Персии встать за тебя?

– Кто это? – Заратат впился в аорса колючим взглядом.

– Мой товарищ, – ответил Спитамен. – Мы вместе служили в Персии. Он слыл лучшим борцом.

– Массагет?

– Нет. Он – аорс.

– А! – протянул вождь сколотов. – Знаю аорсов. Храбрые воины и всадники отличные. Но посмотрим, как он попробует одолеть моего будина. Что ставишь?

Спитамен с надеждой взглянул на Фидара, тот чуть заметно кивнул: не переживай. Посланник тяжело выдохнул:

– Золотые монеты из Персеполя.

– Сколько?

– Сотню.

– Покажи.

Слуга Спитамена принес изящную шкатулку резного дерева, приоткрыл крышку. Во чреве сверкнуло золото.

– Ого! – глаза вождя вспыхнули, но он тут же закапризничал: – Сотню – мало!

– Как – мало? – возмутился Спитамен. – Неужели твой конь стоит больше сотни монет? Давай так: коня против пятидесяти монет.

– Ты же сказал: сотню монет ставишь! – возмущенно напомнил вождь.

– Не стоит конь сотни монет, – не соглашался Спитамен.

– Хорошо, – сдался вождь. – Ставлю сверху дойную корову, нет – двух коров. А ты тогда добавляй свою одежду. Она мне как раз подойдет, – решил он, нагло пощупав мягкую шерстяную ткань рубахи посланника, как будто одежда – уже его. – Он ткнул локтем жреца. – Мне пойдет такой цвет?

– Сначала выиграй, – безразлично ответил энарей.

– И выиграю!

Между тем все становище шумело и кричало. Воины спорили на борцов. Фидар снял рубаху, оставаясь в одних штанах, и приготовился к схватке. Будин, как медведь тяжело пошел на него, раскрывая объятия. Они сцепились. Кости затрещали. Будин старался подмять под себя противника, но Фидар стоял крепко. Улучшив момент, он резко подсел, оторвал будина от земли и, выгнувшись, перекинул через себя. Тот носом пропахал землю. Зарычал. Тяжело поднялся. Его лицо перекосилось от злости. Кровь двумя ручейками текла из разбитого носа. Рыжие усы стали красными. С бороды свисали темные капли.

– погоди, погоди, – уверял вождь Спитамена. – Сейчас он сломает твоего аорса. Зря тот разозлил моего будина. Теперь ему не выжить.

Рыжий здоровяк кинулся на Фидара, охватил его за пояс и, перевернув в воздухе, шмякнул о землю. Фидар крикнул. Дыхание перехватило, а в глазах запрыгали искорки. Будин прыгнул сверху, пытаясь задавить всей массой. Как не больно было Фидару, но он все же успел откатиться, и противник плюхнулся на пустое место, подняв тучу пыли. Они встали на ноги и вновь сцепились, да так, что пальцы белели, а синие жилы вздувались, как реки при паводках.

– Дави его! Дави! – кричал вождь, подсакивая на месте и размахивая кулаками. Сколоты вокруг кричали так, что уши закладывало. – Сейчас он твоему аорсу хребет сломает...

Фидар и сам почувствовал: сил надолго не хватит. Собравшись, он вывернулся из объятий будина и отпрыгнул в сторону. Хоть мгновение передышки. Но противник вновь, как медведь, двинулся на него. Фидар сделал шаг назад, еще, прикидываясь, что еле держится на ногах. Будин купился на уловку и бросился добить противника. Фидар неожиданно ринулся навстречу, глубоко присел. Будин врезался животом в плечо аорса. Фидар оторвал здоровяка от земли и перекинул через спину. Прыгнул сверху, не давая противнику опомниться. Вцепился в шею будину. Принялся душить. Они долго катались по земле, но будин так и не смог сбросить со спины Фидара. Он брыкался, хрипел, извивался, но вскоре затих. Притихли и сколоты.

– Вождь, ты проиграл, – с облегчением выдохнул Спитамен.

– Проиграл, – согласился Заратага и зло сплюнул.

Фидар расцепил объятия. Перевернул Будина на спину. Тот не дышал. Глаза его закатились. Из-под полуприкрытых век виднелись только покрасневшие белки. Фидар со всей силы кулаком ударил его в грудь. Поверженный противник икнул, хрипло вздохнул и застонал.

– Зачем! – закричал гневно вождь. – Зачем ты оживил эту собаку? Я двух коров проиграл. Коня проиграл... Сожгу его живьем.

– Эй! Ты хотел недавно его женить на своей дочери, – с усмешкой напомнил жрец.

– Я на шакале степном ее лучше женю! Двух коров! Коня..., – сокрушался вождь.

Фидар опустился на свое место в кругу. Воины, что ставили на него, поздравляли аорса, протягивали чаши с вином.

– Постой, постой, – встрепенулся вождь, сощурив глаза. – Что у тебя на плече? Покажи! Обман! Обман! – закричал он. – У него метка смерти. Он – живой—убитый. Он нечестно выиграл бой. Ему помогала Мара.

Все тут же шарахнулись в стороны от Фидара, как от чумного. А вождь уже набросился на Спитамена:

– Как ты смел против моего будина выставять покойника?

- Какой же он покойник, – пожал плечами посланник. – Живой он.
- Но у него метка смерти. Я правильно говорю? – повернулся он к жрецу.
- Энарей усмехнулся и спокойно ответил:
- Что ты шум поднял, как утка в камышах, когда ее лиса за хвост схватила? А если это сам Собиратель Черепов? Ты тоже скажешь, что он не честно поступил?
- Язык у тебя отсохнет такое говорить! Савр, защити нас! – замахал руками вождь, округлив глаза от ужаса.
- Эй, герой, – обратился жрец к аорсу. – Откуда у тебя метка Мары?
- Языги заклемили в городе своем.
- Так это на той стороне Дона? – уточнил жрец.
- Да. Но я добыл свободу в честном бою и переплыл Дон.
- Слышал? – повернулся жрец к вождю сколотов. – Он Дон переплыл, так что эта метка не имеет силы. На том берегу он живой-убитый, а здесь – вольный ксай.
- Почему ты против меня суд ведешь? – возмутился вождь. – Ты меня должен поддерживать.
- А ты хочешь от побережья моря до Дона прослать слугой Жадобы?
- Нет! – тут же согласился вождь. – Я честный и справедливый. – Кивнул Спитамену. – Выбирай коня и коров. А этого, – он презрительно ткнул пальцем в будина, – я заставлю с медведем бороться. Посмотрим, кто кому хребет переломит.
- Фидар, – позвал посланник друга. – Я отдаю тебе добычу. Ты честно ее заслужил. Теперь у тебя есть еще один конь и две коровы.
- Дозволь, – Фидар тяжело поднялся. – Дозволь благородный вождь Заратата-ксаи, эту победу посвятить тебе. Я хочу выигранного коня подарить великому вождю сколотов. Воины одобрительно загудели.
- Принимаю! – Заратата расцвел от гордости. – Ты поступаешь благородно, как настоящий ксай.
- И еще позволь попросить?
- Проси, – важно вздернул бороду вождь.
- Не согласишься ли двух коров обменять на будина. Коровы мне ни к чему. Становища у меня своего нет, а хороший оруженосец не помешал бы.
- Вождь задумался, но жрец посоветовал:
- Соглашайся. Все равно, теперь замучаешь пленника до смерти. От двух коров больше выгоды.
- Забирай, – согласился вождь, – Но спрячь его куда-нибудь подальше, чтобы он на глаза мне не попался, не гневил меня!
- Закуска поспела. Из пышущей жаром ямы достали бычий желудок, внутри которого томилось мясо. Слуги вывалили мясо в большой медный котел. Ручки у котла в виде скачущих коней. Угощение поднесли вождю. Он первый выбрил себе кусок пожирнее. Потом позволил посланнику из Персии угоститься. После обносили воинов.
- Вдруг в становище поднялся шум. Воины вскочили с мест и поспешили на крики.
- Что там еще произошло? – недовольно спросил вождь у одного из слуг.
- Языги с того берега. Двое. Хотят тебя видеть.
- Кто такие?
- Ксаи из города Артар.
- Так чего их не пускают? Пусть идут к нашему кругу, – разрешил вождь.
- Показался отряд всадников. Впереди скакали двое воинов в чешуйчатых металлических латах. На головах их коней красовались шлемы с позолоченными оленьими рогами. Следом еще человек двадцать всадников. Но те – роксоланы. Исмен, увидев их, пробрался к Фидару и шепнул: «Они!».

Поединок

- Ничего не бойся, и виду не подавай, – строго приказал Фидар.
Всадников остановили. Двое языгов сошли на землю и направились к вождю сколотов.
- Да будет счастлив и здоров великий вождь Заратата-скай, – воскликнул крепкий языг с семью длинными усами и, подкрашенной черной краской, бородой.
- Пусть Савр укрепит твою руку Айнег-ксай, – ответил вождь вежливо, но с холодком. – Ты прибыл к моему другу Спитамен-ксаю наниматься в персидское войско?
- Нет. Я иду по следу грешника, которого должен наказать за страшные преступления.
- Кто же так разгневал тебя?
- Он, – языг указал на Фидара. – Он – живой-убитый. Пусть оголит левое плечо и покажет отметину Мары.
- Языг хотел вызвать у окружающих ужас и отвращение к Фидару, но прогадал.
- Уже видели, – махнул рукой вождь.
- Его сама Мара отметила! – еще громче воскликнул языг.
- Неужели – сама? – подал голос жрец энарей. – Ты свидетель? Стоял рядом? Смотрел ей в глаза? Так почему сам еще жив?
- Но он – наш живой-убитый, – смутился ксай.
- Он живой-убитый, – подтвердил вождь, обращаясь к энарею.
- Живой здесь, убитый за Доном, – возразил жрец. – Если живой, я могу доказать, если убитый, пусть Айнег-ксай докажет.
- Да, докажи, – потребовал вождь. – Эй, аорс, покажи кровь.
- Фидару протянули нож. Он надрезал руку. Один из сколотов обмакнул палец в выступившую красную каплю и попробовал на вкус.
- Кровь! – объявил он.
- А ты что хотел увидеть? – усмехнулся энарей. – Думал, гной выступит?
- Все вокруг закричали, угрожая Айнегу. Чувствовался накал давней вражды между языгами и сколотами. Но воин в чешуйчатых доспехах оставался невозмутим.
- Мы с тобой заключили договор о мире. Ты по нему не должен укрывать беглых, – перекрыл он гвалт, обращаясь к вождю.
- Это верно, – подтвердил Заратата и вопросительно поглядел на жреца.
- В договоре так же сказано, что языги не должны без твоего разрешения переправляться через Дон. А они уже здесь, да еще роксоланов с собой притащили.
- Что! Где? – вспыхнул вождь сколотов. – Я ненавижу роксоланов! Где эти шакалы? Тащите их сюда!
- Прибывших всадников стащили с коней и приволокли к вождю.
- Вам, шакалам, что надо на моей земле, – метал молнии Заратата.
- Мы свидетельствуем против него, – испуганно произнес один из роксоланов, указывая на аорса.
- Он убил моего младшего брата, – вступился за них Айнег.
- Убил? – повернулся вождь к аорсу. – Как убил? Ночью подкрался и вогнал нож в спину? Подло подкараулил на дороге? Говори!
- Я победил его в честном поединке, – возразил Фидар. – Савр – свидетель.
- Так чего ты хочешь? – развел руками вождь сколотов, теперь обращаясь к языгу. – Объяви кровную вражду, и не тычь мне договором. Да еще Мару припомнил... А роксоланы здесь при чем? – совсем разошелся Заратата. – Я знаю единственного благородного роксолана, с которым могу говорить на равных, так это со Скопасом.

– Скопаса убили. И сделал это его оруженосец, вон – тот мальчишка. – Языг указал на Исмена. Того всего обдало жаром. Как теперь поступит вождь Сколотов? Неужели позволит их скрутить?

Все повернулись к Исмену. Заратата долго и внимательно глядел на мальчика. Брови его то вздымались кверху, от чего лоб покрывался морщинами, то хмурились, сходясь к переносице. Наконец лицо его перекосило от гнева.

– Ты смеешься надо мной, – после долгой паузы возмутился вождь. – Как он мог его убить? Посмотри на этого тощего воробья. Скорее я поверю, что Скопаса дикий козел забодал до смерти. Мальчишка, иди сюда! – поманил он. – Расскажи.

Исмен неуверенным шагом подошел к вождю.

– Ну! Говори! – требовал Заратата.

Исмен, слегка запинаясь, рассказал о погроме родного становища, о том, как он выстрелил в Скопаса, попав ему в глаз.

– Он признался, – закричал языг. – Подлю подстрелил воина, и теперь хвастается.

– И что здесь подлого? – удивился вождь. – Мы, сколоты, не считаем это за подлость.

– Правильно! Правильно, – подтвердили воины.

– Великий Гайтасир, что летает на колеснице, запряженной гусьями, научил наш народ делать лук, – вставил жрец. – Он сам поражает врагов стрелами. Ты же не будешь утверждать, что Великий бог Гайтасир поступает подлю?

– Нет, – испугался языг. – Но роксоланы уверяют, что мальчишка потом ограбил могильник Скопаса.

Толпа воинов недовольно загудела.

– Что ты взял у мертвого Скопаса? – строго взглянул на Исмена вождь.

– Меч, – честно признался Исмен, показывая акинак.

Вождь взял в руки оружие, внимательно осмотрел чеканный узор на ножнах, вынул клинок, оценил остроту заточки, вложил обратно и вопросительно взглянул на жреца: что теперь?

– Мальчишка взял то, что ему принадлежит, – рассудил энарей. – Он победил Скопаса, а значит: меч переходит к нему, впрочем, как и конь, и доспехи и лук со стрелами, и даже часть силы поверженного воина...

– Постой, постой, – возмутился вождь. – Не забывай, что он отправил ксяя к Папайу без оружия. Он мог, хоть голым его оставить и сожрать всю напутственную пищу, что кладут в могилу вместе с покойным – все это ерунда. Но нельзя отбирать у усопшего меч. За это я должен ему отрубить правую руку и выколоть глаза.

– Верно, – не очень охотно согласился жрец. У Исмена внутри все похолодело. Сотни пар глаз осуждающе уставились на него. А жрец тихо спросил: – Ты отправил великого вождя роксоланов в Степи Благодати без акинака?

– Я оставил ему взамен свой меч, – вспомнил Исмен.

– Это так? – метнул колючий взгляд в сторону презренных роксоланов вождь сколотов. Те вынуждены были согласиться. – Так чего же вам надо, шакалы? Все! Спор решен. – Он потянул Исмена к себе. – Садись сюда передо мной. Вечером я посвящу тебя в ксаи. Заслужил он звание ксяя? – спросил вождь у сколотов. – Он победил знаменитого воина. Часть силы Скопаса перешла к нему.

– Заслужил! – единодушно подтвердили сколоты.

– А эти, – ткнул он пальцем в сторону роксоланов, – не смогли уберечь вождя. Да если бы меня не уберегли в бою мои телохранители, их бы всех умертвили и похоронили со мной в кургане. И лошадей их, и жен...

– Верно, верно, – закивали сколоты.

– Благородный Заратата-скай, не забывай о договоре, – напомнил языг. – Отдай нам живого-убитого.

– Договор соблюдать надо, – согласился вождь и опять вопросительно взглянул на жреца.
– Так пусть берет, – ответил энарей. – Разве ты ему мешаешь? Вон он сидит. Бери! Только у нас, на этом берегу Дона он стал вольным ксаем, – так повелел Савр. Верно я говорю? – окинул он взглядом круг воинов.

– Верно! – единодушно закивали они.

– Если к вам сбежит наш раб и переплывет священные воды Дона, он тоже становится вольным. Ваше дело: убить его, или оставить в живых. И у нас – так же. Мы его не укрываем. Бери его, если сможешь, один на один, в честном бою.

– Справедливо! – оживился вождь. – Одолеешь – забирай своего живого-убитого. Не одолеешь – уйдешь отсюда пешком и голым.

– Правильно! – заорали сколоты. – Честный бой!

– Хорошо, – согласился языг, пронзив Фидара гневным взглядом. – Бьемся верхом на конях.

Становище оживилось. Все кричали, делая ставки. Громче всех голосил вождь:

– Ставлю за аорса бронзовый котел и горит с золотой отделкой. – Потом внимательно взглянул на Фидара. – Эй, аорс, я на тебя поставил. Ты сможешь сражаться? Будин не сильно тебя поломал?

– Нет, – качнул головой Фидар, – только слегка размял.

– Ой, смотри! – погрозил Заратата. – Котел у меня отменный, тяжелый. Если проиграю, что я без него делать буду?

Исмен помог Фидару сесть на коня, подал щит и копье. Аорс наклонился и шепнул мальчику в самое ухо:

– Если увидишь, что я слабею, – беги.

– Нет, – твердо сказал Исмен

– Ты что, хочешь в плен к языгам?

– Я не буду никуда убегать. Погибнешь ты, – и я умру, – он сжал рукоять акинака. – Пусть попробуют взять меня живым.

– Поступай, как считаешь нужным, – согласился Фидар. В словах его послышалось уважение.

Перед бугром освободили место. Воины встали широким кругом и приготовились к зрелищу.

Фидар произнес краткую молитву, прося Савра даровать ему победу. Языг бросил в костер щепотку оленьей шерсти с травами, отчего воздух наполнился неприятным едким запахом. Айнег-ксай благоговейно вдохнул дым и прокричал боевой клич своего рода.

Всадники сошлись. Языг в прочном чешуйчатом панцире. Высокий островерхий медный шлем защищал голову. Грудь прикрывал тяжелым щитом овальной формы, с металлическим усилением в центре и по кромке. Фидар, как был – в рванье, без шлема, только короткое копье и щит, обтянутый кожей. Но ему намного легче было двигаться. Всадники принялись бить друг друга копьями. Щитами отражали удары. У языга копье оказалось длиннее на локоть. Фидар пытался сблизиться на удобное расстояние, но у него никак не получалось. Каждый раз противник поворачивал в его сторону коня. Оленьи рога мешали нанести точный удар. Оба оказались опытными бойцами, и умело вели схватку. Вскоре кожа на щитах разлохматилась. Сквозь рваные края проступила плетеная основа. Древки копий трещали, грозя переломиться. А сколоты оралы во всю глотку, подбадривали дерущихся. Вождь кричал громче всех, припоминая котел, который поставил на победу аорса.

Фидар умудрился ухватить левой рукой олений рог на шлеме коня, и с силой дернул вниз. Ремешки креплений порвались, а шлем слетел. Вот теперь он надавил на языга. Вложил всю силу в удар. Языг отбил копье, но чуть не свалился. Еще удар. Наконечник засел глубоко в щите. Противник дернул щитом, и древко обломалось у основания наконечника. Языг тут же

бросился на Фидара. Его копьё скользнуло по краю щита аорса, чуть не попало в глаз. Фидар треснул по нему обломанным древком, как дубиной и выбил оружие из рук языга.

– Копьё! – крикнул Айнег своему соплеменнику.

– Копьё! – потребовал Фидар. Исмен тут же схватил пику и бросился к нему.

– Постой, – вдруг отстранил поданное оружие языг. – Так мы долго будем биться. Силы наши равные. Давай, сшибемся, – предложил он. – Без копий, одними щитами.

Сшибаться – самый надежный способ выяснить: кто сильнее. Нередко ксаи таким образом решали споры. И попробуй – откажись, прослывешь трусом, а то и звание ксая лишишься. Всадники разгоняли лошадей и налетали друг на друга. Если дрогнешь, чуть дернешь поводья, уводя лошадь в сторону – окажешься на земле. Сшибались с копьями, да так, что руки выбивали в плече, противников вместе с щитами пронзали насквозь. Но самые смелые сшибались щит в щит. Кто сможет подняться после такого столкновения – тот и правый.

– Давай, – согласился Фидар.

Зеваки отпрянули в стороны. Всадники разъехались на сто шагов. Под крики толпы противники понеслись друг другу навстречу, перецепив щиты на правую руку. Громкий удар! Кони выскочили из-под них, и помчались дальше. Оба воина грохнулись на землю. Фидар тут же откатился, откинул щит, вынул кинжал левой рукой и тяжело поднялся на ноги. Его качало. Грудь судорожно вздымалась, хватая воздух, правая рука безвольно повисла вдоль тела. Языг с трудом встал, обнажил свой нож. Словно пьяный, переваливаясь с ноги на ногу, двинулся на аорса, но колени его подкосились, и он рухнул без памяти.

– Твоя победа по справедливости! – провозгласил вождь. – Ты свободен, и все имущество поверженного врага переходит тебе: конь, доспехи, оружие.

– Нет! Постойте! – Растолкав орущую толпу, перед вождем предстал второй языг. Ему было лет семнадцать. Молодой, стройный юноша с едва прорезавшимися усами. – Теперь я его вызываю на поединок.

– Ты обязан принять вызов. Кровная месть обязывает, – развел руками вождь, обращаясь к Фидару.

– Да как же он сможет биться? – встал на защиту друга Спитамен. – У него правая рука отбита. Ты же видел, как они врезались друг в друга. Как он копьё сможет держать?

– Как хочет, – жестко осадил вождь посланника. – Но обязан принять вызов. Законы мести того требуют.

Фидар потер распухшее плечо. Попробовал взять копьё. Пальцы не слушались. Исмен внимательно наблюдал за ним. Вдруг мальчик подошел к вождю и решительно произнес:

– Если вождь позволит, я готов биться.

– Ты что, мальчишка! Куда лезешь! – замахал на него руками Заратата.

– Не смей, – прорычал Фидар.

– Остановись, – испугался Спитамен.

– Я буду биться! – упрямо повторил Исмен. – Я имею право, как оруженосец.

Вождь скотов горестно покачал головой и с надеждой взглянул на жреца.

– Пусть бьется, – спокойно ответил энарей.

– Так он же слабее раза в два, – возмутился вождь. – А языг, вон, какой здоровый, да еще в доспехах.

– Все воины разные по силе, – философски изрек жрец. – Но для чего великий Гайтасир подарил нам лук? Чтобы сравнять наши силы, – сам же ответил на свой вопрос.

– Ай да жрец у меня! Ай, да мудрец! – радостно воскликнул вождь скотов и обратился к противникам. – Будете стреляться из луков с двухсот шагов.

На юном лице языга отразилось недовольство, но против он ничего не сказал. Пошел готовиться.

– Исмен, – тихо позвал мальчика Фидар. – У тебя хватит мужества выстоять?

– Хватит, – твердо ответил Исмен, хотя аорс заметил, как лицо его побледнело, а губы слегка дрожали.

– Не вздумай отклониться от стрелы. Запомни: смерть лучше позора. Я признал перед Савром тебя своим учеником. Опозорив себя, ты опозоришь и меня.

– Не бойся, – пообещал Исмен.

– Сохрани тебя Гайтасир.

Напротив бугра, где сидел вождь, воткнули шест. Отсчитали по сто шагов в противоположные стороны. Лучники вышли на позиции. Сколоты, следившие за правилами поединка, бросили на землю перед шестом кости животных. Внимательно посмотрели, как они легли. Немного поспорив, решили, что языг по жребию должен стрелять первым. Исмен видел, как противник натягивает лук. Голову обдало жаром, когда стрела взвилась ввысь и черной точкой, сорвавшись с неба, полетела в него. Тело пробило дрожь. Над самым ухом фыркнуло оперенье. Но Исмен не дрогнул. Сколоты закричали, подбадривая его. Он натянул свой лук, затаил дыхание и спустил тетиву. С того конца закричали. Попал он или нет, Исмен не видел, но языг остался стоять.

Их свели на двадцать шагов ближе. Исмен заметил, что противник припадает на левую ногу. Значит – попал. Теперь Исмен первым должен стрелять. Он потянулся к гориту, перебрал все стрелы... Вот, незадача! Тяжелые, с трехгранным наконечником закончились. Остались только легкие, охотничьи. Как же он сразу не посмотрел! Ничего не оставалось, как только использовать оставшиеся охотничьи стрелы. Исмен замер, ожидая, когда ветер стихнет, и выстрелил. Точно в грудь! Но наконечник наткнулся на бронзовый щиток, а под ним костяную пластину. Легкая стрела не пробилла защиту, отскочила в сторону. Воины неодобрительно загудели. Сколоты, следившие за поединком, подбежали к вождю. Возмущенно закричали:

– Мальчишка попал. Он выиграл.

– Нет, не выиграл, – вынужден был осадить их Заратата. – Языг на ногах, и может стрелять.

– Но он в панцире.

– Что вы разорались? В панцире. Да. Но лицо у него открыто. Поединок должен длиться, пока противники могут стрелять друг в друга. Таковы правила наших предков.

Языг пустил стрелу, метясь в грудь. Холодный пот прошиб Исмена. Он взмолился мысленно Савру. Стрела юркнула в подмышку. Левый бок и руку обожгло. Исмен оглядел разорванную рубаху. Рука потеплела от крови, на боку расплывалось темное пятно, а стрела торчала в земле позади него. Воины радостно закричали. Исмен облегченно вздохнул, но тут же радость его закончилась: сейчас первым должен стрелять языг.

Стрелки приблизились еще на двадцать шагов. Все смолкли. Расстояние убойное. Только косоглазый промахнется. Исмен отчетливо видел на лице противника выражение радости и уверенности в победе. Сейчас он ему вгонит в грудь стрелу... – и все! Дальше ничего не будет.

Он взглянул в сторону бугра. Фидар стоял и с напряжением следил за поединком. Чем он ему поможет? Вождь сколотов недовольно качал головой. Спитамен шептал молитву. Только энарей был спокоен. Он показал на небо и улыбнулся. Исмен ничего не понял, но странное спокойствие накатило на него. Что ж, пришло время умирать. Он умрет достойно, как настоящий ксай. Разве не об этом он мечтал многие годы? Не от голода он умирает, не от побоев, не перед алтарем с перерезанным горлом, – Мара заберет его с поля боя.

Языг выстрелил. Все! Исмен закрыл глаза и расслабился. Короткие мгновения полета стрелы, несущей смерть, растянулось. Исмен вспомнил всю свою недолгую жизнь, все яркие моменты промелькнули перед взором... Как будто камнем с пращи шарахнуло по макушке. Наконечник глубоко рассек кожу, содрал клоч волос. По затылку и по правому уху заструилась теплая кровь. Сколоты вновь закричали. Громче всех опять орал вождь, подпрыгивая на месте:

– Ксай! Настоящий ксай! Даже не дрогнул.

Фидар с облегчением выдохнул и тяжело опустился на землю. Спитамен воздел руки к небу, благодаря справедливого Гайтасира.

Исмен сразу не понял, что произошло. Он еще жив! Его противник промахнулся. Не может быть! Промажнуться с такого расстояния! Рука дрогнула, а может, силу ветер не рассчитал – не важно. Главное – он жив, и теперь настала его очередь стрелять. Он вложил стрелу в тетиву и нацелился прямо в побледневшее лицо языка. Глаза того округлились от страха. Подбородок дрожал. Вокруг вновь воцарилась напряженная тишина. Выстрел! И язык не вынес, присел, уклоняясь от стрелы.

– Эй! – недовольно закричали воины. – Он трус!

Тут же засвистели плетки, охаживая спину языка. Его взяли в круг и нещадно стегали. Он упал на землю. Извивался, плакал.

– До смерти не забейте! – остановил вождь разъяренную толпу. – Иди сюда! – поманил он Исмена. – Смелчак!

Энарей осмотрел раны, приказал принести его сумку с лекарствами и медную чашу с углями. Сунул в зубы Исмену рукоять ножа, обмотанную кожаным шнуром. Мальчик взвыл от боли, когда жрец промывал ему голову.

– Терпи, воин, терпи, – приговаривал он.

Исмен чуть не потерял сознание, когда жрец сжал края раны и прижег их раскаленным на углях ножом. Когда он обрабатывал таким же образом раны на боку и на руке, Исмен уже ничего не чувствовал. Все плыло перед глазами. Воины поздравляли его, но Исмен не понимал, чего от него хотят.

– Да он совсем бледный, – испугался вождь скотов. – Выпей! – Заратата чуть ли не силой влил в рот мальчика крепкое вино. Желудок потеплел, и стало немного легче. – Молодец! – приговаривал вождь и обратился к воинам: – Достоин он, чтобы его посветили Савру?

– Достоин! Достоин! – закричали воины.

– Тогда ведем его на святой курган.

– Ведем! – подхватили скоты.

Исмена подхватили под локти и куда-то потащили. Он ничего не соображал. От вина кружилась голова, и заплетались ноги, но какая-то легкость и беззаботность овладела им.

Смеркалось. Степняки запалили факела, много факелов. У подножья высокого кургана их уже встречал энарей с ножом и глиняной чашей. Вперед выпихнули юношу в одной длинной льняной рубахе. Исмен узнал в нем своего недавнего противника. С него сняли все, даже сапоги и анаксириды. Двое скотов скрутили ему руки и поставили на колени. Жрец оголил правое плечо пленника и сделал надрез. Несколько капель крови упало в чашу. Кровь он разбавил вином. Вождь, Исмен и несколько старых воинов поднялись на вершину кургана. Там они встали кругом. Энарей вышел в центр и вонзил в землю меч Исмена. Он долго читал заклинания на каком-то забытом наречии, затем окропил лезвие меча вином из чаши. Струйка стекла по клинку и впиталась в землю. Жрец передал чашу вождю. Тот пригубил и протянул воину, стоящему рядом. Чаша прошла по кругу. В конце оказалась в руках у Исмена.

– Пей до дна, – потребовал жрец.

– Ксай! Ксай! Ксай! – оглушительно воскликнули скоты.

Исмен никогда не пил вина, и его совсем развезло. Он плохо понимал, что происходит вокруг. Горел костер. Он сидел в кругу воинов и пел вместе с ними жуткие песни о том, как бесстрашные ксай отрубает головы врагу и сдирают скальпы, а предательница-смерть всегда скачет рядом. Скоты кружились в боевых танцах... Фидар и рыжебородый будин укладывали его на подстилку из сена и заботливо укрыли плащом...

Он проснулся рано утром со страшной головной болью. К горлу подкатывала тошнота. Исмен попытался подняться на ноги. Все закачалось и закрутилось перед глазами. Он на четвереньках отполз в густую траву. Его вывернуло. Стало немного легче. Ужасно хотелось пить.

Мальчик, наконец, смог встать. Над становьем висела тишина. Воины спали вповалку, увернувшись в плащи. Едва дымили сонные костры. Женщины готовили еду, стараясь не шуметь: разделявали мясо, варили сыр, снимали сливки с только что надоенного молока. Одна из них протянула Исмену чашу с кислой и очень соленой сывороткой. Мальчик жадно выпил все до капли. Живот забурлил и заходил ходуном.

Он вспомнил, что где-то рядом протекает небольшая речка. Решил напоить коней и самому освежиться холодной водой. Наткнулся на Фидара. Аорс сидел на земле, скрестив ноги, и отводил кромку меча узким точильным камнем. Противно чиркал камнем по железу так, что у Исмена холодок пробежал по спине. После нескольких чирканий, поднимал лезвие на уровне глаз и внимательно осматривал кромку. Делал это неспешно, аккуратно. Рядом лежал на спине будин и громко храпел.

– Пусть Табити даст тебе здоровья, – приветствовал Исмен аорса.

– И тебе того же, – кинул быстрый взгляд на него Фидар. – Ну и рожа у тебя, словно вернулся из царства Мары: бледный, опухший, глаза красные.

– Голова болит, – пожаловался Исмен. – Наверное, от раны.

– Это не от раны. Это от эллинского напитка безумия. У эллинов есть такой бог Вакх.

Он научил людей делать из винограда напиток, которого ты вчера с лихвой попробовал.

– Вино, которое я пил в кругу воинов? – сообразил Исмен.

– Оно самое. Вроде противное, кислое, сыворотка от перекишенного молока – и та вкуснее, но почему-то людям нравится. Мало того – золота за него не жалеют.

– Почему так происходит?

– Из-за веселящего свойства вина. Люди пьют его, а Вакх забирает у них разум. Говорят, тем, кто особо усердствует, он сам является: бородатый, растрепанный, на голове рога, а вместо ног козлиные копыта.

– Больше не прикаснусь к напитку Вакха, – поклялся Исмен.

– Почему же, – пожал плечами Фидар. – Просто, надо знать меру.

– А ты как себя чувствуешь? – спросил Исмен.

– Руку еле поднимаю. – Он оголил рукав, показав посиневшее плечо. – Но ничего, пройдет.

– Я хотел коней напоить.

– Нет, – остановил его Фидар. – После напитка Вакха от человека дух плохой. Лошадям это не нравится. Сходи на речку один, умойся, только воду не пей.

– Но у меня во рту, словно выжженная степь.

– Не пей, – настаивал Фидар. – Еще хуже будет. Мясного отвара надо поесть. Да к полудню двинемся в путь. Нас теперь трое. – Он указал на храпевшего будина. – Видишь, какой голосистый.

– Репейника не видел? – забеспокоился Исмен.

– С местной сворой гуляет. У них свой праздник.

– Что с языгами сделали?

– Отпустили. Роксоланы их увезли. Теперь у нас четыре коня и полное вооружение. Хоть прямо сейчас – в бой.

– Откуда кони?

– Мы же вчера языгов одолели в честном поединке. По закону: конь, оружие и доспехи победитель имеет права отнять у побежденного. Я так и сделал. У тебя теперь будет свой конь. Настоящий, боевой. Доволен?

– Фидар, – попросил Исмен. – Можно я Цырда себе оставлю? А ты моего коня возьми, того, что я выиграл в поединке.

– Ох, погубит тебя Цырда, – недовольно покачал головой Фидар.

– Почему?

– Уж больно конь хороший. Мне вчера за него целую кучу золотых монет предлагали. Многие его купить хотели.

– А ты?

– Я не продал, – успокоил его Фидар. Он отложил точильный камень, загнал меч в ножны и серьезно сказал: – Давай так: можешь ездить на Цырде, но кто спросит – конь не твой.

Несмотря на затянувшийся до глубокой ночи праздник, кочевники вставали бодрыми. Выпив сыворотки, размяв кости, они отправились к священному кургану, совершать жертвоприношение богам.

Вождь вновь расположился все на том же бугре. Слуги расстелили пестрый ковер, поставили низенький ассирийский столик и подали бульон. К бульону свежий сыр и холодное мясо. Рядом на козьей шкуре расположился жрец, все с тем же безучастным видом теребя ивовые прутики для гадания. Напротив, на войлочном чепраке с орнаментом по краям уселся Спитамен, и что-то жарко объяснял вождю сколотов. Исмен проходил мимо. После купания в студеной воде, недуг похмелья, как рукой сняло. Тело горело. Дышать стало легче. И голова не кружилась. Вождь поманил его и заставил сесть рядом на ковер. Велел слуге накормить Исмена.

Между тем посланник вещал о мощи Персии, о скорых победах над мятежной Македонией. Вождь внимательно слушал, не перебивал, иногда кивал. Когда Спитамен закончил, он сказал:

– Ты складно рассказываешь. Да только я не по ту сторону Дона живу. Пять дней назад мое кочевье стояло рядом с Ольвией. Я привел туда рабов на продажу. Но говорящий скот сильно упал в цене. Знаешь почему? Из Фив поступил отличный товар.

– Из Фив? – удивился Спитамен. – С кем воюют Фивы?

– Уже – ни с кем. Города больше нет. Он разрушен, сожжен, вырезан, продан в рабство.

– Это невозможно. По мощи Фивы не уступают Афинам. Даже Дараявуш относится с уважением к этому городу.

– Для Искандера, против которого ты собрался воевать, – оказалось возможным. Теперь вся Эллада дрожит от одного его имени. Ты говоришь Искандер – безусый мальчишка, горячий и глупый. Как же ему удалось успокоить соседей, которые докучали еще его отцу Филиппу. Иллирийцы, фракийцы, фессалийцы – все трусливо примолкли. Эпир, Пеония в родство ему набиваются. Почему не слышно вождей Линкестиды, Орестиды, Элимонтиды? Разве ты об этом не знал? – Заратата покачал головой. – Не Персия собирается напасть на Македонию, а наоборот – Искандер грозит Персии. А о твоём господине Дараявуше доходят слухи, что он труслив. Один из вождей сколотов делал набеги на Урарту, когда сатрапом там служил нынешний кшатра Персии. Никчемный из него полководец.

– Все совсем не так, – уверял Спитамен. – В Персии огромное войско. Чего стоят одни всадники из Баккартии. Массагеты примкнут к Дараявушу. Из Инда придут отряды... Неужели сколоты не хотят отомстить за смерть своего великого вождя – Атея? Он погиб в битве с Филиппом.

– Атей был великим воином, – согласился Заратата. – Только он проиграл войну одноглазому македонянину. Из-за его упрямства и жадности погиб мой брат и еще много славных ксаев. Я не хочу повторять его ошибку. Эй, жрец, – обратился вождь к энарею. – Что советует Великая Мать Табити?

– Не взывай к Великой Матери по пустякам, – тихо ответил жрец, перебирая в руках ивовые прутики для гадания.

– Разве это – пустяк? Должен я или не должен отправлять своих воинов к Дараявушу? Ты можешь спросить у Гайтасира или Аргинпасы? Один из богов должен мне дать ответ.

– Вот, сам и поговори с ними. Я прикажу развернуть шатер Фагимасада.

Слуги поставили небольшой круглый шатер, полог которого был сшит из кожи и расписан магическими рунами. Вождь потащил с собой Исмена. Внутри бок о бок расселись старшие воины. В тесный круг пригласили и Спитамена. Исмена усадили у выхода.

– Сейчас будут происходить необъяснимые вещи, – предупредил мальчика жрец. – Если станет страшно, сразу покинь шатер. Не каждый сможет выдержать присутствие Фэгимасада.

В центр поставили медную чашу с тлеющими углями. Жрец развязал небольшой холщевый мешочек. Извлек из него семена конопли и кинул в чашу. Ароматный дурмящий дым тут же наполнил шатер.

Исмену стало легко. Показалось, что тело совсем ничего не весит и вот-вот оторвется от земли, взлетит.

– О, морской повелитель лошадей, – заунывно пропел энарей, подыгрывая себе на странном деревянном инструменте с тремя струнами из жил животных. – Осчастливь нас своим появлением. Рассуди спор, просвети разум.

Исмен вдохнул полной грудью, и шатер начал медленно вращаться. Лица сидевших перед ним людей с красными бликами от тлеющего угля расплылись, сделались большими, плоскими. Глаза, как бездонные пропасти. Рты, как пещеры. Бороды – дремучие леса. Струны дребезжали, разносясь эхом, словно в пещере.

Земля содрогнулась под копытами могучего коня бога Фэгимасада. Из ноздрей валил дым, и вырывались языки пламени. Исмен не видел коня, но чувствовал, что именно так он выглядит: большой, черный, с горящими глазами. Когда несется над степью, вдоль тела его проблескивают молнии. Стало жутко.

Но не конь так пугал, как сам всадник – грозный повелитель рек, озер и даже морей. Борода его кишит змеями, а от взгляда люди каменеют. Тело его покрыто чешуей, а вместо ушей – жабры.

– Кто меня звал? – прогремел голос бога, словно небо расколосось.

Исмен не смог больше выносить этого ужаса. Он вывалился из шатра, жадно хватая ртом холодный воздух. Никакого грозного всадника и огнедышащего коня не было. Видение потихоньку испарилось. Он приходил в себя, все еще дрожа от страха.

Нашел Фидара. Тот готовился в дорогу. Сразу не узнал аорса. Новенькая одежда из мягкой кожи с длинными полами сзади, удобная для верховой езды. Широкие кожаные анаксириды. На ногах добротные сапоги до колен со шнуровкой спереди. Широченный боевой пояс. По поясу шли круглые медные бляхи. Заметив изумленный взгляд Исмена, объяснил:

– Сменял на доспехи языгов. Панцирь мне узок, грудь давит. Да и не люблю я тяжелые доспехи. Без них и самому легче, и коню. Одежду языгов я носить не буду. Уж лучше одеваться, как сколот. Я и тебе раздобыл. Скидывай свое тряпье и сожги. Вот, – он указал на стопку новенькой кожаной одежды, расшитой по краям птицами и конями.

– Ты и мой панцирь сменял? – спросил Исмен.

– Панцирь – дрянь, одна красота.

– Но стрелу выдержал, – вспомнил Исмен, как он на поединке попал в языга, но не пробил доспехи.

– Охотничью, – напомнил Фидар. – От боевой не спасет. Да не переживай ты. Достанем себе хорошую защиту из каленой бронзы.

Исмен надел мягкую холщевую поддевку, сверху кожаную куртку отличной выделки. Анаксириды нигде не жали. В такие ляжки не сотрешь от долгой езды верхом. Сапоги немного большие, но мягкие, удобные. Никогда не носил такой дорогой одежды. Еще безрукавка, тоже кожаная, с опушкой из зайца. К поясу он даже побоялся прикоснуться, до того тот казался дорогим и красивым, с бронзовыми скачущими конями и грифонами. Фидар помог ему правильно затянуть завязки на боевом поясе. Плащ из мягкой, но плотной шерстяной ткани закре-

пил на плече бронзовой эллинской фибулой в виде свернувшегося кольцом мифического животного, напоминающего леопарда.

– Красавец, – удовлетворенно произнес Фидар. – Что? Не удобно? Ничего, привыкнешься. Это тебе не дерюга из конопли, – настоящая одежда ксяя. Я шлем только не мог поменять. У языгов черепа вытянутые, и шлем, соответственно, с высоким затылком. Сколоты такие не носят. Примерь.

Шлем оказался из тонкой меди в виде головы льва с открытой пастью. Исмен надел войлочный подшлемник, сверху водрузил шлем. Тот оказался большим, налезал на глаза.

– Не беда, – успокоил его Фидар. – Сменяем у кузнеца на котел. – Главное – одежку справили. – Вот, что с ним делать, я ума не приложу, – почесал затылок Фидар, кивком указывая на будина. Здоровяк крепил дорожные мешки на спине вьючной лошади.

– Зачем же ты его выменял у Заратата? – удивился Исмен.

– Так пришиб бы вождь его в гневе. Жалко. Да и зачем нам коровы? Эй! – окликнул он будина.

– Ты звал меня, господин, – пробасил невольник.

– Как имя твое?

– Родители когда-то нарекли Колобудом.

– Это, вроде Встающий с солнцем.

– Точно. Мы солнцу поклонялись и огню. Бог у нас главный – ясноголовый Коло.

– Сколько отроду тебе?

– Скоро будет..., – Он показал два раза растопыренные пальцы обеих рук.

– Два десятка, значит, – сообразил Фидар. – Что делать умеешь?

– Лошадей пасти, коров доить, огонь добывать..., – начал перечислять будин.

– Правду говорить умеешь?

– Чего? – не понял будин.

– Зачем ты мне поддался, когда мы боролись?

Будин насупился, потупил взор и примолк.

– Говори, – потребовал Фидар.

Будин вскинул глаза, полные ненависти.

– Невмоготу мне у Зарататы. Хотел я, чтобы он меня прибил. Вот и поддался.

– Давно ты в неволе?

– Пять годков уж миновало, как я в полон попал. Тогда сколоты мое городище дотла сожгли, а все племя перебили или в Ольвию отвели на продажу. Да ты не переживай, я справно все делать буду.

– Я никогда не держал невольников, – пожал плечами Фидар. – Сам недавно сбежал из рабства.

– Вот это да! – удивился будин.

– Пожалуй, я тебя отпущу ко всем ветрам.

У будина от таких слов дыхание перехватило. Он не знал верить или нет, тому, что услышал. Челюсть его отвисла. Он пытался что-то произнести, но не мог.

– Отпущу, – подтвердил Фидар. – Но с условием: ты вернешься обратно к себе в леса и не будешь мстить сколотам.

Невольник вновь насупился.

– Мне некуда идти. Я же тебе говорил: сожгли наше городище. Приду, а там другой народ живет. Кому я нужен? Забьют, как медведя шатуна.

– Вот незадача, – покачал головой Фидар.

– Отпусти меня без всяких условий, – глухо попросил Колобуд и недобро покосился в сторону становья сколотов.

– Что ты задумал? – уловил его взгляд Фидар. – Я тебя отпущу, а ты Заратату решишь прибить?

Будин напыжился. Зло засопел.

– А коли и так, тебе-то какая разница?

– Сколоты решат, что и я замешен. Нет, на мой век врагов достаточно. Языги преследуют, роксоланы... Ладно, те за Доном живут. А если еще и сколоты по следу пустятся, доказывай потом, что я не в сговоре с тобой. Поедешь с нами, – решил в конце Фидар.

– Как скажешь, – развел ручищами будин.

– Послушай, – вдруг встрепенулся аорс. – Ты же – левша.

– Левша, – согласился будин.

– Копьем владеешь?

– Был неплохим воином.

– А на коне сидишь?

– Не очень...

– Научишься, – обрадовался Фидар. – У персов это называется: клыки льва. Нет ничего опаснее пары разноруких всадников в бою.

– Но я же не ксай, – пожал плечами будин. – Не имею права на коня садиться.

– Это мне решать. Не ксай – станешь им, – просто ответил Фидар. – Я, так вообще – Марой заклеймен.

Будин долго стоял в растерянности, то открывал, то захлопывал рот. Силился что-то сказать, потом вдруг заплакал, подвывая басом.

– Ты чего? – испугался Фидар.

– Я свободный человек, – сквозь вытье выдавил он.

– Надеюсь, ты помнишь еще, как быть свободным. – Звонко хлопнул его по широкому плечу Фидар и сердито прикрикнул: – Хватит ныть!

– Пусть всегда светит тебе Коло! – расчувствовавшись, воскликнул будин и крепко обнял Фидара.

– Рука! – сдавленно прохрипел аорс, посинев от боли.

Снова в пути

Исмен и Фидар пошли попрощаться с вождем сколотов. Заратата и Спитамен отходили от встречи с Фагимасадом, сидя все на том же бугорке и попивая свежее кобылье молоко.

– Уважаемый Заратата-ксай, что же сказал тебе могущественный Фагимасад? – вопрошал Спитамен

– Ты разве не слышал? – удивился вождь. – Он так громко говорил, я чуть не оглох.

– К каждому свой Фагимасад приходил, – напомнил энарей, присаживаясь рядом. – Каждому сказал сакральное слово, предназначенное только для его ушей.

– Так каково же твое решение? – не отставал Спитамен.

– Мальчик мой! – заметил вождь Исмена. – Дай взглянуть на тебя. Да ты – настоящий красавец. А! – толкнул он энарея, – как ему идет одежда сколота. Настоящий хозяин степи. Вот что я подумал: пожалуй, я назову его сыном перед Великой Матерью Табити. Что скажешь, жрец? – Опять повернулся к Исмену: – Хочешь стать настоящим ксаем? Я дам тебе кибитку, табун лошадей и одну из своих дочерей.

Исмен растерялся. Не знал даже, как относиться к словам вождя. Судьба дарила ему счастье стать приближенным к вождю сколотов, но в душе он совсем этого не хотел.

– Не вижу его среди нашего народа, – произнес жрец, как приговор. – Он из племен сираков и никогда не станет сколотом.

– Станет, – упрямылся вождь. – Посмотри на него – вырастет красавцем! Вспомни, как он бесстрашно вел себя в поединке. Даже у меня сердце замерло, когда стрела летела прямо ему в голову. Любой вождь посчитает за счастье иметь такого смелого сына.

Энарей неодобрительно взглянул прямо в глаза вождю и глухо сказал:

– Не забывай, что у тебя уже есть восемь сыновей, а новая супруга принесет еще приплод.

– И что с того?

– Ты думаешь прожить вечно? Не получится. Когда Папай призовет тебя в свою свиту, твои сыновья разорвут мальчишку из другого племени, как волки рвут чужака.

– Так и хочется иногда отрезать тебе язык! – рассердился вождь.

– Отрежь. Только что от этого изменится? – усмехнулся жрец.

– Что изменится? – пыхтел вождь. – Больше не буду слушать твоих дурацких наставлений.

– И наделаешь много глупостей, – зло сверкнул глазами энарей.

– Прости меня, жрец, – моментально остыл вождь. – Он прав, – обратился Заратата к Исмену. – У нашего племени волчьи законы. Но тебе так идет одежда сколота... А это что? – увидел он в руке Исмена шлем в виде львиной головы.

– Он не подходит мне, – вздохнул мальчик. – Голова у языгов не такая, как у всех.

– Да. Точно. Они младенцам затылки перетягивают. Черепа у них, что утиные яйца. А хочешь, поменяемся? Я тебе другой дам, – предложил вождь. – А этот мне отдай. Мой оружейник переплавит его в наконечники для стрел.

Вождь крикнул слуге:

– Принеси шлем. Тот, красивый, что я у иллирийцев выменял за два горита со стрелами.

Исмену поднесли чудо умелого оружейника. Бронзовый купол покрывала тонкая чеканка. Маска правдоподобно напоминала черты человеческого лица, только вместо глаз овальные прорези. Дополнительный щиток в виде двух чешуйчатых рыб защищал лоб. Но самая красивая деталь находилась на макушке: лежащий лев с головой женщины и с широким змеиным хвостом. Хвост спускался на затылок. Из спины мифического зверя торчал высокий гребень черных жестких конских волос.

– О, благородный вождь, я не могу взять его. Это не равный мен, – испугался мальчик.

– Бери! Конь у тебя славный, меч – самого Скопаса. А горит какой красивый. Лук из рогов косули. Не каждый воин такой имеет. Тебе и шлем нужен соответствующий. Бери. Он мне не дорого достался. Да и мы, сколоты такие не носим. У нас, вон, колпаки из бараньей шкуры. Просто тогда шлем мне очень понравился, как игрушка ребенку. А теперь валяется в кибитке без дела. Бери.

– Благодарю тебя, вождь. Буду молить Папая о твоём благополучии.

– Прощай, – грустно сказал вождь и обратился к Фидару: – Береги мальчишку. Он должен вырасти в благородного ксяя. Если беда приключится, ищи мое становище в степи по эту сторону Дона. Я всегда вас приму и помогу.

– Благородный Заратата, – напомнил о себе Спитамен. – Так, как же о моем деле?

– Не дам я тебе воинов, – отрезал вождь.

– Ты мне не веришь?

– Тебе – верю, Дараявушу – нет. Думай, что хочешь. Но мои воины не пойдут с тобой. Прощай! – И он резко поднялся. – Коня мне. Снимаемся с места.

Всадники двинулись гурьбой в степь, следом закрипели колесами кибитки. За ними пастухи погнали стада коров, быков и коз. Пронесся многочисленный табун, поднимая тучи пыли. Племя скотов ушло на север, к Дону. Становище опустело. Только чернели пятнами остатки кострищ, да вокруг вытопанная трава. Стало непривычно пусто и тихо.

Фидар, Исмен и Колобуд направились в противоположную сторону. Будина посадили на коня языга, которого поверг Фидар. На четвертую лошадь навьючили копья, щиты и кожаные мешки со скарбом. Остановились возле шатра Спитамена. Слуги сворачивали полог, укладывали в большие деревянные сундуки дорогую посуду.

– Куда теперь? – спросил Фидар у массагета.

– Пройду к верховью Дона, потом обратно. Сколько смогу, столько найму всадников. Ты не хочешь ко мне присоединиться. Дараявуш платит хорошо, – предложил Спитамен.

– В другое время я так бы и сделал. Но сейчас хочу попасть в родную землю. Там шесть лет обо мне ничего не слышали. Надо отцу с матерью поклониться. Да еще невеста меня ждет. Самая красивая девушка в горах.

– Понимаю, – кивнул Спитамен и грустно улыбнулся.

– Если обратно будешь идти через Аланские ворота, заходи ко мне в долину. Буду рад.

– Обязательно заеду. Прощай!

Они ехали по высокой траве, доходившей коням до брюха. Репейник, довольный и важный, бегал впереди зигзагами, что-то вынюхивая. Небо постепенно затягивало серой пеленой.

– Фидар, – спросил Исмен. – Что теперь будет с языгами, которых мы победили?

– По-хорошему, надо было бы их убить. Они оклемаются и будут нас искать, чтобы смыть позор кровью.

– Долго искать?

– Всю жизнь. Иначе им житья не дадут соплеменники. Готовься. Рано или поздно, с ними еще раз придется сразиться.

– А ты будешь учить меня воинскому искусству?

– Конечно. Ты же теперь в моем отряде.

– У нас отряд?

– Трое воинов – сила. Если соберем двадцать одного воина, то можем придумать свой боевой клич.

– Покажи хоть какой-нибудь прием, – попросил Исмен.

– Чему бы тебя такому хитрому научить, – задумался Фидар. – Силенок еще маловато. Если сойдешься с опытным воином... Вот, смотри: на тебя нападает всадник. Он видит, что ты слабее, и решит просто ударить тебя копьём сверху в голову или в шею.

Фидар заехал чуть вперед, развернулся и поднял над головой копьё, взяв его обратным хватом.

– А мне что делать?

– Воин будет нападать на тебя правым боком, чтобы особо не мучиться. Ты не позволяй, уходи влево. Так. Правильно, – похвалил Фидар. – Держи копьё прямым хватом. Так! Древко обопри о холку коня. А острие подними вверх, как будто целишь ему в лицо снизу. Так. Понял?

– Понял. А дальше?

– Давай попробуем, только тупыми концами копий.

Они разъехались и начали сближаться.

– Я бью. Не отклоняйся назад, наоборот – подныривай под копьё и снизу бей щитом по наконечнику. Сильнее! Вот так!

Несколько раз Фидар ткнул копьём. Пару раз попал в лоб Исмену. Наконец получилось: Исмен уходил от удара и отбивал копьё.

– Своим копьём целясь противнику в лицо. Так! Он вынужден поднять щит выше, и откроет живот. Запомни два правила. Первое: всегда смотри противнику в глаза. Если даже коротко взглянешь туда, куда хочешь ударить, опытный воин сразу поймет, что ты задумал. Второе правило: когда противник нападает, он больше всего уязвим. И еще одно: ты с первого же взгляда должен оценить врага: насколько он силен, как хорошо владеет оружием, а главное – боится он тебя или не видит в тебе достойного противника. Представь, что враг сильнее, тогда ты должен быть быстрее и ловчей. Он попытается надавить всей мощью. Ты должен уйти от прямого натиска, схитрить.

– Мне надо бить в живот, – сообразил Исмен. – Сделать вид, что целюсь в лицо, а самому ударить под щит.

– Правильно. Отбивай копьё, и тут же опускай свое, бей в живот. Попробуем.

Исмен сделал все, как учил Фидар. Тот даже крякнул, получив тычок под ребра.

– Способный ученик, – похвалил его аорс. – Попробуем еще.

Они повторили упражнение несколько раз. Исмен старался выполнять все в точности.

– Отлично! – похвалил его Фидар.

– А дай-ка я, – попросил Колобуд и без предупреждения напал на Исмена.

Исмен не оплошал: отбил копьё и ткнул в каменный живот будину.

– Получается! – обрадовался юный ксай. – Еще приему научи.

– Сначала этот отработай до совершенства, – покачал головой Фидар и спросил у Колобуда: – Сидя на коне, умеешь с копьём обращаться?

– Научусь, – заверил его будин. – Только это, – он взвесил на руке копьё, – легкое оно для меня. Потяжелее надо и длиннее на пару локтей. А еще пару дротиков. Я далеко метаю.

– В ближайшем селении найдем кузнеца и поменяем, – пообещал Фидар.

– И мечом таким я не привык действовать, – пожаловался он, клацнув коротким эллинским ксифосом в ножнах.

– А что же тебе надо?

– Кувалду. У меня раньше булыжник был круглый с дырой посередине, я его на палку насаживал. Медведя валил с одного удара. Когда собаки лохматого разозлят, он становится на задние лапы и идет вперед. Я его в грудь – Бах!

– И много так медведей завалил?

– Двоих. Правда, те молодые были. Вот, третий попался! Ух, матерый. Уклонился, я в плечо ему врезал. Так он другой лапой мне так въехал! Весь бок разодрал. До ребер достал. Хорошо, мужики подоспели, рогатинами его закололи.

– Так тебе надо молот кузнечный, – решил Фидар.

– Пойдет, – согласился будин. – С молотом еще лучше. И на клин его заточить, с одной стороны. Я таким любой щит пробью.

Вскоре начал накрапывать мелкий дождь, холодный и противный. Степь становилась неровной. Плоские возвышенности сменялись глубокими оврагами. Сквозь пелену облаков впереди показалась едва заметная синяя полоса.

– Я вижу горы, – радостно воскликнул Фидар.

Дождь лил не переставая. Земля раскисла, и копыта лошадей скользили. Прочная кожаная одежда скототов, и та промокла на плечах.

К вечеру набрели на небольшое поселение землепашцев и ремесленников. Невысокий насыпной вал венчали стены в человеческий рост, сложенные из булыжника на глине. Внутри теснились низенькие домики из глинобитного кирпича с соломенными двускатными крышами. Широкие ворота оказались закрыты наглухо. По обеим сторонам ворот торчали высокие шесты с коровьими черепами наверху. Двое стражников, еще подростки, вооруженные копьями, встретили путников:

– Кто такие? Каким богам молитесь?

Фидар уловил выговор и обернулся к Исмену:

– Это сираки. Сможешь с ними переговорить, чтобы пропустили?

Исмен выехал вперед.

– Мы вольные воины, – сказал он. – Гостили в становье благородного вождя скототов Зарататы. Едем в земли аорсов. Хотели переночевать в вашем селении, а с рассветом двинемся дальше.

Усыхав родной выговор, молодые стражники успокоились, а когда прозвучало имя вождя скототов, недоверие к путникам вовсе пропало. Но один из стражников сказал:

– Мы могли бы вас пустить в город, только нам не позволено.

– Почему? – не понял Исмен.

– Торговый караван из Персии прибыл на закате. Караван охраняют саки. Старший приказал запереть ворота и никого не пускать.

– Так позови старшего, – потребовал Фидар. – Не будем же мы всю ночь мокнуть в степи.

– Но он отдыхает.

– Не позовешь – так войдем, – пригрозил Фидар.

Охранник скрылся. Вскоре опять появился в сопровождении низкого коренастого воина в кожаной длинной куртке. Недобрым взглядом он окинул всадников.

– В поселении караван разместился, – сказал воин. – В домах места нет. Езжайте дальше.

– Не очень-то ты гостеприимный, – в голосе Фидара послышалась угроза. – Смеешь дерзить воинам Спитамена.

– Не пугай меня Спитаменом, – зло ответил сак, но в голосе его проскользнули нотки страха. – Я сам служу Бессу, сатрапу Бактрии.

– Не смей меня, – негодуяще воскликнул Фидар. – Никогда не поверю, чтобы слуги Бесса опустили до охранников каравана.

– Много ты понимаешь, – сквозь зубы процедил сак и буркнул подросткам. – Пропустите их. – Повернулся, зашагал в город.

Поселение оказалось небольшое, около сорока дворов. Дворы располагались по кругу, примыкая к защитной стене. В центре – площадь. Сейчас на площади разместился караван: телеги, вола, загон с лошадьми.

Фидар кулаком забарабанил в ближайшую дверь. Высунулся сонный хозяин.

– Народу полно, – не пустил он.

Проехали еще несколько домов – везде отказали, везде места свободного нет. Уже совсем стемнело. Дождь усилился. Хлестал холодными струями. Фидар указал Колобуду на калитку в заборе:

– Надоело проситься. Воины мы или нищие бродяги?

Будин слез с коня и плечом высадил калитку. Лохматая собака кинулась на него, злобно ощерясь. Репейник тут же подмял ее под себя. Выскочил хозяин с дубиной в руках. Ему под ноги покатился мохнатый рычащий клубок. Он отпрыгнул в сторону. Репейник загнал дворовую собаку в щель между домом и овчарней. Успокоился, с достоинством обошел двор, обнюхивая каждый угол.

– У меня в доме торговец важный, – пытался вытурить их хозяин.

– Под навесом поспим, – отпихнул его Фидар. – Принеси нам поесть чего-нибудь и корма для лошадей. Да не бойся ты, заплатим.

В дальнем конце двора нашли небольшой, но сухой сарай под соломенной крышей. Потеснили корову с теленком. Выгнали стадо коз. На их место поставили коней. Сами улеглись тут же в охапки соломы. Пришел хозяин с кувшином молока и едовней мяса. Окликнул путников. В ответ услышал храп. Пожал плечами, и отправился обратно в дом.

Исмен проснулся от журчания. Он открыл глаза, повернулся и увидел, как худенькая девчонка в серой льняной рубахе доит корову. Молоко тонкой струйкой падало в глубокий глиняный чан. Теленок тянулся к чану и жалобно мычал, но девчонка безжалостно отгоняла его. На узких плечах лежала шаль из вязаной козьей шерсти. Ноги босые. Светлые косы падали ниже пояса.

Исмен с удивлением обнаружил, что Фидар с будином уже куда-то ушли. Даже Репейник убежал по делам. Исмен поднялся, размял мышцы. Девчонка вздрогнула, обернулась. Тут же быстрым движением накинула на голову шаль, укрывая косы. Зачерпнула кривой глиняной кружкой из чана молока и протянула Исмену. Он с наслаждением выпил теплого пахучего молока. Пока пил, девочка не отрывала от юного воина восхищенного взгляда. Даже не заметила, как теленок тихо подобрался к чану и принялся лакать. Исмен поблагодарил маленькую хозяйку, сорвал с пояса бронзовую бляху в виде скачущего коня и подарил ей. Затем пошел к лошадям, им осмотрел ноги. Нашел во дворе колодец, по кругу обложенный булыжником. Наполнил кожаное ведро водой и плеснул в деревянное корыто. Когда животные напились, он закрепил чепраки, навьючил коней и вывел их на улицу, перед тем расплатившись с хозяином за ночлег тремя стрелами.

Занималась заря. Умытое после ночного дождя небо сияло чистой синевой. На площади в центре городка караванщики запрягали повозки, готовясь продолжить длинный путь. Волы протяжно мычали, погонщики покрикивали на них. Из калиток домов выводили коров. Пастух гнал стадо в поле. В небольшом загоне стояли кони высокие, с тонкими сильными ногами. Головы большие, шеи толстые, груди широкие. Чепраки на них войлочные, с красочной кожаной аппликацией.

Исмен привязал своих коней к коновязи у одного из домов. Постучался в калитку. У хозяйки сменял мешок ячменя и круг сыра за девять стрел. Когда вышел обратно, то увидел, что возле Цырда крутится коренастый сак в длинной персидской рубахе, расшитой птицами. Он гладил коня по шее, трепал гриву. Конь недовольно фыркал, сердито косился на чужака.

– Что тебе надо? – спросил его Исмен.

Сак окинул его презрительным взглядом и сквозь зубы спросил:

– Твой конь?

– Мой.

– Эй, Емын, – окликнул его товарищ со стороны загона для лошадей. – Чего ты там высматриваешь?

– Коня хочу поменять, – не оборачиваясь, ответил тот. – Мой совсем старый и хромот. – Обратился снова к Исмену, тоном, не терпящим возражений: – Отдай его мне. Взамен возьми, вон, рыжего с красным чепраком, – он указал на понурого старого мерина со струпами на боках.

– Спасибо за предложение, но я не хочу меняться.

– Что значит: не хочешь? Я сказал: бери, значит – бери, – нагло крикнул сак и принялся отвязывать Цырда.

– А я не буду менять, – оттолкнул его Исмен.

– Да ты знаешь, кто я такой, мальчишка! – набросился на него сак, сгреб Исмена в охапку и попытался отбросить в сторону. Но Исмен вывернулся, выхватил нож, с бедра и ударил сака. Тот еле успел отклониться. Лезвие все же вспороло роскошную персидскую рубаху на груди.

– На кого ты руку поднял! – Лицо сака потемнело от гнева. Раскосые глаза превратились в щелки. Нижняя челюсть, поросшая жалкой бородкой, выдвинулась вперед. Он выхватил акинак и кинулся на Исмена. Фидар, подоспевший вовремя, перехватил занесенную руку и вывернул меч.

Здоровяк, что стоял у загона, громко заорал:

– Все сюда!

С площади, где впрягали волов, подбежало человек двадцать вооруженных саков.

– Что за крики? – недовольно спросил старший, тот, что ночью не хотел пускать путников в город.

– Мальчишка кинулся на меня с ножом, – показал обидчик распоротую одежду.

– Башку ему надо свернуть! – выкрикнул один из охранников и потянулся огромной лапой к Исмену, но натолкнулся на мощную грудь будина.

– Сам тебе башку сейчас проломлю, – грозно прорычал Колобуд, играючи вертя в руке увесистый кузнечный молот.

Заскрежетали акинаки, вылетающие из ножен.

– Стойте! Стойте! – растолкал всех старший. – О чем спор? За что он на тебя с ножом кинулся?

– Я коня хотел его взять. Нам разрешено отбирать коней. Мой совсем хромает.

– Разрешено коней отбирать там, в Персии, на крайний случай в Армении, – втолковал ему старший. – А мы на землях сколотов. Потом, если путники не врут, то они из отряда Спитамена.

– Плевать мы хотели на Спитамена! Пусть отдает коня! – заорали саки.

Старший поднял руку, все смолкли. Он взглянул на Исмена:

– Придется тебе отдать коня, или отстоять свое право в поединке.

– Правильно! Это по закону! – согласились саки.

– Конь мой, – сказал Фидар. – Со мной и дерись.

– Нет! – крикнул сак в распоротой рубахе. – Мальчишка сказал, что конь принадлежит ему. Вот, пусть сам его и отстаивает.

– Что за честь воину с мальчишкой сражаться? Со мной сразись! – требовал Фидар.

– Если он с акинаком, значит – воин. Или нечего цеплять меч на пояс.

– Правильно! – подтвердили саки.

– Но ты же сильнее его.

– Не бывает воинов равных по силе. Всегда один слабее, другой сильнее, – встрял старший охранник. – Если нацепил акинак – значит воин.

– Правильно! – подхватили саки. – Пусть бьется!

Фидар толкнул Исмена к себе за спину, сам выставил вперед меч. Тут же рядом встал Будин и приготовился размозжить голову первому, кто сунется.

– Мы все равно вас порубим в куски, – предупредил старший.

– Я знаю, – согласился Фидар, холодно взглянув ему в глаза. – Но некоторых из вас придется хоронить сегодня. Подходи, будешь первым.

– Сам напросился! – Старший охранник пригнулся и сделал короткий шаг вперед.

Саки встали полукругом, готовые кинуться в атаку. Силы не равные. Куда им втроем против двадцати человек. Ну, положат они пятерых...

– Я буду биться. – Исмен растолкал Фидара и Колобуда, решительно вышел вперед.
– Не смей! – попытался остановить его аорс.
– Я буду биться! – настойчиво повторил Исмен. – Я виноват, мне и отвечать.
– Вот, так бы и давно, – удовлетворенно сказал старший охранник, опуская меч.
– Птенец напыжил хохолок, – рассмеялись саки.
– Выбирай оружие, – снисходительно разрешил ему обидчик.
– Копье и щит, – выдвинул условие Исмен.
– Как угодно, – согласился сак.
– Сражаться будем верхом.
– Верхом, так верхом, – пожал он плечами. – Мне все равно: в землю тебя вбить или с коня скинуть.

– Разбирайся тут с мальчишкой побыстрее, – сказал старший охранник. – Повозки уже запряжены. Я начинаю выводить караван.

Он отправился в сторону площади, где протяжно мычали волы и скрипели колеса.

– Он же тебя с одного удара..., – посетовал Колобуд. – Что же ты...

– Лучше меня одного, чем всех бы нас сейчас здесь положили, – ответил Исмен, залезая на коня.

– Помнишь, чему я тебя учил? – тихо спросил Фидар, подавая Исмену копье.

– Помню.

– Да сохранит тебя Савр. Главное: не бойся его. У него копье, и у тебя тоже. Он чувствует над тобой превосходство, в этом его слабая сторона.

Саки образовали широкий круг в ожидании поединка. Исмен смело двинул коня вперед. Как учил Фидар: смотрел только в глаза противника.

– Гляди-ка, шлем у мальчишки какой красивый, – кричал один из охранников. – Шлем мне отдашь, когда с птенцом разделаешься.

– А мне меч подаришь, – требовал другой. – Мне его акинак понравился.

– Я горит у тебя сменяю на пять золотых монет, – предложил третий.

– Горит я уже облюбовал, – встрял четвертый. – Давай так: тебе горит и стрелы, а мне лук.

Исмен старался не обращать внимание на крикунов, которые уже делили его имущество. Он весь сосредоточился на противнике. Заметил, как сак бросил быстрый взгляд на его шею. Значит, сюда решил бить. Исмен намеренно опустил щит. Вот она, шея, открытая. Бей! Сак взял копье обратным хватом и тронул коня. Они сблизались правыми боками. Сак замахнулся, подняв копье над головой. Но Исмен дернул поводья в сторону и неожиданно зашел слева, выставив копье снизу-вверх, метя в лицо противника. Сак поднял щит, закрывая голову, тяжело развернулся вполоборота и ударил. Ударил мощно, вкладывая все силы. Исмен резко нагнулся чуть вперед и наотмашь отбил копье щитом. Сак едва не потерял равновесие. Исмен сразу же выпрямился и ткнул ему в живот. Он не видел, но хорошо почувствовал, как копье легко вошло в мягкую плоть. Противник так был уверен в своем превосходстве, что даже не надел боевой пояс. Цырда дернулся вперед, и наконечник, разворотив бок, выскользнул наружу.

Исмен проскакал несколько шагов, обернулся. Сак выронил оружие и шмякнулся на землю, словно мешок с зерном. Кровь темной лужей растеклась из разорванного бока. К нему тут же бросились товарищи. Кто-то нагнулся осмотреть рану. Они стояли над ним в растерянности. Сразу никто не мог поверить, что какой-то мальчишка так легко справится с бывалым воином. Такого не может быть! От увиденного, Исмен сам впал в оцепенение. Как-то все быстро и легко получилось.

Фидар, пользуясь замешательством, вскочил на коня, схватил повод вьючной лошади.

– Уходим! – крикнул он.

Исмен с трудом понял, что от него хочет аорс, проносясь мимо.

– Держи их!

Опомнившись, саки кинулись к Исмену, размахивая мечами. Новая угроза привела его в чувство. Он помчался вслед за Фидаром.

Всадники обогнули торговую площадь и направили коней к воротам. Створки стояли распахнутыми настежь. Повозки вереницей медленно выезжали на дорогу. Старший сак следил за порядком в караване. Он обернулся на крики, заметил беглецов и тут же выхватил копьё. Решил преградить путь.

Фидар обернулся и крикнул Исмену:

– Убери его с дороги!

Сам он не мог вступить в бой, так, как вел вьючную лошадь.

Исмен продолжал держать в правой руке копьё с окровавленным наконечником. Не задумываясь, он перехватил его обратным хватом и метнул в старшего охранника. Точно в кадык! Лошадь сака испугалась и шарахнулась в сторону. Всадник упал в грязь.

У самого выезда затор из телег. Беглецы плетками расчистили себе дорогу. Испуганные погонщики разбежались. Волы рванули повозку, что застряла в проезде. Повозка перевернулась. Кожаные тюки с дорогими тканями, кувшины с маслом и зерном – все вывалилось на дорогу.

– А где Колобуд? – вспомнил Исмен.

– Догонит, – спокойно ответил Фидар.

Охранники бросились к загону с конями, чтобы организовать погоню. Не тут-то было. Будин одним ударом кувалды повалил половину загона. Репейник вцепился в ляжку одному из коней и тут же, увернувшись от копыта, отпрыгнул в сторону, вновь вцепился. Одурев от боли, конь рванул, не разбирая дороги, а за ним в панике и все остальные.

– Теперь они долго будут их ловить, – рассмеялся Фидар.

Один из стражников пытался ударить Колобуда копьём, но промахнулся, и тут же упал с раздробленным черепом.

Степь расстилалась пестрым цветущим ковром. Благоухала так, что голова кружилась от ароматов. Солнце начинало приятно припекать. Порхали пестрые бабочки, стрекотали неутомные кузнечики. Юркие ласточки носились в небе друг за другом.

– Привал, – скомандовал Фидар и устало слез с коня.

– За нами не будет погони? – спросил Исмен.

– Нет. Саки караван не бросят, – успокоил он. – Не хорошо, конечно, получилось. Но мы не виноваты. Они сами напросились.

Исмен сел в траву, потянул колени к подбородку и застыл. Лицо его побледнело, а глаза расширились.

– Что с тобой? – испугался Фидар.

– Я убил двух человек, – прошептал он.

– Экая невидаль. Ты и раньше убивал. Помнишь Скопаса или того роксолана у реки?

– Нет, ты не понял меня, – как-то совсем глухо выдавил из себя Исмен. – Стрелой – это одно, но, когда чувствуешь, как копьё входит в живое тело... Жуткое ощущение. – Исмен задрожал, как от холода. – Я его ткнул и почувствовал, что – все, дух из него выходит.

– Брось, – успокаивал его Фидар. – Вон, видел, как будин голову саку, словно орех расколот, – и ничего, не переживает.

– Нет, – подтвердил Колобуд. – Я бы еще с удовольствием Заратату голову снес и всему его племени поганому. А потом бы песни пел.

– Никак проснулся воинский дух, – засмеялся Фидар.

– Еще как! Шесть лет, шесть долгих лет спал, но сейчас... Попадись мне сколот!
Исмен упал в траву и зарыдал, вздрагивая всем телом.

– Сломался мальчишка, – вздохнул будин.

– Ничего. Пройдет.

Фидар поднял Исмена и прижал к груди, мягко приговаривая:

– Ну, чего ты разнылся? Сам же хотел воином быть. Судьба у нас такая, у ксаев: мы убиваем, а кто-то и нас когда-нибудь пришьет. Тебе надо очиститься. Попросить прощения у духов убитых и объяснить богу Савру, что ты поступил так не из злого умысла, – ты защищался. Успокойся. Давай, я покажу тебе, как надо обращаться к грозному Савру.

Исмен немного успокоился. Фидар вынул акинак, воткнул его в землю и сказал:

– Встань на одно колено перед мечом. Солнце должно светить тебе в глаза. Три раза скажи каждой душе: «Прости!» Савру расскажи все, как было. Молись. Мы отойдем и не будем тебе мешать. А Савр – бог справедливый. Он все поймет и даст тебе силы.

Исмен самозабвенно молился, закрыв глаза. Яркое живое солнце слепило. Его лучи проникали сквозь сомкнутые веки. Исмен честно покаялся перед богом, выложил все, что было у него на душе. Попросил прощения у убитых.

Горячее дыхание обожгло щеку. Стало щекотно от прикосновения чего-то теплого и влажного. Исмен открыл глаза и оглянулся. Цырда стоял рядом и тянулся мордой к хозяину. Вдруг стало легче. Мальчик поднялся и обнял коня за шею, погладил жесткую гриву. Конечно же, это всемогущественный грозный Савр прислал его. Конь прошептал ему на ухо, что он прощен.

– Фидар, – крикнул мальчик. – Я отстоял коня.

– Забирай, – согласился аорс. – Конь твой.

Дорога третья «Горы»

Встреча с Кавказом

Несколько дней провели верхом, не встречая людей. Как будто все вымерли. Только дикие стада паслись в степи, да рыскали хищники, прячась в высокой траве. Оно и понятно – весна, кочевники гонят скот на север к просыпающимся заливным лугам.

Вставали рано. Чтобы размять кости, Фидар и Колобуд боролись, потом Фидар показывал Исмену приемы рукопашного боя с копьём или с мечом. Наскоро перекусив, садились на коней. Останавливались только с закатом. Синяя полоска гор у виднокрая росла и вскоре превратилась в неровный скалистый хребет.

Вечерело. Облака, похожие на растрепанные гусиные перья, заволакивали небо. Как будто рыжая небесная лиса, чей хвост огненным шлейфом еще виднелся над горизонтом, устроила разбой в птичьем гнезде. Вечерняя дымка серого тумана нехотя заполняла долину. Туман не клубился и не наплывал сплошной стеной, а тянулся тонкими полосками.

Перед путниками выросла гора, словно высоченный курган. Склоны горы пологие. Вершина как будто сглажена.

– Наконец-то я дома, – вдохнул Фидар полной грудью, и глаза его заблестели. – Заночуем на вершине. Там есть пещеры.

Они поднялись, огибая торчащие уступами скалы. Полоски тумана остались внизу. Нашли небольшой грот, где можно было укрыться от пронизывающего холодного ветра. Впереди выросла еще гора, странная, с пятью вершинами.

– Фондз Хох, – объяснил Фидар. – Пять вершин.

Вскоре совсем стемнело.

– Смотрите, какое небо! – зачарованно говорил аорс, подняв глаза к черной сверкающей бездне. Облака разошлись, а звезды нависали так низко, что казалось, протянешь руку, и можно набрать целую пригоршню драгоценных камней. – Здесь даже звезды сверкают ярче.

Костерок пылал, отбрасывая блики на серые скалы песчаника. Путники сидели вокруг костра, кутаясь в плащи.

– Фидар, а как нас примет твой народ? – беспокоился Исмен. – Мы с будином из чужого племени, не знаем ваших обычаев...

– В этих горах столько племен смешано, как трава в степи... Вы не беспокойтесь, если человек пришел с миром и добром, к нему так же будут относиться – как к родному. Но если он размахивает мечом – горе ему. Главное – теперь мы свободны.

– Как нам держаться? Что говорить, приветствуя старших? Можно ли смотреть женщинам в лицо? – не унимался Исмен.

– Сам почувствуешь, как надо вести себя, где я подскажу, – уверял его Фидар.

Пламя в костерке вспыхивало, раздуваемое ветром. Но вдруг ветер неожиданно стихал, и пламя успокаивалось. Под нудную песню уахуза и под треск хвороста в костре Исмен уснул.

Его разбудил яркий свет. Солнечные лучи коснулись щеки, как теплые мягкие пальчики. Будин еще храпел, укутавшись с головой в серый пропыленный плащ. Словно медведь рычал. Фидар уже поднялся. Его место оказалось пустым. Исмен встал, размял затекшие ноги. По узкой, еле заметной тропке обогнул скалу и оказался у обрыва. Фидар стоял неподвижно на самом краю. Озорной ветер трепал его кудри, пытался сорвать плащ с плеч.

– Фидар! – окликнул его Исмен.

– Иди скорее сюда, – не оборачиваясь, позвал его воин.

Исмен подошел, и у него захватило дух. Под ним расстилалась зеленая долина. Серебристой извилистой нитью сверкала быстрая горная река. Так, наверное, боги видят землю с небес. За долиной поднимались могучие синие горы. А над горами возвышался, сияющий белизной, двуглавый великан.

– Отец Эльбрус, – дрожащим голосом произнес Фидар. – На его вершинах живут боги. Какой же он красивый! А воздух здесь какой сладкий! Посмотри, что за чудесные луга! Моя земля!

– Почему Эльбрус белый? – спросил Исмен. Ветер рвал слова.

– Там всегда лежит снег и никогда не тает.

– Но как же боги пасут свои стада? – не понимал Исмен.

– Чудак! – усмехнулся Фидар и потрепал его по плечу. – Разве небесным коням нужна трава?

Наскоро перекусив, они спустились в долину и продолжили путь. Конь под Фидаром, будто чувствовал настроение хозяина, то и дело пытался переходить на рысь. Аорсу приходилось его сдерживать.

– Я никогда не видел гор, – признался Исмен. – Думал, что мир состоит только из степи и моря. Горы представлялись мне высокими курганами... Но они такие огромные!

– Старики говорят, что у каждой горы есть душа и своя легенда, – сказал задумчиво Фидар.

– А что за легенда у той горы, с пятью вершинами и у той, на которой мы отдыхали?

– Где мы ночевали, гора названа по имени красавицы Машуко. Не было девушки стройнее и краше. Лицо круглое, брови тонкие, глаза огненные. Влюбился в нее старик Эльбрус. Но сердце прекрасной Машуко принадлежало молодому ксаю. Разозлился Эльбрус и вызвал его на поединок. Бились они на секирах. Ксай размахнулся и рассек голову Эльбруса на две части. Но силен был старый великан. Умирая, он изрубил молодца на пять кусков. Вот Машуко и плачет вечно, склонившись над телом любимого. Оглянись, посмотри повнимательнее, ты увидишь девушку, рыдающую над убитым ксаем.

– Пастухи! – крикнул будин, указывая вперед.

Белым потоком медленно двигались кучерявые овцы. Двое наездников погоняли отару. На головах пастухов мохнатые шапки. Такая же мохнатая одежда без рукавов, грубые холщевые штаны и войлочная обувь.

– Пусть мир поселится в вашей долине! – крикнул Фидар пастухам.

– Спасибо. И тебе – легкой дороги, – ответил басом крепкий бородач. – Куда направляетесь?

– К горе святой Румы.

– Поворачивайте. По этой дороге не проедете.

– Почему? – расстроился Фидар.

– Три дня в горах сильный ливень шел. Реки с ума сошли, все дороги размыли. Идите через горы.

– Но это же – крюк огромный.

– Тогда ждите. Дней через пять вода успокоится.

Фидар тяжело вздохнул.

– Поворачиваем.

Путники попали в ущелье, где среди отвесных неровных стен бурлила горная речка. Напоили коней.

– Вода ледяная – зубы ломит, – пожаловался Исмен.

– Вон, видишь, из скалы ключ бьет, – показал Фидар выше по тропинке на тоненькую струйку, с шипением вырывающуюся из камней. – Это теплый источник.

Исмен подошел к ключу и набрал в ладони воду.

– Она пахнет тухлятиной, – с отвращением сказал он. Попробовал на вкус, тут же выплюнул, скривился. – Отравы.

– Глупый ты, – рассмеялся Фидар, смело зачерпнул вонючую, пузырящуюся воду и с наслаждением выпил. – Нарзан – напиток ксаев. Он лечит любые раны и восстанавливает силы.

– Да как же его можно пить? – возмутился Исмен.

– Сам Фагимасад подарил нарзан людям. Это не просто вода, нарзан – божественный напиток.

– Неужели, сам Фагимасад? – засомневался Исмен. – Как же это произошло?

– Далекая история. Как-то в горах год за годом повторялась засуха. Реки обмелели, а иные вовсе пересохли. Трава выгорела. Скот погибал. Люди голодали. Ходили за водой далеко в горы. Не все возвращались. Кто в пропасть срывался, на кого зверь нападал, иных горные духи изводили. Однажды через наше селение путник шел. Старик дряхлый, в ветхой одежке, немощный, горбатый. В руках посох – палка сучковатая. Подошел он к одному селянину и попросил воды. «Не могу я тебе дать воды, – вздохнул селянин. – Для детей берегу последний кувшин». «Посмотри на меня, – взмолился старик. – Я долго иду. Ноги меня еле держат. Я не прошу у тебя хлеба, не прошу кров. Всего лишь – глоток воды. Или ты хочешь, чтобы я умер от жажды прямо перед твоим порогом?». Пожалел его селянин и вынес старику последний кувшин, что для детей приберег. А старик взял, да и выпил его до дна. «Эх, что же ты сделал, – горестно вздохнул селянин. – Теперь и я, и мои дети иссохнут от жажды». «Не печалься, – ответил старик. – Помогу твоему горю». Вдруг он расправил плечи и превратился в грозного великана. Посох в его руке сделался железным копьём. Размахнулся великан, да как стукнет острием в скалу. Молнии во все стороны разлетелись, горы задрожали, и из недр забил источник. Вот так Фагимасад подарил моему народу нарзан.

Исмен набрался храбрости, зачерпнул ладонями воду и выпил.

– А, ничего. Привыкнуть можно. – Вдруг что-то привлекло его внимание. – Посмотри. – Исмен указал вверх.

На выступе серой скалы лежал выбеленный от солнца и времени лошадиный череп. С черепа вниз спускалась коса, сплетенная из конских волос. Коса была черная, а самый конец ее колыхался по ветру ярко красной кистью.

– Ох, куда нас занесло, – недовольно сдвинул брови Фидар. – Надо бы поскорее убраться отсюда.

– Чей это знак?

– Народ здесь живет жестокий. К ним в руки лучше не попадаться.

Ничего не объясняя, Фидар заставил спутников вновь сесть на коней и быстрее продолжить путь. Тропа еле проглядывалась среди низкой травы. Слева тянулись неровные отвесные стены, изъеденные ветрами и дождевыми потоками. Справа обрыв. Внизу шумела река. Другой берег поднимался такими же отвесными скалами.

Ущелье сужалось. До противоположных скал – четверть полета стрелы. Фидар обернулся и предупредил спутников:

– Будьте внимательны. Албаны – отличные стрелки.

– Кто такие – албаны, – спросил Исмен.

Фидар не успел ответить. Репейник, бежавший впереди, зарычал. Всадники тут же перекинули щиты со спины на левую руку. Потянулись к копьям. Стрела со стуком вонзилась в щит Фидара. Оперение черное, а кромки подведены красной охрой.

– Вот и албаны, – недовольно буркнул аорс. – Выследили.

Исмен выхватил лук и готов был вложить стелу.

– Не смей! – крикнул ему Фидар. – Ты стрелка еще не видишь, а он в тебя уже целит. Кто-нибудь заметил, откуда стреляли?

Но сколько путники не напрягали зрение – кругом только серые скалы. Конь Исмена призывно заржал. Раздалось ответное ржание. От скалы на противоположной стороне ущелья отделилась фигура всадника. Он уверенно восседал на низком черном коне. Что конь, что всадник почти сливались с камнями. Всадник открыто подъехал к самой кромке обрыва. Круглый легкий щит за спиной. Копье торчало острием в небо. На голове медный шлем с гребнем. Лицо до самого подбородка скрывала боевая маска. Всадник натянул лук и послал вторую стрелу. Она опять угодила в щит Фидара.

– Охотишься? – крикнул аорс всаднику.

Тот чуть заметно кивнул, колыхнув плюмажем конских волос на шлеме. Плюмаж, как и оперение стрелы, был черным, а наверху красная кромка.

– Я поеду вперед, – сказал Фидар спутникам, освобождая копьё из чехла. – Вы не суйтесь.

– Почему? – удивился Исмен.

– Потом объясню.

– Может, лучше мне поехать? – предложил будин. – Ты горы знаешь. Если с тобой что-нибудь случится – мы пропадем.

– Нет. Он меня хочет. Да не переживайте, я справлюсь. Держитесь в стороне.

Аорс поскакал вперед. Таинственный всадник проследил взглядом за Фидаром, повернул коня и скрылся в скалах. Исмен и будин осторожно двинулись следом. Шум реки, отраженный от узких стен ущелья, становился все громче. Всадники преодолели подъем, и перед ними открылась просторная зеленая долина. Дорога пошла вниз, петляя почти у самого обрыва, и дальше бежала вдоль реки. Прямо в бурном потоке крутились два всадника, молотя друг друга копытами в щиты.

– Скорее, на помощь Фидару! – крикнул Исмен.

– Он просил не вмешиваться, – напомнил Будин, но Исмен уже пустил коня вскачь.

Не так-то просто оказалось спускаться по узкой горной тропе с крутыми поворотами. Из-под копыт срывались в пропасть шаткие камни. Ноги коня разъезжались. Когда Исмен, наконец, выскочил к реке, то в воде уже никого не было. Он весь похолодел от мысли: неужели Фидар убит! Или ранен, и его унесло потоком?

– Смотри, – будин указал на противоположный берег.

Спокойно, бок обок, на возвышенности стояли два коня, один из них – Уахуз Фидара, другой поменьше и изящнее, весь черный с красной гривой и длинным черным хвостом, конец которого тоже был выкрашен охрой. Исмен перебрался через реку, вылетел на бугор и застыл в изумлении. Фидар весь мокрый сидел на гранитном валуне. Рядом, такой же мокрый, сидел недавний противник. Они мирно беседовали и дружно смеялись. Разве такое возможно? Только что сцепились в смертельном поединке, а теперь перекидываются шутками, словно старые друзья.

Приглядевшись, Исмен еще больше удивился. Воин на деле оказался красивой женщиной. Круглое скуластое лицо с большими карими глазами. Впереди на грудь свисали две толстые косы до самого пояса, по спине сползала третья. Просторная одежда из темной коричневой кожи свободно сидела на ее стройной фигуре. Доспехов на воине не было, только широкий боевой пояс, начинавшийся чуть ли не от груди. Бронзовые прочные пластины на поясе. Широкий кожаный ремень шел наискось от левого плеча, стягивая правую грудь, отчего она казалась одногрудой. Шлем с плюмажем лежал рядом на камнях.

Увидев Исмена и будина, женщина подобрала шлем, быстро поднялась, высокая, стройная, легко вскочила на коня и умчалась, поднимая шлейф пыли.

– Кто это был? – удивленно хлопал глазами Исмен.

– Албана, женщина – воин. Ты разве не слышал о них?

– Нет, – признался Исмен. – Что она хотела?

– Лиса вышла на охоту. Теперь я ее пленник.

– Как, пленник? – испугался Имен.

– Не переживай, это ненадолго, – как-то странно усмехнулся аорс. – Выше в горах находится их селение. Погостим несколько дней, отдохнем, поедим от души, и она меня отпустит.

– Я не понимаю тебя, – начал злиться Имен. – Ты пленник или гость?

– Поехали, сам все увидишь. – Фидар поднялся. На камне осталось темное мокрое пятно. – На ветру быстрее обсохну.

– Может, не стоит туда ехать, – насторожился будин. – Как-нибудь уйдем тихонько.

– Я дал слово. Да и не скрыться нам никуда: кругом их земли, их горы. Нагонят и в ежей превратят. Стреляют они отменно. Вот змея! – посетовал он, осматривая щит. – Вся облицовку испоганила. Теперь придется новый где-то доставать. – Он показал друзьям щит с изодранной кожей, и помятыми металлическими пластинами. Сквозь прорехи выглядывала измочаленная плетеная основа. – Вроде маленькая, хрупкая, а удар как у бывалого воина.

Жрицы Аргинпасы

Селение заметили издали. Долина заканчивалась у поворота реки. На другом берегу начинался отрог горного хребта. Множество домиков теснились на склоне, как гнезда ласточек. А на самом верху возвышалась цитадель, как будто выросшая из скал. В долине паслись стада овец и коров. Пастухи, завидев всадников, спешили отогнать животных и освободить дорогу, униженно кланялись.

– Какие-то они запуганные, – заметил Исмен.

– Невольники, – объяснил Фидар. – Тут все мужчины – невольники.

– А кто правит?

– Женщины. – И добавил наставительным тоном: – Будем у них гостить, ничему не удивляйся и не возмущайся. К мужчинам тут относятся, как к скоту. Могут лелеять и ублажать, как хорошего коня, а могут кровь пустить за один дерзкий взгляд.

– Не пойму ничего из твоих слов, – возмутился Исмен. – Зачем мы тогда к ним едем? Не лучше ли повернуть обратно?

– Я же сказал: не уйти нам. Да, не переживай, не так они и страшны, эти албаны, даже – наоборот. – Он усмехнулся, но сразу же нахмурился: – Если покажется, что тебя унижают, стойко переноси все оскорбления, но в то же время, не теряй достоинства. Албаны – народ горячий. У них жестокие законы: слово скажешь против – и тебе глотку враз перережут.

Они взбирались к цитадели по грязной тесной улочке, извивающейся, словно змея. Странное селение, удивлялся Исмен. Чтобы построить дом, врывались в склон. Вертикально обтесывали скалу – получалась задняя стена. Две боковые стенки клали из тщательно подогнанных камней. Фасадную, с входным проемом сооружали из переплетенных прутьев, обмазанных глиной. Крыши плотно перекрывали бревнами, потом настилали солому, а сверху насыпали речную гальку с глиной. Дома шли уступами так, что человек, выходя за порог, оказывался на крыше соседа, живущего ниже. За последним венцом из домиков поднимались отвесные скалы, локтей двадцать в высоту, как будто зуб из десны. Естественная крепость кое-где была достроена стрелковыми башнями. В скале прорублен проход, который преграждали массивные дубовые ворота. По обеим сторонам на длинных шестах торчали лошадиные черепа с черными косами, концы которых были выкрашены красной краской.

Ворота распахнули перед путниками. Их встречали женщины, больше двух десятков. Все в мужской одежде: кожаные куртки, широкие боевые пояса, анаксириды, высокие сапоги со шнуровкой спереди. За поясом у каждой выглядывала рукоять кинжала. И у всех через плечо шел широкий ремень, стягивающий правую грудь. Волосы заплетены в три косы: две свисали спереди, третья падала на спину. Они наглыми откровенными взглядами оценивали прибывших путников, делали едкие замечания и при этом покатывались со смеху.

– Пусть шутят, – успокаивал друзей и, прежде всего себя, Фидар, но сам весь посерел от злости. – Мы тоже любим шутки.

Вперед вышла высокая девушка, некрасивая: с грубыми чертами лица, к тому же рыжая и рябая. Тело ее больше походило на мужское: мускулистое, угловатое. Короткие мощные ноги слегка искривлены. Широкий пояс поверх длинной рубахи из мягкой замши перетягивал талию, подчеркивая необычную для девушек ширину плеч. По поясу шел узор из медных крылатых зверей с львиным телом и орлиными головами.

– Кто из вас аорс по имени Фидар из клана Рыси? – спросила она грубым голосом.

– Я, – ответил Фидар.

– Слезай с коня, – приказала рыжеволосая. – В храме Аргинпасы нельзя мужчинам появляться верхом.

Фидар послушно сошел на землю. Рыжеволосая оказалась ниже аорса всего на полголовы; а, ведь, Фидара боги ростом не обделили.

– Оружие тоже оставь за воротами, – продолжала диктовать девушка.

– Даже нож? – недовольно пробурчал аорс.

– Он тебе не пригодится.

К воротам подошли еще несколько женщин и нагло, как быков на торжище, принялись осматривать путников.

– А это кто? – спросила высокая, крепкая албана, указывая на будина. Ее темные большие глаза вспыхнули любопытством.

– Мой щитоносец, – ответил Фидар.

– Силен, – она внимательным взглядом ощупала Колобуда с макушки до пяток.

– Еще как, – подтвердил Фидар. – Вон, видишь, чем он воюет. – Указал на кувалду, висевшую вместо меча на поясе.

– Ты из какого племени? – приблизилась она к будину.

– С севера я, из лесных охотников.

– Хвораешь чем: язвы какие есть, или с зубами маешься?

– Здоров. А зубами могу руку тебе перекусить, – обиделся будин.

Она подошла совсем близко и нагло заглянула в глаза. Сказала властно:

– Слезай!

– Зачем? – растерялся Колобуд.

– Угощу тебя вином, – хитро улыбнулась албана. – Сыграю на флейте и спою сладкую песенку.

Будин густо покраснел, слез с коня, смущенно озираясь. Женщины захохотали, когда албана сама отцепила кувалду с его пояса, отвязала нож с бедра, передала оружие Исмену. Схватила будина за руку и потащила за собой. Тот, как жертвенный бык, послушно поплелся следом.

– Проходи, Серебряная Змея ждет тебя, – смягчив тон, пригласила Фидара рыжеволосая.

– Постой! А Исмен как же? Он с нами.

– Ему нельзя, – жестко отрезала девушка.

– Тогда я тоже не пойду, – заупрямился Фидар.

– Нельзя ему, – сердито повторила рыжеволосая. – Он не достиг еще возраста зрелости, и его никто не выбрал. Не беспокойся за мальчишку: поживет в нижнем городе. Его будут хорошо кормить и за лошадьми присмотрят.

Но Фидар продолжал стоять в нерешительности.

– Иди, – подтолкнул ему Исмен. – Я же не младенец. Меня грудью кормить не надо, и задницу подмывать. Справлюсь.

– Хорошо, – согласился Фидар, передал ему оружие, сам в это время тихо сказал: – Займи самый нижний домик у выезда. Держи лошадей всегда наготове. Мало ли что...

Исмен чуть заметно кивнул.

Он нашел у самой дороги хижину, косо сложенную из булыжника на глине. Поселение заканчивалось. Дальше открывался вид на зеленую долину. Журчала река, перекатываясь через донные валуны. Старик в мохнатой овечьей шапке вежливо пригласил его в дом. Поверх серой холстяной рубахи он носил меховую безрукавку. Штаны холщевые, широкие. На ногах войлочная мягкая обувь, обшитая кожей.

Исмен поставил коней под навес, принес охапку сена. В кормушку насыпал несколько горстей ячменя. Старик сходил к реке, принес воды, налил в специально выдолбленную яму в земле. Исмен осмотрел у лошадей ноги. Убедился, что бабки не сбиты и копыта целы. Прошел в дом. Небольшое помещение три на пять шагов, с низким закопченным потолком. Ужасный застоявшийся запах гнилого сена и гари ударил в нос. Вход завешивала старая рогожка, да и ту

старик откинул, потому что дым от очага вытягивало через входной проем. Очаг находился посредине и без того небольшого помещения. По кругу лежали булыжники. На углях пеклось мясо, нанизанное на прутья.

– Коровье кислое молоко, – предложил хозяин, протягивая пузатый кувшинчик.

– Позволишь, я его собью, – спросил Исмен.

Он вылил молоко в свой походный кожаный мешок для воды, добавил соли и долго бил мешок палкой, затем развязал и разлил по чашам.

– Ничего вкуснее не пробовал, – похвалил старик. После предложил гостю сыр. Снял с угляй готовое мясо и положил его в большое деревянное блюдо.

– Поведай, отец, что за народ здесь живет, – спросил Исмен, жуя сочный кусок баранины и запивая его кислым молоком. – Язык понятный. Ты же меня понимаешь, и я тебя.

– На горе цитадель видел? Там обитают здешние воительницы – албаны. А в нижнем городе мы – гаргареи. Но гаргареи здесь постоянно не живут. Мы приходим отбывать повинность.

– За что?

– Раньше албаны разоряли наши селения, угоняли скот. Старейшины попросили у них мира. Взамен албаны потребовали, чтобы мужчины приходили сюда и выполняли всякую черную работу. Кто сеет и выращивает ячмень, просо; кто скот пасет, доит коров и взбивает масло. Я воду ношу в цитадель. Мой сын пасет лошадей. Скоро тридцать дней, как мы с сыном отбываем повинность. Через пять дней придут другие нам на смену, а мы отправимся в родное селение. На следующий год вновь придем.

– Как могли появиться албаны? Где их мужчины? Или эти женщины с сотворения мира живут одни?

– Мой прадед рассказывал: когда он был маленьким, в этой долине жило два могучих племени: одно на месте этого поселения, другое по ту сторону долины. Там до сих пор стоят руины их домов. Эти племена никак не могли поделить пастбища. Уж из-за чего у них вышла ссора – не ведаю, да и забыто давно, но однажды все мужчины сошлись на бой, встали под горой и принялись резать друг друга. Дело зимой происходило. Разгневался бог Тешуб и накрыл их снежной лавиной. Погибли все. В селениях не осталось мужчин – одни женщины. Прознали об этом дарги.

– Дарги, тоже народ?

– Да. Воинственный, жестокий. Они живут высоко в горах, занимаются охотой и разбоем. Так вот, прознали дарги и решили захватить долину. Мужчин нет. Кто им окажет сопротивление? Женщины с той стороны из враждующего селения пришли сюда с детьми и скарбом, что успели захватить. Их приняли. А куда деваться? И тогда два племени, в котором остались только женщины, решили объединиться и дать отпор врагу. А чтобы больше не было внутри раздора, решили жить только женским обществом. Дарги пришли в селение по ту сторону долины, а там – никого. Разозлились и подожгли дома. Решили и это селение уничтожить. Но тут, видел, какая скала? Дарги попытались штурмом взять, а им на головы полетели булыжники и стрелы. Когда поняли, что не одолеть сходу, решили измором заставить женщин сдаться. Разбили лагерь у реки, разложили костры. Думали, что албаны проголодаются, да и спустятся. Не тут-то было. Поплатились за беспечность. Албаны ночью, вооружившись колами, дубинами, ножами, на веревках тихо спустились и напали на спящих даргов. Одних на месте пришибли, других к реке погнала. Лед тонкий был, да поток быстрый, почти все дарги потонули.

– Но как же они живут без мужчин? – удивился Исмен.

– Хорошо живут, – уверенно махнул рукой старик. – Вот, спутников твоих заманили, значит – к осени будет прибавление.

– А если родятся мальчики?

– Мальчиков они отдают нашим женщинам. Сын у меня, – понизил голос хозяин, хотя кроме них двоих никто не услышал бы разговор. – Сын у меня старший от албаны. Прискакала ночью на коне и отдала супруге. Вот – вырастили: крепкий, умный – на радость старикам.

Томирис

Утром Исмен поднялся с рассветом и повел коней к реке. До чего чудесное утро в горах. Склоны, обращенные к востоку, вспыхивают, озаряемые ранним оранжевым солнцем, а западные еще спят в глубокой синей тени. Резко очерчиваются скалы и расщелины. В низинах тает розовая легкая дымка. Кудрявые облачка задержались, отдыхая на белой снежной вершине. Воздух влажный, холодный, так и обжигает грудь, но дышится легко.

Исмен обогнул скалу. Впереди звонко журчала река. Промелькнула стайка юрких птиц. Рыжие белки сердито цокали, быстро взбираясь по стволу высоченной пихты.

– Стой! – раздалось сзади. – Ты куда направился?

Исмен обернулся. На дороге никого не увидел. Поднял глаза вверх. На уступе скалы стояла юная албана примерно его возраста. Одежда из коричневой мягкой кожи почти сливалась с песчаником. Боевой широкий пояс отсутствовал; талию стягивала изящная матерчатая лента с узором. Справа короткий тонкий акинак на перевязи через плечо. Албана и сама была тонкая, совсем не похожая на своих толстобедрых соплеменниц. Исмен подметил, что все на ней как-то аккуратно, изящно. Кожаные анаксириды с ровными швами обтягивали стройные, еще худые девичьи бедра. Голенища узких сапожек с острыми носами поднимались до самых колен. Впереди шла аккуратная шнуровка из красной бечевы. Просторная удобная одежда расшита магическими узорами. Рукава на запястьях удерживали широкие медные браслеты. Лицо не круглое и не скуластое, как у большинства албан. Слегка вытянутый нежный овал с розовыми щечками и острым подбородком, нос правильный, прямой. Глаза большие, темно-карие, смотрели внимательно и строго. Брови изогнуты тонкими дугами. Две черные косы свисали спереди ниже пояса. Концы выкрашены охрой. Третья – за спиной. Но, несмотря на видимую хрупкость, в ней чувствовалась сила.

С грацией рыси албана быстрыми шуршащими шажками подошла к краю скалы и прыгнула вниз. Исмен даже сделал невольное движение вперед, чтобы поддержать. Уступ высокий, примерно в два человеческих роста. Но девушка легко приземлилась, слегка сгруппировав тело. Тут же распрямилась.

– Куда идешь? – повторила она строго.

– Коней решил искупать, – ответил Исмен, с интересом разглядывая албану. Никогда не видел девчонку в мужской одежде. Сестры обычно носили длинные грубые рубахи до самых пят. Поверх надевали безрукавки из овчины.

– Кто тебе разрешил? – продолжала допрос албана.

– А кто мне может запретить? – пожал он плечами.

– Я!

Она подошла к нему вплотную. Девушка оказалась чуть ниже ростом, худая, но не тощая.

– Запрещай, – просто ответил Исмен. – Только, вряд ли я послушаюсь. И чего ты ко мне пристала?

Юная албана еще больше изогнула тонкие брови и рассержено воскликнула:

– А вдруг ты решил удрать. Ты же из этих, из гостей.

– Удрать? – не понял Исмен. – Без чепраков, без оружия, без дорожной поклажи...

– Верно, – смутилась албана. – А почему не приказал гаргареям искупать коней? Почему сам пошел?

– Зачем зря людей беспокоить? Я справлюсь, – не понял Исмен. – У них своя работа есть.

– А если коней твоих зверь напугает, ты сможешь удержать всех четырех?

– Я не один. У меня помощник есть, – указал Исмен на Репейника, который в это время метил все ближайшие бугорки и камни, с важностью задирая заднюю ногу.

– Вот это лохматое чудовище? – не очень поверила албана.

– Он со щенков пасет лошадей. И очень быстро бегаёт. С волком может справиться.

– Как зовут этого зверя?

– Репейник.

– Репейник? – она звонко рассмеялась, показывая ровные белые зубки. – Что за имя для пса?

– Он лохматый, всегда шерсть торчит клочьями во все стороны, – объяснил Исмен. – Да и репы у него вечно в шерсти, не успеваешь вычесывать.

Взгляд девушки слегка потеплел.

– Хочешь, покажу тебе спокойную заводь, – уже дружелюбно предложила она. – Я свою лошадь обычно там купаю.

– Показывай, – согласился Исмен.

Его очень удивила резкая смена настроения юной албаны. Из грозовой тучки вдруг превратилась в яркое солнышко.

– Только, место это не близкое, – предупредила она. – Лучше верхом проехать.

– Ты сможешь без чепрака?

– Конечно. Разреши я на этого коня сяду, – попросила она, погладив Цырда. – Какой красивый! Ноги какие сильные. – Глаза ее загорелись.

– Нет, – качнул головой Исмен. – Этот конь строптивый. Чужих не любит. Только хозяину позволяет садиться верхом. Извини. Выбери другого.

– Жалко. Я бы хотела иметь такого коня. Он твой? Заметно. Так и ластится к тебе.

Исмен взобрался на Цырда. Албана легко вскочила на круп коня будина и, совсем не дергая уздой, умело управляя одними коленями, направила его вперед. Заводь оказалась удобной, мелкой. Исмен мыл коней по очереди пучком травы с песком. Албана в это время игралась с Репейником. Исмен очень удивился. Репейник не признавал людей кроме него. Только посмей чужой его погладить, тут же зубы покажет, а то и цапнуть может. А тут: нашел сучковатую палку, бросил к ногам девушки и призывно залаял. Она кидала палку далеко в траву, пес находил ее и приносил обратно. Даже с ним, с Исменом, Репейник давно так не резвится, словно щенок. А тут, разыгрался, да еще с человеком, которого впервые увидел... Странно!

– Как зовут тебя? – спросил Исмен, когда они ехали обратно.

– Томирис, – ответила девушка. – А твое имя?

– Родители нарекли меня Исменом, – представился он.

– Хорошее имя, – чуть улыбнулась девушка. – Обычно так называют наследников рода.

Из какого ты клана?

– Этого клана уже нет, – грустно вздохнул Исмен.

– Прости. Что случилось?

– Вырезали. Такова воля богов. Ничего не поделаешь.

За поворотом показалась цитадель и город под ней.

– Хочешь, я покажу тебе нашу долину, – предложила Томирис. – На той стороне есть горячие источники. А там, дальше, – указала она рукой куда-то на далекий склон, – древнее святилище.

– Хочу, – обрадовался Исмен. Что-то в ней было необычное, притягивающее, как вспышка молнии в ночи. Или ему только это казалось? Хотелось подольше побыть с ней, слушать ее голос порой звонкий и жесткий, как звук скрепящихся клинков, а порой мягкий, словно ветерок пробежался по верхушкам деревьев. Он стеснялся, но все же иногда заглядывал в ее глубокие темные глаза, и сердце сладостно вздрагивало. Когда же она бросала на него быстрый взгляд, а алые пухлые губы чуть заметно расцветали улыбкой, Исмен чувствовал, как кровь приливает к щекам, краснели даже уши.

– Тогда отведи коней, захвати горит и акинак. Подъезжай к воротам цитадели, жди меня, – приказала она, легко соскочив на землю.

Исмен поставил коней в загон. Хозяина, старика, дома не было. Исмен почистил свой чепрак. Протер медные кольца для крепления ремней. Цырד радостно зафыркал и стал стучать передним копытом, когда Исмен накинул чепрак ему на спину.

– Застоялся, бедняга, – ласково потрепал юноша его по загривку. – Потерпи, сейчас выведу тебя на свободу. Разомнешь ноги!

Когда он подъехал к воротам цитадели, его никто не встретил. Створки оставались открытыми, но ни охраны, ни Томирис не видно. Исмен постоял немного. В Цитадели – тишина. Вдруг возникла дерзкая мысль: а что, если войти без разрешения? Исмена разбирало любопытство: что же там внутри; как живут эти загадочные албаны? Он, конечно, помнил предостережения Фидара: не делать глупости... А вдруг, не заметят. Только одним глазком... Зайду и сразу выйду. Любопытство пересилило страх. Исмен спешился и тихонько, затаив дыхание, вошел внутрь.

За стенами оказался обширный чистый двор, мощный бульжником. Одинокая массивная башня с узкими стрельчатыми окнами возвышалась локтей на сорок неровным прямоугольником. В основании башни лежали огромные камни. Неужели человеку под силу принести такие большие валуны, да еще обтесать их, уложить ровно в кладку? А за башней шла отвесная скала, в которой располагались входные проемы, обрамленные круглыми колоннами. Скала чем-то напоминала гнездовье стрижей в утесе. Наверх поднимались ступеньки, вырубленные в камне.

Справа блеснул огонь. Исмен пригляделся. Прямо в скале зиял грот. Перед гротом разбит цветник. В глубине мерцало пламя в огромной каменной чаше. Свет пламени выхватывал белую мраморную фигуру. Исмен осторожно подошел к гроту. Пахло ароматными воскуриваниями. Он окунулся в полумрак небольшой пещеры. Кругом по стенам висели головы животных: здесь и медведи, и бараны, волки, лисы, быки. Посредине, перед алтарем с неугасающим огнем величественно стояла мраморная статуя богини в человеческий рост. На холодном лице с мягкими чертами едва проскальзывала улыбка – чуть-чуть кривились полные губы. Но складывалось впечатление, что добродушное выражение лица богини может в любой миг смениться гневом. Руки плавно протянуты к входящему с открытыми ладонями. Она как бы призывает: «Подойди, расскажи все. Я тебя утешу, дитя мое». Но в то же время голову богини украшал боевой шлем с коровьими рогами, сбоку висел кинжал, а из-за спины торчал горит со стрелами. Богиня была обнаженная. Только широкий боевой пояс защищал ее выпуклый живот, будто с младенцем в утробе; но выше теснилось множество грудей, набухших молоком.

Так, вот она, какая, Аргинпаса. Исмен стоял замороженный, внимательно исследуя взглядом каждый изгиб ее тела. Он вздрогнул, услышав, как Цырד недовольно ржет и бьет копытом о камни. Вышел из оцепенения. Почувствовал себя вором, залезшим в чужую кибитку. Как бы не застали его здесь. Нельзя без спроса заходить в чужой храм. Быстро зашагал обратно к воротам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.